

Ю. А. ДАВЫДОВ
ЗАПИСКИ
О
ПИЧАНКОВСКОМ

Ю. Л. ДАВЫДОВ

ЗАПИСКИ
О
П. И. ЧАЙКОВСКОМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 1962

Общая редакция и примечания

Г. И. НАВТИКОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ И СЕМЬЯ ДАВЫДОВЫХ

Семья Давыдовых принадлежала к древнему дворянскому роду. Из поколения в поколение передавалась легенда о том, что род этот берет начало от Золотой Орды, от Менчака Давыда. Один из потомков Менчака Давыда — Лев Денисович Давыдов, участник всех суворовских походов, женился на вдове Николая Семеновича Раевского Екатерине Николаевне, племяннице знаменитого Потемкина, и поселился в обширных поместьях своей жены на Чигиринщине, в Каменке.

От первого мужа Екатерина Николаевна имела двух сыновей — Александра и Николая. От Льва Денисовича у нее было восемнадцать детей, из которых лишь четверо достигли зрелого возраста.

Николай Раевский прожил героическую жизнь и стяжал себе славу одного из храбрейших военачальников России. Жизнь его протекала преимущественно в армии, на полях сражений. Он сражался против войск Понятовского в Польше, участвовал в войнах с Персией, бился против французов в Пруссии, против шведов в Финляндии, против турок в Румынии и, наконец, был участником Отечественной войны 1812 года. Редут Раевского, находившийся на территории имения партизана Дениса Давыдова, был центром битвы «двунадесяти языков» и навсегда вошел в историю военного искусства¹.

Трижды контуженный и несколько раз раненный, Николай Николаевич не охладел к бранному делу.

В 1812 году он взял с собой в армию своих сыновей. Старшему из них — Александру — только что исполнилось шестнадцать лет, а младшему — Николаю — не было еще и одиннадцати. В деле под Дашковкой² Раевский повел

их с собой в атаку на французские батареи. Это воодушевило войска. Они яростно ринулись вперед, все опрокидывая перед собой. После боя отец спросил меньшего сына, знает ли он, почему отец взял его с собой в дело. — Да, отец, — отвечал десятилетний воин, — чтобы умереть вместе.

За свою жизнь Николай Николаевич участвовал более чем в семидесяти сражениях. За участие в бою при взятии Парижа в 1814 году³ его произвели в чин генерал-аншефа, он получил орден святого Георгия II степени и назначение командующим армией.

Младшие братья Николая Николаевича очень привязались к нему, горячо любили его и гордились им. Разница в возрасте между Николаем Николаевичем и самым младшим его сводным братом Василием Львовичем Давыдовым составляла двадцать два года. Николай Николаевич оказывал большое влияние на всех братьев.

Следующим по старшинству из сыновей Екатерины Николаевны был Александр Львович Давыдов, добродушный толстяк, любивший хорошо поесть. Он обладал исключительной силой. Бесстрашный солдат-рубака, Александр Львович также принимал участие во многих войнах своего времени. Двадцать три раза раненый, несколько раз контуженный, он за личную отвагу был награжден орденом святого Георгия и золотым оружием, но в чинах продвигался плохо. Он воспет Пушкиным, также как его жена Аглая и дочь Адель.

Третьего из братьев, Петра Львовича, с детства определили на военную службу. Четырнадцати лет он уже стал офицером. В 1809 году Петра Львовича назначили шталмейстером⁴ двора великой княгини Анны Павловны, и он расстался с военной службой. Когда началась Отечественная война, Петр Львович вновь вступил в армию, участвовал в большинстве сражений с французами, в том числе и во взятии Парижа. За отличие он получил ордена и чин генерала. Николай Николаевич Раевский писал: «Скажу о брате Петре, что он с гусарами везде лихо отличается, и где наши с неприятелем встречаются, то везде их колотит»⁵.

Самый младший из братьев, Василий Львович, любимец семьи, родился в Москве, в доме на Пречистенке, принадлежавшем его родителям. О раннем детстве Василия Львовича известно мало. Разница в годах между остальными братьями и Василием Львовичем говорит о том, что маль-

чик рос в одиночестве, без сверстников. Близость к взрослым и оторванность от «детской» рано сделали Василия Львовича вдумчивым.

Семи лет его определили в пансион аббата Николь. Последний заинтересовался способным, любознательным мальчиком, который очень любил читать.

В октябре месяце 1801 года скончался Лев Денисович, отец Василия Львовича. Мать, тяготясь шумной городской жизнью в Москве, решила навсегда переселиться в Каменку и увезла единственного оставшегося при ней сына. Расставаясь с семьей Давыдовых, аббат Николь порекомендовал Екатерине Николаевне в качестве наставника и воспитателя маленького Василия своего близкого друга, умного и высокообразованного аббата Фромана.

В Каменке в те времена еще существовал большой двухэтажный деревянный дом, в котором помещалась библиотека. Василий Львович впоследствии пополнил эту библиотеку громадным количеством книг, выписанных им сначала по совету аббата Фромана, а потом самостоятельно.

Покидая Москву навсегда, мать Василия Львовича продала московский дом и, за исключением редких выездов по семейным делам, прожила двадцать четыре года в Каменке, посвятив себя воспитанию Василька.

Маленький Василий, пользуясь всеми благами деревенской жизни, усердно занимался со своим новым наставником аббатом Фроманом, человеком передовых взглядов. Все свободное от уроков и экскурсий время Василий Львович упивался чтением, которым руководил Фроман. Более всего мальчик увлекался историей. Гуманные идеи рано западали в душу мальчика.

Мать Василия Львовича, в память о своих погибших детях и из потребности иметь подле себя любящее сердце, взяла на воспитание четырехлетнюю сиротку. Ее звали Сашенькой. Девочка хорошо запомнила свою первую встречу с Василием Львовичем.

— В жаркий летний день, — рассказывала она много лет спустя, — наигравшись в саду, я вбежала по ступенькам крыльца в большую полукруглую залу с колоннами и зеркалами, и тут увидела бледного, стройного мальчика с вьющимися темными волосами.

— Кто ты? — спросил он. Я звонко отрапортовала: — Я Сашенька Потапова, — кивнула ему головой и убежала в сад.

Александра Ивановна Потапова впоследствии стала же-

ной Василия Львовича, сделалась его незаменимой утешительницей в несчастии и верной спутницей до последней минуты его жизни.

1806 год принес Василию Львовичу большое огорчение. 16 ноября вышел манифест о войне с Францией. Все французские подданные подлежали выселению из России, в их числе и аббат Фроман. В мрачный декабрьский день он простился со своим воспитанником. Не думал тогда аббат, что горько плачущего подростка ждут еще более горькие слезы, не думал, что воспринятые мальчиком передовые идеи приведут его на каторгу.

В конце 1806 года всеобщее возбуждение выросло еще больше. Запахло порохом. Пятнадцатилетний Василий Львович стремился вслед за братьями на войну, но мать вначале непустила его. Она уступила лишь благодаря заступничеству за Василия Львовича его брата Николая Николаевича и дяди Александра Николаевича Самойлова, видного военного деятеля екатерининских времен, бравшего Очаков, участника штурма Измаила⁶, лично знакомого с Суворовым и Кутузовым. Василий Львович самостоятельно отправился в дальний путь. Однако тем временем обстановка изменилась. Когда он прибыл к месту военных действий, неожиданно для всей России, Александр Первый не только заключил мир с Наполеоном, но и сделался его союзником⁷. Василий Львович возвратился с войсками в Петербург.

В декабре 1808 года шестнадцатилетнего Василия Львовича произвели в офицеры. Через три года он получил чин поручика. Наступил грозный 1812 год. Война с Турцией еще продолжалась. Отношения с Наполеоном явно портились. Все члены семьи Давыдовых, способные носить оружие, почли долгом пойти на защиту земли русской. Василий Львович попал в адъютанты князя Багратиона, при котором состоял Денис Васильевич Давыдов, его двоюродный брат, — партизан и поэт.

Во многих сражениях участвовал Василий Львович. Со свойственной ему горячностью он подвергал себя смертельной опасности, устремляясь в самые опасные места битвы. Да и князь Багратион не щадил своих адъютантов, посылая их с распоряжениями в самое пекло боя.

В сражении под Бородиным участвовали все братья Василия Львовича, партизан Денис Васильевич, его брат Лев Васильевич, двоюродный брат Евграф Владимирович и двоюродный брат Алексей Петрович Ермолов⁸.

Василия Львовича за храбрость наградили золотой саблей. Он участвовал в боях со вновь сформированной армией Наполеона под Люценом, геройски отличился в сражении при Бауцене и под Дрезденом на правом фланге у Пирской дороги. Восемнадцатого августа Василия Львовича под Кульмом впервые ранили штыком в бок⁹. Еще не вполне оправившись от раны, он вновь возвратился в полк за несколько дней до великого сражения под Лейпцигом¹⁰. В этом сражении ему не повезло. На третий день он, вырвавшись вперед, получил две пулевые раны. Его подобрала отступавшие французы. Он оказался в плену. Но не прошло и десяти дней, как его отбили русские. Раны Василия Львовича скоро зажили. В январе он вновь вернулся в строй и участвовал в сражениях под Пино, затем под Сезаном, Вошаном и, наконец, в марте — под Парижем¹¹.

Этим закончилась военная карьера Василия Львовича. Она привела его к городу его мечтаний. Девятнадцатого марта он с великим волнением вступил в сказочный, как ему казалось, Париж. Пребывание во Франции произвело на него неизгладимое впечатление.

По возвращении обстановка тогдашней русской действительности показалась молодому офицеру особенно тяжелой. В душе исполненного высоких стремлений человека не могло не подняться желание внести луч света в тьму крепостнической России. В различных кругах столичного общества он улавливал глухой ропот людей, недовольных существующими порядками.

Передовая часть общественности России не хотела отрешиться от светлых надежд и стремлений, которые она питала в начале царствования Александра Первого.

В 1820 году Василий Львович вышел в отставку в чине полковника. Недостаточность своего образования он стал пополнять чтением. Его привлекали история, литература, философия. Многие страницы книг его библиотеки были испещрены заметками. Он глубоко вникал в смысл прочитанного.

Перед глазами у него стояла великая и героическая, но бесправная и униженная крепостническая Россия. Василий Львович вступил в Союз благоденствия, стал активным членом Южного общества декабристов¹². В распоряжение конспираторов он предоставил не только себя, но и свою усадьбу в Каменке, рассчитывая, что здесь они будут в относительной безопасности от вездесущих шпионов Аракчеева.

Примерно в то же время Василий Львович обратился к командиру полка, расквартированного в Новомиргороде, в сорока пяти верстах от Каменки, с просьбой найти в полку человека, знакомого с мельничным делом. Командир направил в Каменку рядового Шервуда, которому и поручили перестройку мельницы. Шервуд случайно подслушал беседу конспираторов из окон мельницы. Авантюрист учел всю выгоду от раскрытия заговора и стал выслеживать заговорщиков.

Скоро он понял, что имеет дело с серьезным политическим делом. Узнав, что местом собраний является «карточный домик», он устроил себе наблюдательный пункт в ветвях росшего под окнами этого домика дуба и подолгу просиживал в листве, жадно записывая все долетавшие до него разговоры. Без труда удалось ему установить имена участников. Собрав достаточно сведений, он написал донос Аракчееву¹³.

Так в Каменке началась величайшая драма, разыгравшаяся в декабре 1825 года.

К этому времени мировоззрение Василия Львовича уже окончательно сложилось. Неограниченный произвол царского самодержавия, аракчеевские шпицрутены, крепостничество сделали Василия Львовича убежденным участником заговора, сулившего народу, как думали заговорщики, свободу и лучшую жизнь¹⁴.

В эти годы Василий Львович снова встретился с быстроглазой Сашенькой Потаповой. Они полюбили друг друга и поженились. До восстания декабристов у них родились три сына и две дочери. После суда над участниками восстания Александра Ивановна немедленно стала хлопотать о разрешении следовать за своим мужем в ссылку¹⁵. Не мало препятствий пришлось ей преодолеть, пока удалось добиться этого. Ничто не могло удержать ее от поездки в Сибирь. Даже кончина любимой свекрови — Екатерины Николаевны — не смогла заставить Александру Ивановну переменить свое решение. Екатерину Николаевну Давыдову похоронили на высоком бугре близ Покровской церкви в Каменке, и Александра Ивановна покинула родные места для жизни около мужа, не зная, суждено ли ей когда-нибудь вновь увидеть Каменку. Опекуну детей назначили брата декабриста — Петра Львовича. Он взял сыновей к себе на воспитание, а дочерей, еще малолетними, отдал в Полтавский институт.

В далекой Сибири, в суровой тайге, в метели, в пургу,

ются в землянках и хижинах, Александра Ивановна стремилась к одному — облегчить участь мужа. Его содержали сначала в Нерчинских рудниках, где он работал, прикованный цепью к тачке, потом в Петровском заводе и Чите¹⁶. Александра Ивановна все время не расставалась с мужем, выносила тяготы ссылки, грубость и издевательства начальства, подвергалась постоянной опасности их произвола. В нужде и лишениях она ни на минуту не теряла бодрости духа.

В Сибири у них родилось семеро детей¹⁷. Пожизненно сосланные в каторжные работы почитались «граждански умершими». Имена их переходили к наследникам, а дети, рожденные в каторге, лишались всех прав состояния и даже не носили фамилию отца. Семеро детей декабриста получили фамилию по его имени — Васильевы¹⁸. По достижении школьного возраста сыновей декабриста под этой фамилией отправили в кадетские корпуса. Одного из них, будущего зятя Петра Ильича Чайковского, этапом доставили в первый Московский корпус. В конце концов Василия Львовича перевели на поселение в Красноярск. Сюда же из Каменки приехали старшие его дочери Екатерина и Елизавета. Ехать пришлось им тайно, ввиду отсутствия разрешения на выезд. В Красноярске семья поселилась на главной улице в небольшом деревянном домике с мезонином*.

Екатерина Васильевна вскоре вышла замуж за служащего местной администрации Владимира Михайловича Переслени, под надзором которого находились ссыльные поселенцы. Екатерина Васильевна не любила своего мужа. Возможно, что она вступила в брак из желания облегчить участь своего отца.

Василий Львович не дожил до амнистии. Он скончался в 1855 году, надорвав здоровье каторжной работой¹⁹. Его похоронили на городском кладбище в Красноярске. Вскоре Александра Ивановна с многочисленной семьей тронулась в дальний путь в Москву. Первые годы после возвращения из Сибири она жила в Москве, Киеве и Петербурге, лишь изредка наезжая в Каменку. В начале 70-х годов она окончательно переехала туда и оставалась там безвыездно до самой смерти.

Петр Ильич Чайковский впервые познакомился с семьей Давыдовых в Петербурге, незадолго до свадьбы своей

* В настоящее время дом снесен. В память декабриста В. Л. Давыдова бывший Батальонный переулок, в котором находился этот дом, переименован в улицу Декабристов.

сестры²⁰. Шестого ноября 1860 года Александра Ильинична Чайковская вышла замуж за сына декабриста — Льва Васильевича Давыдова. На свадьбе присутствовала его мать — Александра Ивановна, его сестры — Елизавета, Александра, Софья, Вера, и брат Алексей.

Чайковский стал часто бывать в доме Александры Ивановны, с интересом слушая длинные повествования стариков о прошлом. Но церемонный городской визит не мог создать такого близкого знакомства, какое возникло только впоследствии, во время его пребывания в Каменке, в обстановке деревенской жизни, где все встречались ежедневно и за столом, и на прогулке. Здесь Петр Ильич быстро сблизился со старушкой Александрой Ивановной и со всеми домочадцами.

Впервые Чайковский приехал в Каменку весной 1865 года. Каменка представляла собой в то время торговое местечко, населенное преимущественно ремесленниками и рабочими. К местечку примыкало большое село, разделенное рекой Тясмин на две части — Николаевскую и Покровскую. Здесь скрещивались три большие дороги: из Киева на Екатеринославль, от Черкасс на Елизаветград и от Чигиринна на местечко Златополь и далее на Умань. Со времени постройки Фастовской железной дороги²¹ (1875—1876) Каменка стала сильно разрастаться, но ее владельцы ограничили заселение, предоставив местечку только небольшой участок. Это создало страшную скученность. Масса убогих лачуг, вросших по окна в землю, дырявые тесовые крыши, отсутствие зелени — все это производило удручающее впечатление. В центре стояли более добротные здания с железными крышами и традиционными подъездами, дома местечковой торговой «знати».

Совсем иначе выглядело село, раскинувшееся по реке Тясмин, со спускавшимся уступами к реке огородами и вишневыми садами, вербами и тополями вдоль ее берегов. Выбеленные, всегда чистые хатки-мазанки под соломенными крышами и такие же белоснежные надворные постройки утопали в зелени. Ниже местечка до Тростянского оврага река текла, теснимая отвесными скалами. В другом месте по крутым обрывистым берегам рос лес — Пляковские лески.

Усадьба владельца имения располагалась на высоком берегу Тясмина и примыкала к местечку. В начале 70-х годов многочисленная семья Давыдовых жила в нескольких небольших домиках. Старый барский дом, в котором бывали

многие исторические люди, разграбили управляющие, еще когда Василий Львович находился на каторге. В 1873 году владелец Каменки Николай Васильевич Давыдов решил построить дом, достаточно вместительный для всей семьи. Дом строили основательно. Однако строительство оказалось значительно дороже, чем ожидали. Разгневанный владелец выгнал архитектора и работы прекратил. Недостроенный дом так и простоял много десятков лет, превратившись в живописный голубятник.

В саду, на крутом скате, находился грот для хранения фруктов, по форме напоминавший громадную бутылку, выложенную из кирпича. В летние месяцы он пустовал и представлял удобное убежище от зноя. Еще А. С. Пушкин очень любил этот грот. В семье сложилось предание, будто бы здесь им был написан «Кавказский пленник» и ряд небольших стихотворений. А Петр Ильич, также любивший этот укромный уголок, работал в гроте над Второй симфонией, «Мазепой» и другими произведениями.

Имение подразделялось на восемь так называемых экономий. Сюда же входили лесничества, сахарный, винокуренный, кирпичный заводы и главная контора. Все они подчинялись главному управляющему каменскими имениями зятю Петра Ильича — Льву Васильевичу Давыдову. В первый приезд Чайковского в Каменку его сопровождали младшие братья-близнецы Анатолий и Модест. Им тогда исполнилось по пятнадцати лет. Всю свою жизнь Петр Ильич проявлял большую заботу о братьях-близнецах. В это время он уделял им особенно много внимания, совершал с ними большие прогулки, устраивал всевозможные развлечения, спектакли, живые картины. Уже в этот год Петр Ильич стал душой всех развлечений и веселья в Каменке. Ради братьев он впервые взял в руки ружье, практиковался в стрельбе в цель и даже ходил на охоту со Львом Васильевичем и близнецами. Но охота сама по себе мало нравилась ему. Потребность в общении с природой росла в нем из года в год, и хождение с ружьем заменяло ему любимые прогулки.

Отец рассказывал, что Петр Ильич во время прогулок иногда останавливался и, вынув из кармана записную книжку, что-то наскоро в ней записывал. Много лет спустя мне приходилось видеть в Каменке отдельные бумажки, да и целые записные книжки, исписанные нотами. Использовал ли их Петр Ильич или нет, не могу сказать²².

В 1865 году Александра Ивановна отмечала шестьдесят

третью годовщину своей жизни. Несмотря на то, что она провела в ссылке около тридцати лет, она до конца своих дней сохранила ясную память и живой интерес к жизни. Дочери ежедневно прочитывали ей газеты. Пока зрение ей позволяло, Александра Ивановна сама вела переписку с многочисленными детьми, внуками и правнуками. Она интересовалась делами имения, но личного участия в управлении им, разумеется, не принимала. Вокруг этой поистине исключительной женщины, умной от природы и волевой, группировалась вся семья. Ее любили и побаивались, несмотря на ее безграничную доброту. Петр Ильич не составлял исключения в этом.

Дом, в котором в начале 70-х годов Александра Ивановна жила с дочерьми, внуками и правнуками, и другой дом, в который семья переселилась позже, назывались «большой двор», или «большой дом», хотя они вовсе не отличались особенно большими размерами. Дом Льва Васильевича назывался «малый двор», а чаще «тот двор». Это звучало с оттенком некоторого пренебрежения.

В общей столовой «большого дома» к обеду и ужину собиралась вся семья, исключая Льва Васильевича, его жены и детей, живших отдельно. Задолго до назначенного часа все уже были в гостиной. Старшие садились вокруг большого круглого стола перед двухместным диванчиком у стены. Велась негромкие разговоры о политике, о новостях в искусстве, в литературе. Реже обсуждались хозяйственные дела. Вокруг старших собиралось молодое поколение, говорившее вполголоса. Дети говорили совсем тихо. Если в небольшой гостиной не хватало для них места, они стояли или играли и развлекались в соседней передней, не поднимая, однако, ни малейшего шума.

Одна из старших дочерей уходила к матушке Александре Ивановне, чтобы сообщить ей, что все уже в сборе. Через несколько минут раздавался стук палки, о которую опиралась Александра Ивановна, слышались ее быстрые шаги по коридору, и она входила в гостиную. При ее появлении все вставали. Она, не здороваясь с каждым отдельно, проходила к диванчику, садилась и, обводя всех внимательным взглядом, тотчас замечала, кого недостает. Осведомившись о причине отсутствия и получив ответ на все свои вопросы, она предлагала старшим сыграть партию в «мельника», ее любимую игру в карты, и очень внимательно велла игру.

Точно в назначенный час, минута в минуту, буфетчик

Петр Герасимович появлялся на пороге и докладывал: «Кушать подано». Если обед почему-либо запаздывал, он, не смущаясь, переводил стрелки часов немного назад. Александра Ивановна немедленно вставала, бросала карты и направлялась в столовую. Все, строго по старшинству, следовали за ней и так же по старшинству занимали места за столом. Никому и в голову не приходило сесть за стол раньше Александры Ивановны. По окончании обеда она уходила в свой небольшой кабинет. Все остальные, прополоскав рот и умыв кончики пальцев, опять-таки по старшинству направлялись к ней и, целуя руку, благодарили за обед. Этот свято соблюдавшийся обряд пленял Петра Ильича. Ему бесконечно нравилась патриархальность уклада жизни этой семьи²³.

Когда Александре Ивановне минуло восемьдесят два года, она совершенно ослепла. Решили сделать ей операцию и вырезать катаракту, чтобы восстановить зрение. Все страшно волновались, как она отнесется к предложению. Петр Ильич в это время находился в Каменке²⁴ и волновался едва ли не больше всех. Выслушав родных, Александра Ивановна спокойно, с улыбкой тотчас же согласилась. Для операции выписали из Харькова славившегося в те времена на всю Россию окулиста профессора Гирша. Операция прошла удачно. По словам профессора, он впервые оперировал пациентку такого возраста и впервые ему пришлось встретиться со столь терпеливой больной.

Такова была эта женщина, вызывавшая искреннюю симпатию Александра Сергеевича Пушкина и Петра Ильича Чайковского. Александра Ивановна пережила Чайковского. Весть о его смерти тяжело отразилась на ней, видевшей столько горя в жизни. Скончалась она в 1894 году на девяносто третьем году жизни от воспаления легких.

До последних дней жизни при ней почти неотлучно находились ее дочери Елизавета и Александра. Обе остались незамужними, посвятив всю свою жизнь матери.

Елизавета Васильевна обладала незаурядным художественным талантом, страстно любила природу и часто совершала прогулки с Петром Ильичем. Она всегда принимала деятельное участие в судьбе ближних. В круг ее интересов входила и медицина. В этой области она читала особенно много. Лечила она, конечно, безвозмездно, никогда не отказывая в совете, поддержке и утешении всем, кто к ней обращался. Елизавета Васильевна была хорошо знакома с

Гоголем и встречалась с ним в Италии, общалась также с Некрасовым, Данилевским. Несомненно, художественная натура Елизаветы Васильевны не могла не оказать влияния на Петра Ильича. Часами просиживал он в ее обществе, пополняя в юные годы свои знания, расширяя свой кругозор, учась любить памятники искусства. Не иначе, как «ангелами», называл Петр Ильич ее, ее мать и сестру Александру Васильевну.

В рассказах Елизаветы Васильевны Петр Ильич фигурировал постоянно. Она вспоминала его всегда веселым, остроумным, вспоминала его прекрасную игру на фортепьяно. Чаще всего он импровизировал, а не играл заученные вещи. Елизавета Васильевна вспоминала, как он радовался при виде какого-нибудь цветка, тенистой тропинки, поляны в лесу. Все в природе восхищало его.

Много общего с сестрой Елизаветой имела Александра Васильевна... Всю свою жизнь она также посвятила своей матери — Александре Ивановне. Она воспитывала своих племянников, сыновей брата Алексея, отдавая им не только все свое свободное время, но и все свои средства... Не имея собственной комнаты и даже угла, она спала на маленьком двухместном диванчике у двери спальни матери. Александра Васильевна была хранительницей богатейшего архива декабристов, который состоял из обширной переписки не только на бумаге, но и на клочках белья, тряпочках, на газетах и даже на кусках кирпича. В семье его берегли как ценнейшую реликвию²⁵.

Александра Васильевна получила хорошее образование. Отец очень любил ее и лично руководил ее воспитанием. В семье она была живой энциклопедией. У нее всегда находился ответ на любой вопрос, с которым к ней обращались. Особенно мы любили ее за то, что она знала множество интереснейших сказок и замечательно рассказывала их.

Вот как в своей автобиографии Модест Ильич Чайковский пишет о семье Давыдовых. «Роскоши и безупречной опрятности во внешнем обиходе, столь приятно поразившей меня в Каменке, соответствовала безукоризненность чистоты духовной в трех «ангелах» этой семьи, т. е. старушки Александры Ивановны и двух старших дочерей — Елизаветы и Александры Васильевны.

Все мои старшие, среди коих протекала до сих пор моя жизнь, были и добры, и честны, и великодушны, но [...] ни в ком из них я не знал той безупречности в исполнении долга, той полноты самоотречения, того неведения каких

бы то ни было уступок удовольствию, такого полного отсутствия легкомыслия в отношении к малейшим подробностям житейским, такой снисходительности к другим, такой беспощадной строгости к себе и, наконец, той благовоспитанности в пустяках и внешней и внутренней жизни — как в этих трех святых созданиях.

Мне одинаково показалось странным и ласковое замечание, сделанное мне «не есть с ножа», и другое, — «не читать чужого письма, даже если оно валялось открытым и было не известно от кого и кому».

Мне также придиричивым и мелочным представлялась мягкая добродушная насмешка над тем, что я, подходя к старшим, первый протягивал руку, — как и над моим «честным» словом, с удивленным вопросом: «Разве у меня есть также нечестное?»

...Меня не понял тот, кто увидел бы в лице Давыдовых каких-то наставниц, самодовольно проповедовавших добродетель. В том и была сила их воздействия на меня, что ничего наставнического в их обращении со мной не было, и «уроки добродетели» преподавались с тем смирением, с той добротой, которая не сверху вниз смотрит на ближних, довольная своим превосходством над жалкими грешниками, а видит достоинства других, не познавая их в себе и с низшими из низших обращается как с равными.

...Часами я слушал рассказы Александры Ивановны о Сибири, о каторге, Елизавету Васильевну — об Италии, где она провела несколько лет в семье графини Чернышевой-Кругликовой, и образы светлых людей, которых они описывали, казавшиеся тем светлей и возвышенней, чем грубее и жесточе было их время, заставляли биться мое сердце и мне хотелось, чтобы и обо мне с таким же благоговением говорили когда-нибудь такие же чистые создания, как мои рассказчицы...»²⁶

Младшая дочь декабриста, Вера Васильевна Давыдова, в молодые годы была очень красивой, обладала изумительным цветом лица. Она неплохо рисовала и страстно любила музыку, недурно играла на рояле. Она много играла в четыре руки с Петром Ильичем во время его пребывания в семье Давыдовых. Общность интересов, обоюдный культ творчества Моцарта привели еще совсем юных людей к взаимному увлечению. Со стороны Веры Васильевны это чувство было особенно глубоким. Роман продолжался около трех лет, но более близкое знакомство Петра Ильича с Верой Васильевной (в 1866, 1867 и 1868 годах он проводил

лето с семьей Давыдовых на дачах под Петербургом, в Финляндии, в Силамегах и на побережье Балтийского моря, в Гапсале²⁷⁾ открыли ему глаза на присущий Вере Васильевне снобизм, чрезмерную любовь к высшему свету и поклонение великим мира сего. Все это было чуждо Петру Ильичу и действовало на него охлаждающе.

Вера Васильевна вышла замуж за героя Севастопольской кампании флаг-капитана Ивана Ивановича Бутакова. Положение мужа открывало Вере Васильевне двери высшего света и двора. Оставаясь и в дальнейшем приятелем Веры Васильевны, Петр Ильич всегда подтрунивал над ее слабостями и напоминал ей, что она совершает большую ошибку, принимая его, «человека плебейского происхождения», в своем салоне. После замужества она стала такой важной, что, по словам Петра Ильича, просто лопалась от важности. Нередко Петр Ильич посылал ей «проклятья», когда она приглашала его на парадные обеды в его честь. Все же симпатию к ней Петр Ильич сохранил до своей кончины.

Несомненно значение, которое имела в то время Вера Васильевна в жизни Петра Ильича. Она поддерживала в нем стремление всецело посвятить себя музыке, особенно когда он решил бросить службу*. Даже много лет спустя Петр Ильич часто с удовольствием вспоминал это увлечение молодости и лето, проведенное вместе с Верой Васильевной в Гапсале. Сочиненные там три пьесы для фортепьяно «Воспоминания о Гапсале» он посвятил Вере Васильевне, тщательно переписал их и преподнес ей. Много лет спустя я видел печатные ноты этого произведения, хранившиеся у Веры Васильевны в особой папке**. Рукопись лежала в той же папке, завернутая в папиросную бумагу. Вера Васильевна очень дорожила этим подарком. К сожалению, не знаю, куда эта рукопись делась. Вера Васильевна скончалась за границей, а с этой папкой она никогда не расставалась.

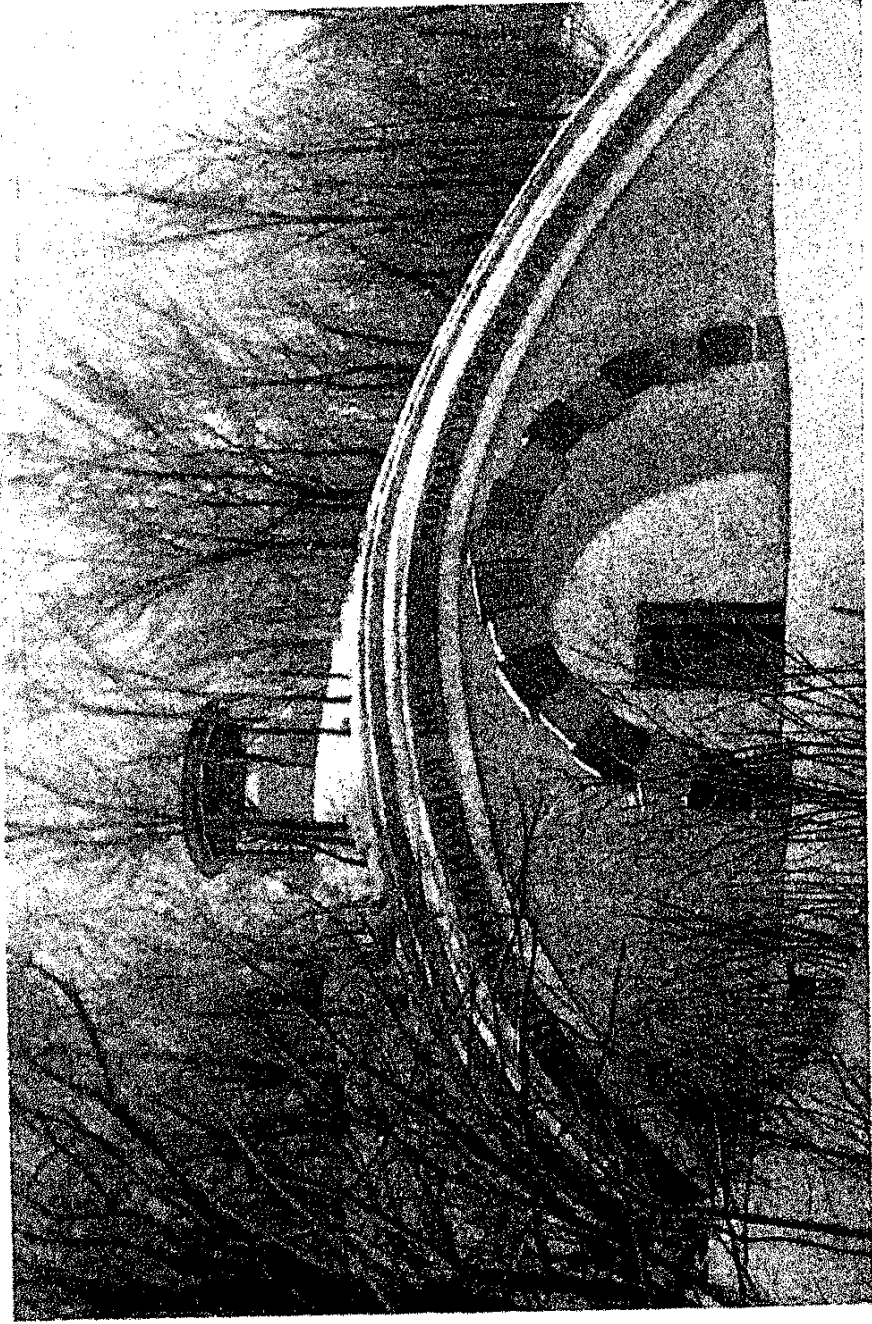
Последним сыном декабриста, родившимся до ссылки Василия Львовича на каторжные работы, был Николай Ва-

* По окончании Училища правоведения (1859) Чайковский в чине титулярного советника был определен в департамент министерства юстиции.

** Этот печатный экземпляр с дарственной надписью Чайковского, вклеенный в тетрадь вместе с другими изданиями и рукописями его сочинений, хранится у московского коллекционера Л. И. Рабиновича.

Старая мельница у больничного пруда в Каменке

Грот в Каменке

сильевич. Таким образом, он и его старший брат Петр наследовали владение Каменкой.

По достижении школьного возраста Николая Васильевича определили в пансион в Петербурге, а затем в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По окончании школы его произвели в офицеры Преображенского полка. Однако прослужил Николай Васильевич недолго. Дела имения требовали постоянного пребывания кого-либо из владельцев в Каменке, и он вынужден был уйти в отставку.

Во время проезда Николая Первого через Киев всему дворянству приказали явиться для встречи. Представляясь, Николай Васильевич назвал свою фамилию. Царь спросил: «Сын декабриста?» — и, получив утвердительный ответ, повернулся к Николаю Васильевичу спиной и больше с ним не разговаривал. Николай Васильевич принял это за выражение опалы, вернулся в Каменку и оттуда уже не выезжал. Он пережил четырех царей.

Недостаточность агрономических познаний скоро дала знать о себе, и Николай Васильевич принялся усиленно изучать сельскохозяйственные науки. Это увлечение длилось недолго. В 1860 году он передал управление каменскими имениями младшему брату Льву Васильевичу, лишенному всех прав состояния как родившемуся на каторге, предложив ему весьма приличное по тем временам жалованье — 165 рублей в месяц и квартиру, а сам закопался в книжное царство и ночи напролет просиживал за книгой, не обращая внимания на свое плохое зрение. Читали же тогда при свечах.

Николай Васильевич был интереснейшим собеседником, любил вспоминать о событиях, свидетелем которых был он сам или о которых слышал от близких ему лиц: Ермолова, Раевского и других. Петр Ильич любил его рассказы. Он удивлялся глубоким знаниям Николая Васильевича, уважал его за правдивость, отсутствие хвастовства. Он находил в речи Николая Васильевича столько музыки, что готов был часами слушать его. Николай Васильевич иногда подходил к окну Петра Ильича во время его работы и подолгу простаивал, разговаривая и не сознавая, что мешает ему. Это очень раздражало Петра Ильича. Но такие случаи бывали не часто. Николай Васильевич большую часть дня отсыпался после чтения ночью.

Льва Васильевича Давыдова по окончании московского корпуса за хорошие успехи в науках назначили в гвардию в Семеновский полк. Там он прослужил лишь обя-

хи. Опыт провели, и, действительно, гессенская муха стала постепенно исчезать.

Лев Васильевич не только привел хозяйство Каменки в порядок, но и создал там образцовое имение Юго-западного края. Петр Ильич со свойственным ему увлечением восторгался успехами зятя, переживал его удачи и неудачи, высоко ставил его авторитет как агронома и даже рекомендовал Льва Васильевича Надежде Филаретовне фон Мекк*. Когда проводили опыт с гессенской мухой, можно было встретить его с пучками колосьев, которые он любил рассматривать вместе с Львом Васильевичем, наблюдая в лупу, как шведская муха пожирает яйца гессенской.

Утро Льва Васильевича начиналось с приема. От приемной к конторе тянулась вереница людей с его записками об отпуске, — кому дров, кому пайка, а кому и денег взаимы... Редко просивший уходил от Льва Васильевича неудовлетворенным.

Лев Васильевич безгранично любил свою семью. В воспитание детей он входил мало, всецело предоставив заботиться о них Александре Ильиничне. Дела поглощали его целиком, но он любил брать нас с собой в объезды имения, а вечерами дома часок-другой неизменно уделял нам. Эти часы были для нас, детей, самыми отрадными. Отец всегда принимал живое участие в наших детских забавах: спектаклях, фейерверках, пикниках и катаниях. В те времена фейерверки изготовляли дома. К этой работе привлекались все, под руководством лесника Кузьмы. Дядя Петр всегда много курил, а когда набивали ракеты порохом, разумеется, курить запрещалось. Его изгоняли, так как вытерпеть более получаса без папиросы он не мог, но Петр Ильич все же порывался помочь в чем-нибудь, и все дрожали от страха, что из-за него вот-вот все взлетит на воздух.

После раздела Каменки между братьями в 1892 году Лев Васильевич вовсе отказался от управления имением, в которое вложил столько сил и любви. Ему казалось, что делать теперь почти нечего: Александра Ильинична скончалась, дочери были замужем, сыновья выросли. Лев Васильевич, тяготясь одиночеством, женился. Его второй женой была Екатерина Николаевна Ольховская, двоюродная племянница Петра Ильича Чайковского. Хотя это и случилось, когда Петр Ильич уже перестал в летние месяцы жить в Ка-

* Н. Ф. фон Мекк (урожденная Фроловская) — вдова крупного железнодорожного магната, почитательница таланта Чайковского.

менке, однако же известие об этом произвело на него тяжелое впечатление, и он очень переживал это коренное изменение в укладе каменской жизни²⁸. Лев Васильевич скончался в 1896 году в Киеве. Его прах перевезли в Каменку и похоронили на Покровском семейном кладбище.

Жена Льва Васильевича Давыдова — Александра Ильинична Чайковская, единственная родная сестра композитора*, родилась в Воткинске 28 декабря 1841 года. С детства она стала всеобщей любимицей. Отличавшаяся веселым нравом, добрая, послушная, она привлекала к себе сердца всех, знавших ее. В семье ее прозвали «Ундиночка». Ее поступление в институт совпало с рядом событий, резко изменивших условия жизни семьи. В 1852 году отец ушел в отставку на пенсию. Через два года умерла мать. Утрата любимой матери была невозместимым горем для всей семьи. Илья Петрович без жены растерялся. Не стало хозяйки дома. Старшая дочь — Зинаида Ильинична, была уже замужем, а воспитывавшаяся им племянница Лидия Владимировна — невестой. Тогда Илья Петрович поместил Александру Ильиничну в Смольный институт, из которого она вышла в 1856 году. Вернувшись домой, четырнадцатилетняя девочка сразу попала в положение хозяйки. Всякую работу она делала любовно, хорошо, весело и быстро, вызывая восторг отца и братьев, и была ими прозвана Красное Солнышко. Стремясь улучшить положение семьи, Илья Петрович поместил свои сбережения в сомнительное дело, которое скоро прогорело и ввело его в долги. Пятидесяти восьми лет он вынужден был снова искать работы. В семье было живо предание, что шестнадцатилетняя Сашенька, тяжело переживая положение семьи, решила помочь отцу и, добившись свидания с царем Александром Вторым, упростила его ускорить назначение отца. Осенью 1858 года Илья Петрович был назначен директором Технологического института в Петербурге. В последующие годы семья жила обеспеченно. В доме царило веселье, собиралась молодежь — технологи, правоведы, гардемарины... В 1860 году Александра Ильинична вышла замуж за Льва Васильевича и переехала в Каменку. У нее появилась своя семья, но это ничуть не ослабило ее привязанности к брату Петру.

В жизни Петра Ильича Александра Ильинична имела большое значение. Дружба их началась еще в раннем дет-

* У Ильи Петровича была еще одна дочь (от первого брака) — Зинаида Ильинична.

стве. Об этом она рассказывала нам, детям, приводя «дядю Петусю» в пример послушания, правдивости, любви к учению. По словам моей матери, он болезненно переживал малейшее замечание и очень страдал в тех случаях, когда вина была действительно его. Слезам не было конца, и утешить его было очень трудно. Другие его сверстники через несколько минут забывали о горе и причиненной им обиде, но Петя сутками ходил как в воду опущенный. Вместе с тем Петр Ильич уже в те годы был изобретателем множества игр. Одна из таких игр заключалась в том, что он изображал учителя, а мама, дядя Ипполит, тетя Амалия* и другие дети изображали учеников. Петр Ильич давал им уроки грамоты. Моя мать говорила, что она этим путем выучила азбуку и стала читать по складам. Познания, приобретенные на этих уроках, держались крепко, она его боялась гораздо больше, чем учительниц, так как он легко раздражался и наказывал непослушных и невнимательных лишением на два-три дня игры в школу, чего они все очень боялись. Игра в школу продолжалась несколько лет. Александра Ильинична верила в гениальность Петра Ильича. Она говорила, что, будучи совсем еще маленькой, считала лучшими минутами, когда, забравшись с ногами на кресло и свернувшись калачиком, слушала, как Петя импровизировал. Но это счастье ей выпадало редко, ибо он больше был занят «серьезной игрой». Вера в призвание брата не слабела с годами. Об этом мне рассказывала моя тетя, Анна Петровна Мерклинг, на которую убежденность ее двоюродной сестры производила известное впечатление, несмотря на разницу лет. «Пете было тогда лет четырнадцать-пятнадцать, — рассказывала тетя. — Мы даже с Саней строили планы, как мы будем ездить в театры на его оперы и как будем хлопать и вызывать его. Обсуждали даже, в каких платьях поедем и как нарядиться так, чтобы все на нас смотрели и следовали нашему примеру в аплодисментах. Однажды никого в доме, кроме нас, не было, и мы так увлеклись этой фантазией, что начали аплодировать и вызывать: «Чайковского ... автора ... Чайковского...» В эту минуту дверь распахнулась, вошел Петя и церемонно раскланялся. Мы еще пуще стали кричать. Но он вдруг крикнул: «Чего орете!» Мы сконфуженно замолчали. Тогда он, подозрительно взглянул на нас, спросил: «Ну, чего вы оралы?» Мы сознались... Он покраснел и сказал: «Ну и дуры», — потом, по-

* Амалия Васильевна Шоберт.

смотря в окно, задумчиво сказал: «А может быть...» — и с этими словами быстро вышел из комнаты. Саня захлопала в ладоши, воскликнув: «Вот видишь, вот видишь, он сам это думает!»

Свое убеждение в гениальности Петра Ильича Александра Ильинична сумела внушить своему мужу, его матери, сестрам и, конечно, своим детям. Когда решался вопрос о поступлении Петра Ильича в консерваторию, Александра Ильинична горячо поддерживала его желание всецело посвятить себя музыке и, главным образом, оказывала влияние на отца, Илью Петровича, чтобы получить его согласие на это. Для нее муж, дети и брат Петр были самыми дорогими существами, и невозможно сказать, кого она любила больше. По сохранившимся ее письмам к брату можно составить представление о ее горячей привязанности к нему. Вот одно из таких писем:

«Петрушенька, наконец-то ты откликнулся, мой дорогой. Признаюсь, я начинала тревожиться, мне думалось — ты сердит на меня. Зачем, Петруша, письмо твое так грустно? Тебе ли страдать ненавистью? Ты — олицетворение нежности и доброты. Петруша, скажи мне, ради Христа, что тяготит тебя? Я безгранично люблю тебя и всякая твоя забота — моя, может я могу хоть маленькую долю твоего горя взять на себя, и я счастлива бы была, если б могла помочь тебе. Зачем тебе грустить, любимец всех, кто тебя знает, музыкальное самолюбие, кажется, должно быть удовлетворено. «В течение 3-х лет 2 гениальные вещи явились в музыкальном мире: «Юдифь» Серова да Кантата Чайковского»²⁹ — вот что говорят о тебе, ты так молод еще... Летом буду ждать сюда, ведь это для меня огромное блаженство, видеть, чувствовать тебя возле себя. Папаша пишет, что ты кажется вернешься к службе. Неужели ты имел такое намерение? Время ли теперь, когда ты встал на такую хорошую дорогу.

Когда мы узнали об окончании блистательном твоих трудов, Николай Васильевич велел подать шампанского, и весь дом искренно желал тебе успеха в новом поприще»³⁰.

В другом письме она писала:

«...Вчера граф* спрашивал меня, какой музыки ты последователь — новой или Вагнера.., и я отвечала с обидой: мой брат не подражатель, он создает! Ведь так, Петруша?...»³¹

* Л. А. Бобринский.

В начале 70-х годов Александра Ильинична начинает часто прихварывать, жалуясь на боль в боку. Каменские врачи определяли болезнь почек, и этот ложный, как оказалось, диагноз вызвал лечение здоровых почек в течение нескольких лет, пока разлитие желчи не показало, что больны не почки, а печень. Болезнь постепенно усиливалась. Каждый приступ грозил смертельным исходом. Надежных средств лечения этой болезни в то время не существовало. Единственное, что предпринимали, это частые поездки на воды. Александра Ильинична стала надолго отлучаться от семьи. В ее отсутствие Петр Ильич продолжал бывать в Каменке и подолгу оставался с детьми. Впечатлительный, он болезненно переживал страдания сестры.

Первым ребенком Александры Ильиничны была дочь Татьяна. Еще до ее рождения молодые родители мечтали о сказочном будущем этого ребенка. Она росла в атмосфере всеобщего обожания и сама уверовала в свою необычайную судьбу. Сестра Таня начала рано развиваться. Трех с половиною лет она уже читала и старалась писать свой дневник на французском языке. Ученье ей давалось легко. Она много читала, особенно по истории, отличалась способностью к искусству — любила музыку, с детства играла на рояле, в Женеве училась в консерватории, неплохо лепила, очень любила рукодельничать. Никто в семье не умел лучше нее сделать хорошенькую шляпку или красивое платье для себя и сестер. В четырнадцать-пятнадцать лет Татьяна Львовна выглядела совершенной красавицей. Здоровье ее, однако, рано расстроилось; возможно, от слишком быстрого умственного и физического развития у нее начались сильные головные боли, мучившие ее всю жизнь. Мать и она, обе часто болевшие, постоянно нервничали. Они обожали друг друга, но жизнь бок о бок бывала для них подчас очень тяжелой. Петр Ильич восхищался племянницей и очень любил сестру, но не мог наладить их отношений, и сам в свою очередь раздражался и страдал.

Красивая, умная, добрая девушка, Татьяна Львовна рано приобрела многочисленных поклонников. Еще в Швейцарии из-за ее внимания ссорились между собой студенты различных корпораций.

Жизнь сестры Тани сложилась неудачно. Ей пришлось отказать жениху, оказавшемуся недостойным человеком. Этот удар она перенесла очень тяжело. Последовавший затем роман с женатым человеком (католиком по вероисповеданию), который не мог по существовавшим законам по-

лучить развод, привел к рождению «незаконного» сына. Признаться родителям она не смела и поведала свою тайну дяде Модесту Ильичу. Последний, под предлогом лечения Татьяны Львовны у знаменитого доктора Шарко, увез ее в Париж.

В это время там же находился Петр Ильич, работавший над оперой «Мазепа». С отеческой заботой ухаживал он за племянницей, находил ей лучших врачей, беспокоился об устройстве ребенка. Родившегося у Татьяны Львовны мальчика сначала отдали на воспитание в семью в окрестностях Парижа. Через три года по настоятельной просьбе Петра Ильича ребенка усыновил его старший брат Николай Ильич, давно женатый, но бездетный. Все хлопоты и расходы, связанные с переездом ребенка в Россию и усыновлением его, Петр Ильич целиком взял на себя. Наши родители не подозревали о существовании у них внука. Мама так никогда и не узнала об этом, а отец узнал об этом лишь незадолго до своей смерти.

Вернувшись из Парижа, Татьяна Львовна поселилась в Каменке у родителей. К обычным размолвкам с матерью у нее прибавилась еще тягость мучительной тайны. Вскоре сестра Таня переехала в Петербург, где жила семья Николая Ильича с усыновленным ребенком Жоржем (Георгием) Чайковским. Под влиянием тяжелых переживаний, в вечном страхе, что ее тайна станет известна родителям, Татьяна Львовна не могла найти себе покоя. Здоровье ее все ухудшалось. В 1887 году она скончалась от разрыва сердца. Вспоминал ее Петр Ильич с большой нежностью. Ему было досадно, что такая умная, одаренная девушка не сумела найти в себе сил устроить свою судьбу.

Вторая дочь Александры Ильиничны — сестра Вера Львовна, была тоже очень красивой. Она училась дома без всякого увлечения, зато охотно занималась хозяйством, порой заменяла мне няню. Вера очень любила природу и особенно цветы, из которых отдавала предпочтение ландышам. В этом ее вкусы сходились с Петром Ильичем, который также страстно их любил.

Петр Ильич мечтал соединить Веру с одним из сыновей Надежды Филаретовны фон Мекк. Но этой мечте не суждено было осуществиться, Вера Львовна вышла замуж за Н. А. Римского-Корсакова, морского офицера*. Свадьба состоялась в Киеве. Петр Ильич принимал самое деятель-

* По некоторым данным, дальний родственник композитора.

ное участие в приготовлениях — выполнял поручение сестры, договаривался о венчании, ездил по Киеву, заказывал, покупал... Как сейчас вижу его: стоит он в передней, только что вошел. В руках у него по картонке и по несколько свертков, на пуговицах пальто какие-то пакетики и сверточки. В эту минуту он очень напоминал мне елочного деда. Венчание умиляло его до слез. Это была первая свадьба в дорогой ему семье. К тому же Петр Ильич питал к скромной, тихой Вере какую-то трогательную любовь. Но счастье Веры было непродолжительно. Она быстро угасла от скоротечной чахотки, оставив двух детей.

Третья племянница Петра Ильича — Анна Львовна — внешностью и характером походила на бабушку Александру Андреевну. Миловидная девушка, она была очень вдумчива, очень много читала. Училась она в Швейцарии. Потом ее определили в Патриотический институт в Петербурге. Окончила она образование с особым отличием — с так называемым шифром. Начальство в институте знало, что Анна — племянница Чайковского, и поэтому предполагало в ней особенные музыкальные способности. Однажды это учебное заведение собиралась посетить новая императрица. На торжественной встрече готовились исполнить кантату в ее честь, как тогда обычно делали в таких случаях. Слова сочинила одна из учениц. Положить их на музыку предложили Анне Львовне. На самом деле ее музыкальные способности были весьма скромными, не говоря уже о композиторском даровании. Но она не растерялась, послала текст дяде Пете в Каменку с просьбой написать музыку. Очень скоро она получила готовый «заказ» — кантату для четырехголосного женского хора. Институтские ученицы исполнили ее с большим успехом. К сожалению, рукопись, хранившаяся у сестры Анны, куда-то затерялась и исчезла³².

После окончания института Анна Львовна вернулась в Каменку. Здесь она работала учительницей в сельской школе и давала уроки младшей сестре и братьям. В январе 1884 года она вышла замуж за сына Надежды Филаретовны фон Мекк. Но о ней речь еще впереди.

Младшая из сестер, Наталья Львовна, была очень чуткой, отзывчивой, но в то же время нервной и капризной девочкой. Ее способности к самым неожиданным проделкам причиняли много хлопот родителям и Петру Ильичу. После смерти сестры Веры она всецело посвятила себя ее детям, заменив им мать. Через полтора года Николай Александрович Римский-Корсаков женился на ней.

Летом 1869 года в Каменке состоялась свадьба брата Петра Ильича — Ипполита Ильича. На это событие собралась вся семья Чайковских. Петр Ильич на свадьбе был шафером. В следующем году в Каменке собралось столько народа, что не хватало всем места. Так называемый «малый двор» еще не построили, и Петр Ильич не приезжал, проведя июнь и июль за границей. На следующий год Александра Ильинична все же настояла на приезде брата, убедив его, что он никого не стеснит. В это лето, как и в последующие, в Каменку съезжалась вся семья. Для Петра Ильича устроили две комнаты с отдельным ходом на мансарде «зеленого домика». С этого времени Петр Ильич стал одним из постоянных жителей Каменки. Он говорил о Каменке, как о своем доме. Когда в Москве его спрашивали, куда он едет, и он отвечал — «домой», то все понимали, что едет он в Каменку.

К сожалению, я не могу привести каких-либо деталей из образа жизни Петра Ильича в эти годы, так как пишу лишь то, что слышал от старших. Значительным событием была постановка Петром Ильичем балета, в котором участвовали мои старшие сестры и дядя Модест. Балет был сочинен Петром Ильичем, так же как и музыка, на тему «Озеро лебедей». Конечно, это не тот балет, который сейчас идет на подмостках театров, а детский, одноактный, коротенький балет, но главная тема — «песня лебедей» — и тогда была та же, что и сейчас. Петр Ильич в своем последующем большом сочинении использовал темы детского балета 1871 года. Декорации делал брат моего отца Василий Васильевич Давыдов. Постановка этого балета была всецело проведена Петром Ильичем. Он же выдумывал «па» и «пируэты», и сам их проделывал, показывая исполнителям, что от них требуется. В эти минуты дядя Петр, раскрасневшийся, потный, поющий мелодию, представлял довольно забавное зрелище. Но в глазах детей он был столь совершенен в хореографическом искусстве, что воспоминания об этом сохранились у них на много лет в мельчайших подробностях³³. Этот спектакль, состоявший из балета и небольшой французской пьески для подростков, дал толчок к дальнейшему устройству подобных спектаклей и всякого рода живых картин, являвшихся неременной программой развлечений каждого лета. Петр Ильич всегда принимал в них участие в качестве режиссера, декоратора, балетмейстера и суфлера. Особенно была трудна режиссерская часть при полной неопытности исполнителей.

Из эпизодов 1872 года в памяти моего отца сохранился случай, не лишенный интереса. При сочинении Второй симфонии Петр Ильич частенько проигрывал на рояле отдельные ее части. Как известно, финал симфонии построен на мелодии народной песни «Журавель». И вот, когда Петр Ильич играл какую-то вариацию на эту тему, к нему почтительно подошел Петр Герасимович — старый слуга, буфетчик Александры Ивановны, обслуживавший Петра Ильича в первые годы пребывания его в Каменке, и сказал: «Извините-с, Петр Ильич, но только вы неверно играть изволите-с «Журавля». Он поется так...» И тут Петр Герасимович спел «Журавля», но не совсем точно. Петру Ильичу эта неточность понравилась. Он попросил буфетчика спеть еще раз и записал «Журавля» так, как пел Петр Герасимович. Для удовольствия буфетчика Петр Ильич затем сыграл «Журавля» по этой записи и получил полное одобрение³⁴.

В эти годы Петр Ильич охотно показывал свои сочинения Александре Ильиничне и спрашивал о ее мнении. Часто он просил сестру, старшую племянницу и брата Анатолия спеть сочиненные им романсы. Случалось, после этого он несколько изменял музыку. В более поздние годы он все реже и реже показывал свои сочинения в незаконченном виде.

Теснота в каменских домах с каждым годом все увеличивалась, и Лев Васильевич в начале 70-х годов, после долгих споров с братом Николаем Васильевичем, несмотря на свое огромное состояние, всегда боявшимся разорения, уговорил его строить новый дом. Всю семью Александры Ильиничны на время постройки дома вывезли в Швейцарию. Лишь на лето 1875 года Александра Ильинична приехала в Вербовку. Узнав о приезде сестры, туда съехались Петр Ильич с братьями и дедушка Илья Петрович со своей третьей женой Елизаветой Михайловной³⁵. В это лето Петр Ильич жил в отведенных ему во флигеле комнатах. В остальных комнатах того же флигеля расположились Илья Петрович и Анатолий Ильич. Жаркое лето не мешало Петру Ильичу совершать длительные прогулки. Эти прогулки отравлялись тем, что в селе почти в каждом доме водились собаки. Они огромными сворами блуждали по селу. Петр Ильич, вообще любивший собак, остерегался попадаться им навстречу.

Мой отец вспоминал, что в этот приезд композитор работал интенсивнее, чем в предыдущие годы. Когда распо-

рядок дня Петра Ильича не нарушался, его целый день не покидало хорошее настроение. Вставал он каждый день рано, когда бы ни лег спать; поднимался уже в половине восьмого. После чая и небольшой прогулки садился за работу и просиживал до обеда, до часу дня.

После четырех дочерей у Александры Ильиничны родился сын Дмитрий. Живой, веселый и способный мальчик, он уже в детстве удивлял всех своей памятью, писал стихи, хорошо декламировал. Изучение литературы, русской и иностранной, старой и новой, стало единственным занятием, к которому он питал настоящее пристрастие. Поэтому именно к Дмитрию Львовичу и обратился Модест Ильич в поисках подходящей интермедии для либретто оперы «Пиковая дама». Дмитрий Львович нашел тот самый текст, который мы сейчас слышим в опере³⁶. Петр Ильич любил своего первого племянника меньше, чем его младших братьев и сестер. Дмитрий Львович обладал небольшим голосом, музыкально и выразительно пел романсы, но по-настоящему музыкой не интересовался, предпочитая ей поэзию. Прослушать целиком программу симфонического концерта или всю оперу у него не хватало терпения. Вдобавок ко всему, в детские годы племянника Петра Ильича несколько раздражал его шумный, подвижный нрав. Он не одобрял его весьма легкомысленного отношения к учению, а потом и вообще к жизни.

В ноябре месяце 1871 года у Александры Ильиничны родился второй сын — Владимир, которому суждено было стать любимым племянником композитора. Вот как об этом событии пишет она Петру Ильичу. «После многих волнений и беспокойства, а потом сильных страданий, бог дал мне сына Владимира; еще малютка лежал, едва появившись на свет... как я привстала взглянуть на него, и первые мои слова были — он похож на брата Петю, дай бог, чтоб и человеком таким же был! Действительно Воля похож на тебя и меня это очень радует...»³⁷ Не эти ли слова матери предопределили любовь Петра Ильича к Владимиру Львовичу? Все присутствовавшие при первом знакомстве Петра Ильича с племянником Владимиром говорили, что Петр Ильич с первого раза выказал особую любовь и внимание к этому ребенку, восхищаясь его достоинствами и превознося их, хотя сомнительно, чтобы они отличались от качеств всякого другого ребенка в этом возрасте. В детстве он не мог выговорить слово «бэби», как называли его родные. Вместо это-

го у него выходило «боб». Так за ним и осталось на всю жизнь прозвище Боб. В противоположность брату Дмитрию, он отличался относительно спокойным нравом, но и большой болтливостью. В играх он беспрекословно подчинялся старшему брату. Однажды это едва не стоило ему жизни. Боб вместе с другими детьми под командой Дмитрия брал штурмом «крепость» — недостроенный дом, о котором уже упоминалось. По выступам в стене они взбирались в окна верхних этажей и носились по потолочным балкам всего здания. Там, где балок не было, им приходилось подкладывать доски. Под ними зияло три этажа пустоты. Владимир в пылу «штурма» шагнул с конца балки в пространство и очутился в подвале на гряде кирпича. Насмерть перепуганные мальчики не сразу побежали за помощью, стараясь своими силами извлечь пострадавшего. Вылитое на Владимира ведро холодной воды не привело его в чувство, вынести его они не смогли, и побежали звать на помощь. С трудом извлекли Боба. Он долго находился в бессознательном состоянии. Местный врач установил сотрясение мозга. У постели тяжело больного мальчика дежурила по очереди вся семья. Дядя Петр очень сильно переживал этот случай и сам едва не заболел от нервного потрясения.

Глубокое чувство взаимной привязанности соединяло Петра Ильича и Владимира Львовича в течение всей жизни. Маленькому Бобу дядя посвятил свой «Детский альбом». Сам учил его играть на рояле, проявляя при этом необычайное терпение.

Много лет спустя, когда Владимир Львович не мог одолеть трудностей фортепьянного переложения балета «Щелкунчик», Петр Ильич сделал специально для него новое, упрощенное переложение этого балета, хотя вообще он не любил подобного рода работ³⁸. Владимиру Львовичу Петр Ильич посвятил свою шестую «Патетическую» симфонию.

Владимир обладал большими способностями к музыке и живописи, но во всем проявил себя дилетантом. У него не хватало воли серьезно заняться искусством. Братья Чайковские с детства слишком его баловали. Мама часто спорила из-за него с братьями, особенно с Модестом. По окончании Училища правоведения Владимир поступил вольноопределяющимся в Преображенский полк, а через год стал офицером того же полка. В полку он заведывал хорами полковых певчих, очень славившихся в 90-х годах прошлого столетия.

После кончины Петра Ильича Владимир Львович наследовал его авторские права. Первым делом он выкупил у слуги Петра Ильича А. И. Софронова дом в Клину, в котором жил последние годы композитор (ныне Дом-музей). Выйдя в отставку, он поселился в этом доме, но комнаты Петра Ильича сохранил в том виде, в каком их оставил композитор. Пристроив к дому несколько комнат, он предложил Модесту Ильичу переселиться к нему и до самой своей смерти прожил в Клину, выезжая довольно редко. Только лето он иногда проводил у брата Дмитрия в Вербовке.

В течение всей жизни Владимира Львовича мучили частые головные боли, доводившие его до отчаяния. Во время одного из таких ужасных приступов он покончил жизнь самоубийством³⁹. После его смерти усадьба в Клину перешла по его завещанию к Модесту Ильичу.

В 1876 году Александра Ильинична покинула с детьми Швейцарию, чтобы поселиться во вновь отстроенном доме в Каменке. Лето проводили в Вербовке, куда Петр Ильич приехал лишь в самом конце. Здесь произошло его знакомство с пишущим эти строки, если не считать однодневной встречи дяди Петра с нашей семьей в Вене.

В это лето Петр Ильич начал увлекаться дочерью Екатерины Васильевны Переслени — Софьей Владимировной. Александра Ильинична находила, что Софья Владимировна для него самая подходящая пара. Этому браку, однако, не суждено было осуществиться. Последующая весна внесла резкую перемену в жизнь Петра Ильича. Его женитьба на Антонине Ивановне Милюковой явилась неожиданностью решительно для всех и, пожалуй, более всего для него самого. В жизни Петра Ильича эта женитьба обернулась внутренней катастрофой, от которой он чуть не погиб⁴⁰. Александра Ильинична первое время осуждала брата. Она как женщина сразу стала на сторону Антонины Ивановны, считая Петра Ильича виновником разрыва их отношений. Поэтому она поехала знакомиться с Антониной Ивановной и утешать ее — «жертву эгоизма брата», как ей казалось. Она пригласила Антонину Ивановну в Каменку, хотела уладить ее отношения с Петром Ильичем, но очень скоро убедилась, что Антонина Ивановна не чета ему. Не только Александра Ильинична, но и дорожившие спокойствием Петра Ильича вдова декабриста и ее дочери также поняли, что примирение, вернее, совместная жизнь этих двух существ немислима. Опасение Петра Ильича, что близкие осудят его

за разрыв с женой, пугало его и он долго не решался появляться в Каменке, хотя сестра настойчиво звала его⁴¹. Когда он наконец снова приехал в Каменку, никто не поднимал разговора о его неудачной женитьбе, хотя объяснение между братом и сестрой и имело место. Ласка сестры, безграничная любовь племянников и старших обитателей дома помогли Петру Ильичу до известной степени унять остроту боли и хоть немного залечить душевную рану. Постепенно Петр Ильич успокоился и вошел в свою колею, но мои родители говорили, что с этого года в нем произошла большая перемена. Он потерял значительную долю своей жизнерадостности, стал сосредоточен, задумчив. Рассеянность, которой он отличался всю жизнь, значительно возросла. С годами резкая перемена сгладилась, но все же Петр Ильич не был больше таким, каким его знали до 1877 года. Конечно, жизнь обитателей Каменки от этого не изменилась, развлечения продолжались, и Петр Ильич участвовал в них, но уже без прежнего искреннего увлечения. К приезду Петра Ильича весной 1878 года мои родители приготовили ему жилище, для чего сняли новую хатку в две комнаты с кухней против нашего дома, через площадь. Петр Ильич был очень доволен своей хаткой. Лев Васильевич приобрел для него пианино, так что он мог спокойно заниматься композицией. Здесь ему не мешало многолюдное общество в доме сестры.

Летом этого года Петр Ильич впервые принял предложение Надежды Филаретовны фон Мекк погостить в ее имении Браилов в Подольской губернии⁴². Возвратившись оттуда, Петр Ильич много рассказывал об этой усадьбе. Он говорил, что Браилов не пришелся ему по вкусу: слишком нов и роскошен, чтобы ему нравиться, слишком холоден. В то же время описывая обстановку, картины, библиотеку, он отдавал должное уму, образованности хозяйки⁴³. Петр Ильич горячо советовал владелице Браилова пригласить Льва Васильевича ревизором-советником. Много лет спустя я спрашивал отца, почему он не согласился принять управление Браиловым, как о том говорил Петр Ильич. Он ответил, что, во-первых, Надежда Филаретовна лично ему не предлагала управления, а кроме того, в Браилове слишком много внимания уделяли удовлетворению вкусов и фантазий владелицы, и управляющий должен был нести неизбежные упреки в расточительности.

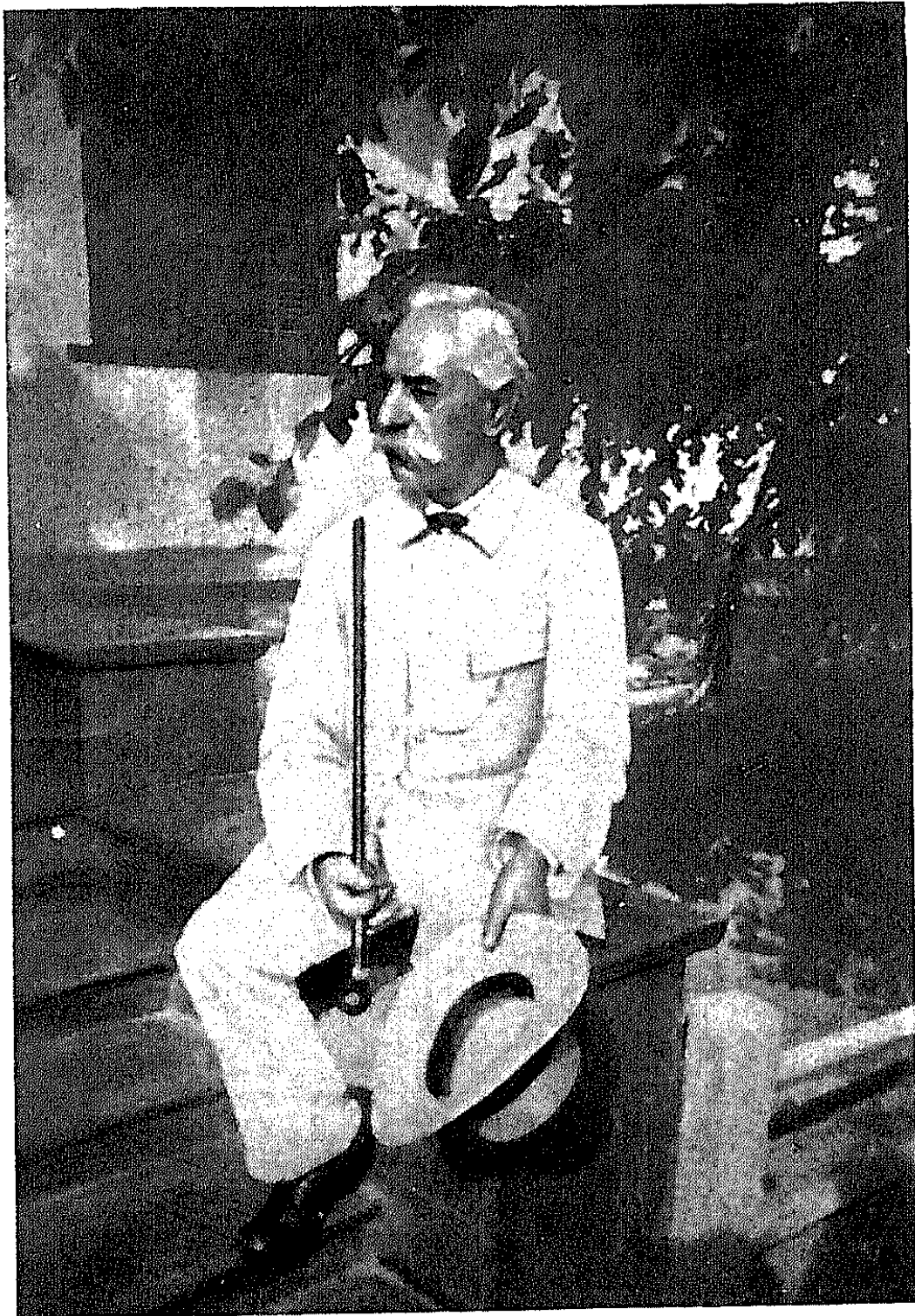
В 1879 году Петр Ильич приехал в Каменку ранней весной, провел в ней значительную часть лета и осени. Он

вновь воспользовался приглашением Надежды Филаретовны посетить ее имение. Зная любовь Петра Ильича к глуши и уединению, Надежда Филаретовна на этот раз приспособила для него хутор Симаки. Здесь Петр Ильич действительно получил все, чего он только мог желать. Его восхищали и тишина, и одиночество, и природа, прогулки, купания... С тех пор он стал мечтать о приобретении небольшой усадьбы где-нибудь в глуши, но и не очень далеко от обеих столиц, с музыкальной жизнью которых он связывался все более и более. Этот год ознаменовался приездом к Петру Ильичу гостей. По его приглашению Каменку посетил очаровавший всех скрипач Котек. Петр Ильич несказанно обрадовался приезду своего ученика и друга, проводил с ним целые дни. Они вместе играли очень много ко всеобщему удовольствию.

Все, что я писал до сих пор о пребывании Петра Ильича в Каменке, известно мне со слов родителей и старших членов нашей семьи. Теперь я перейду к своим личным воспоминаниям, но излагать их буду не в хронологической последовательности, а по эпизодам.

Как-то моя сестра Анна добросовестно разучивала на фортепьяно чью-то сонату, которая ей никак не давалась. Она все снова и снова начинала ее, и играла с утра до обеда в течение нескольких дней. Петр Ильич работал в это время в своих комнатах. Дни стояли жаркие, окна в доме и во флигеле открывали настежь, звуки фортепьяно долетали до него и, конечно, мешали ему работать. Но он ничего не говорил об этом. Однажды вечером собралась молодежь, затеяли танцы. Дядю, как водилось, усадили за рояль. Вечер начался с вальса. В ритме вальса прозвучала тема сонаты, которую упорно разучивала сестра Анна. Вальс сменила полька, дальше следовали мазурка, кадрили, но все звучала та же злополучная соната, которая всем уже успела порядком надоест. Петра Ильича стали просить сыграть что-нибудь другое, но тщетно — он был непреклонен. Наконец, вмешалась наша мать, и только она смогла умолить брата сменить гнев на милость. Этот случай послужил уроком моим сестрам. Они никогда больше не играли в часы работы Петра Ильича.

После обеда он имел обыкновение немного отдохнуть, а затем отправлялся на большую прогулку. Тут нужно отметить, что конечной целью прогулки всегда бывал лес. Вечером Петр Ильич писал письма, много писем, потом следовал ужин, а после ужина он либо аккомпанировал танцам

Николай Васильевич Давыдов

Лев Васильевич Давыдов

Александра Ильинична Давыдова,
родная сестра П. И. Чайковского

Александра Васильевна Давыдова

молодежи, либо играл в карты—в винт. Часто послеобеденные прогулки заменялись пикниками—поездками в лес с самоваром. При выборе леса решающий голос был Петра Ильича, так как он обыкновенно в один конец шел пешком (преимущественно из дому). Все садились на линейки и в коляски и ехали в указанный Петром Ильичем лес и даже на указанную полянку. В начале 80-х годов любимым лесом Петра Ильича был «Тарапун», иногда ездили в «Зрубанец» и Пляковские лески. Реже бывали в «Климовом хуторе» и «Салабайчине», так как они были дальше расположены, и Петр Ильич вынужден был выходить рано из дома, что нарушало распорядок дня и мешало его занятиям.

Приехав в лес, в ожидании дяди все разбивались на группы. Старшие накрывали «на стол», постелив на траву ковер, молодежь собирала валежник и готовила костер, обязательный в каждом пикнике. К приходу дяди самовар уже кипел и все принимались за чаепитие. Петр Ильич любил пить чай через соломинку, лежа на животе. Потом начиналось веселье. Зажигали костер и заводили вокруг него игры, изобретаемые главным образом Петром Ильичем. Когда костер кемного затухал, начиналось прыгание через огонь. Во всех играх участвовали все, кроме стариков. Заканчивался пикник сбором цветов. Огромные букеты переполняли экипажи, напоминая издали движущиеся копны сена.

Каждый такой пикник Петр Ильич разучивал со всеми сочиненный им тут же канон. Текст канонов также принадлежал ему. Их распевали обыкновенно на обратном пути. В исполнении канонов участвовали и боиши с гувернантками, не понимавшие по-русски. Петр Ильич немедленно переводил им текст, и они пели на своем языке⁴⁴. На обратном пути из леса пели также «Вниз по матушке по Волге», «Во поле береза стояла» и другие песни, а с появлением «Онегина» — «Уж как по мосту-мосточку». Помню, меня долго смущало слово «вайну» в этой песне, и я не решался спросить, что оно значит⁴⁵.

В некоторые излюбленные места ездили неизменно. В «Тарапуне» недалеко от колодца рос огромный дуб. На небольшой высоте от земли он разделялся на три ствола, образуя глубокое, удобное сидение, поросшее мягким мхом. В это природой созданное кресло усаживали дедушку Илью Петровича. Место это так и называли «Дедушкино кресло». Название месту дал, конечно, Петр Ильич. В Тростянке существовал «Петрушин садок», названный так в честь Петра

Ильича. Особенно любил Петр Ильич Пляковские лески. Здесь лес рос по скалистому берегу реки Тясмин. Виды на реку, глубокие места, удобные для купания, доставляли ему огромное наслаждение. Поэтому туда ездили довольно часто. Прекрасно помню одну поездку в Малаевский яр. Этот уголок леса привлекал огромными березами и дубами. Они занимали оба ската оврага и окаймляли широкую луговину. Березы напоминали Петру Ильичу его любимую северную природу. Помню, как во время обеда Петр Ильич спорил о ней с отцом и рассказывал о красоте хвойных лесов. Я внимательно слушал его. Меня, имевшего в те времена понятие о хвойном лесу только по рождественской елке, рассказ захватывал своей живостью. Петр Ильич ярко описывал пробуждение весны в этом неведомом мне лесу. В моем детском воображении отчетливо рисовался образ северного леса. Отец заступался за красоту южной украинской природы, но говорил он куда бледнее в сравнении с дядей Петром. Даже мы, шумливые дети, затихали и с открытыми ртами прислушивались к вдохновенному описанию севера. Любил Петр Ильич лес страстно. В его глуши и тени он испытывал глубокое наслаждение. Там его чаще посещало вдохновение. Он говорил, что сладость этих мгновений нельзя передать словами, что такие минуты ни с чем несравнимы. Но эта любовь к лесу не умаляла его любви к полям, лугам, широким просторам — к природе вообще. Он любил красивые сады и особенно цветы. Из садовых на первом месте были левкой и резеда. Приезжая в Каменку, Петр Ильич нередко привозил семена цветов и просил садовника Панаса посеять их в палисаднике. Ему нравилось, чтобы около дома росло много цветов, и непременно пахучих. Он не терпел засоренных цветников, и мы нередко видели его наклоняющимся, чтобы сорвать на дорожке сорную траву. А сады он любил тенистые, со старыми деревьями. Любил и такие, как Вербовский сад, представлявший собой сплошные вишневые заросли. Весной, когда цвели деревья, Петр Ильич уговаривал сестру чаще ездить в Вербовку и сам ходил туда пешком. Но этот сад скоро вырубил, так как он не подходил к стилю нового дома.

Все знали об отзывчивости Петра Ильича. Однажды к нему пришла крестьянка и, заливаясь слезами, рассказала, что ее постигло большое несчастье. У нее пала корова. Кланяясь в ноги, она стала умолять Петра Ильича похлопотать перед Львом Васильевичем, чтобы он дал ей другую корову с выплатой в рассрочку. Петр Ильич сильно конфузился и

терялся, когда перед ним становились на колени. Он бросился поднимать и успокаивать эту женщину. Приняв к сердцу горе пострадавшей, он не отставал от Льва Васильевича, пока тот не распорядился выдать ей корову. То же сделал он и для другой крестьянки, сам заплатив за нее стоимость коровы.

В числе каменских служащих был лесник Дробатенко. Он часто приходил к Петру Ильичу, «щоб побалакать». Сын Дробатенко, очень развитой хлопчик, через своего отца постоянно выпрашивал у Петра Ильича газеты и журналы, а иногда и книги. Однажды перед отъездом Петра Ильича в Киев, сей юноша стал просить привезти или прислать ему несколько книг. Петра Ильича пленила его любовь к чтению и познанию книжной премудрости. Он исполнил просьбу юноши и прислал ему небольшую библиотечку, подобранную им самим, и в посылку вложил письмо с некоторыми наставлениями и пожеланиями. Письмо заканчивалось словами: «Твой друг П. Чайковский». Но как сильно разочаровался Петр Ильич, когда узнал потом, что молодой Дробатенко немедленно же продал книги и на вырученные деньги купил папиросы. Оказалось, что все газеты и журналы, которые он раньше выпрашивал, шли на «цыгарки».

Если Петр Ильич проводил в Каменке праздники, он не забывал всем поднести подарки. Никого он не обходил. В часы прогулки его неизменно подкарауливала толпа каменских мальчишек. Они хорошо знали, что раз Петр Ильич идет гулять, у него наверняка можно чем-нибудь поживиться. Если в карманах у него не оказывалось конфет, он специально заходил за ними в лавку, покупал их и тут же раздаривал все детворе.

Братья учились, а я пока что оставался дома и часто сопровождал дядю в прогулках по лесу. Часто ходили собирать грибы, которые в изобилии водились в Тростянском яру. Дядя очень любил такие прогулки, и даже расстраивался, если кто-нибудь собирал грибов больше. Я подметил в нем эту черту и уступал ему честь первенства. Часто я умышленно шагал через гриб. Он называл меня зевакой, но я радовался, видя, как торжествует «дядь Петусь», восклицая: «Ага! А я больше собрал».

В Каменке, кроме нашей семьи, Чайковский общался со многими ее постоянными жителями. Некоторые из них не прошли бесследно в жизни Петра Ильича. Ко Льву Васильевичу часто заходили его ближайшие помощники по

управлению Каменскими именьями. Их семьи иногда навещали нас. Прежде всего — это семья Плеских.

Владимир Андреевич Плеский, управляющий главной конторой имений, был внуком декабриста Поджио и принадлежал к числу мелкопоместных дворян-землевладельцев. Мадельксое имение его в селе Яновка, в тридцати верстах от Каменки, находилось во владении его матери, Софьи Осиповны, дочери декабриста. Именье не могло прокормить всю многочисленную семью. Многие из детей Софьи Осиповны сами зарабатывали на жизнь.

Владимир Андреевич был человеком недюжинного ума, большой начитанности, остроумия и оригинальности. Он очень любил детей, обожал жену — швейцарку, гувернантку старших дочерей Александры Ильиничны. Бывая почти ежедневно у Льва Васильевича по делам, он часто засиживался за беседой. Его интересовало все: он с одинаковым жаром мог спорить о политике и проповедовать борьбу с микробами, ревностно организовывал сбор средств для лазаретов во время войны⁴⁶, увлекался опереттой, вел борьбу не на живот, а на смерть с появлявшимися в Каменке эпидемиями. Во все он искренне вкладывал себя целиком. Петр Ильич посмеивался над быстрой сменой увлечений Владимира Андреевича, восхищался его образованностью и кипучей деятельностью.

Двухклассная школа в Каменке содержалась на средства именья, и за учение денег не брали. Числилась она тогда в ведении Министерства просвещения, а на самом деле находилась в полном распоряжении Владимира Андреевича. Он сам установил свою роль — нечто вроде попечителя, и всегда старался залучить Петра Ильича на экзамены, вынуждая его задавать вопросы ученикам. Петр Ильич по доброте душевной не находил причин отказаться от этой «инквизиции», как он называл экзамены, присутствовал на них, хотя это и причиняло ему сильные страдания.

В последние годы Владимир Андреевич впал в мистику. Вечером он облачался в саван и спал в часовне в гробу, окруженный горящими восковыми свечами. Днем он ходил в подряснике и именовал себя не иначе, как «смирненным старцем Владимиром».

Сестра Владимира Андреевича — Наталья Андреевна, была в нашей семье своим человеком. Мать моя часто болела, за ней нужен был уход. Наталья Андреевна сначала всякий день навещала Александру Ильиничну, а затем совсем переехала к нам, став почти неотлучной сиделкой и

компаньонкой моей матери. Все близкие, не исключая Петра Ильича, называли ее уменьшительным именем «Ната». Наталья Андреевна не получила особого образования, но обладала недюжинным умом, богатой фантазией и большим юмором. Мы ее очень любили. Она сочиняла для нас, детей, бесконечное количество рассказов, сказок и занятнейших историй, одна интереснее другой. Рассказывать она умела мастерски. Особенно любил ее рассказы Петр Ильич. Дружба его с Натальей Андреевной постепенно перешла с ее стороны в «обожание», как она говорила. Свидетельством их взаимоотношений осталась их переписка⁴⁷.

Однажды в день именин Натальи Андреевны ей поднесли шуточные стихи, написанные братом моего отца — Алексеем Васильевичем:

Девица полновесная
Мила, стройна, как пень,
И талия чудесная —
В окружности сажень.
И кофею с цукорией
Напившись божек пять,
Выходит с меланхолией
На озеро гулять.
С походкою слоновою,
Гуляя, вся в мечтах,
Лягушку преогромную
Увидела в водах.
О боже, царь величия! —
Воскликнула в слезах...
Хотя бы из приличия
Она была б в штанах.

Услышав эту своеобразную оду до ее «обнародования», Петр Ильич сочинил к ней музыку. Алексей Васильевич за парадным чаем декламировал свою оду под аккомпанемент Петра Ильича. К сожалению, музыка эта не сохранилась⁴⁸. Наталье Андреевне Петр Ильич посвятил свой «Натальвальс», переработав его из ранее сочиненного для нее же «Natalie valse».

Доктора Штрауса в конце 70-х годов сменил Роман Ефимович Дериченко — прекрасный врач, не только терапевт, но и хирург. Он происходил из крестьян села Грушевки. Добрая слава о нем быстро распространилась далеко за пределами Каменки. Петр Ильич очень верил в его знания и способности и превозносил его всюду, где только представлялся случай.

Однажды, играя в саду босиком, я содрал себе кожу на ахиллесовом сухожилии правой ноги. Засорение ранки вызвало нарыв, захвативший всю пятку и полголеи. Доктор Дериченко делал все возможное, чтобы спасти ногу. Наконец Роман Ефимович заявил, что если операция, которую он собирается сделать, не поможет, то ногу придется отнять. Операция заключалась в целом ряде надрезов. В те времена еще не употребляли обезболивающих средств⁴⁹, и операции представляли собой сущие вивисекции.

Узнав, что ногу предстоит резать, я решительно заявил, что не дамся. Ни уговоры сестры Тани, ухаживавшей за мной, не увещевания воспитательницы, которую я очень любил, ни к чему не привели. Мать в это время сама лежала больная. Дядя Петя очень спокойно уговорил меня не сопротивляться. Он сел рядом, спиной к моей ноге, и держал меня за руку все время, пока Роман Ефимович оперировал. Я всхлипывал от боли, но всеми силами старался удержаться, чтобы не огорчить чересчур дядю. На его лице я видел такое страдание, что трудно сказать, кому из нас тяжелее далась эта операция. Она прошла удачно, ногу спасли.

Роман Ефимович постоянно посещал нас. Особенно он дружил с Анатолием Ильичем. Они неизменно проводили время вместе. Роман Ефимович часто играл в винт с моими родителями и Петром Ильичем. Во время игры он горячился, нервничал и тут же перебрасывался остротами с находившейся всегда рядом Натальей Андреевной. Это приводило в восторг присутствующих, особенно Петра Ильича.

Одно время Петр Ильич сильно увлекался охотой и они с Романом Ефимовичем, страстным охотником, отправлялись вместе. Чаще всего охотились в Зрубанце — там водилось много лисиц — или около лесничества, где находилось болотце, на котором водились утки.

Большей частью «охотники» возвращались с пустыми руками: они любовались дичью и забывали про ружья.

Петр Ильич особенно любил Романа Ефимовича за то, что тот о музыке даже и речи никогда не заводил. Когда дяде Петру случалось проигрывать моей матери какое-нибудь свое новое сочинение в присутствии Романа Ефимовича, последний сидел тихо, боясь шевельнуться, и потом говорил: «Уж хорошо очень, а почему — не знаю».

Дружба его с Петром Ильичем продолжалась и после отъезда дяди из Каменки. Роман Ефимович всегда навещался, когда узнавал, что Петр Ильич гостит у нас.

На Каменском сахарном заводе служил механиком Тимофей Викентьевич Вишницкий. Он питал к Петру Ильичу особое уважение и любовь. Последний как-то жаловался, что подрубить какой-нибудь сорняк, глушивший цветок, ему приходилось маленьким перочинным ножиком. И вот однажды Тимофей Викентьевич принес ему подарок — трость, ручка которой представляла собой узенький топорик с одной стороны и моложок с другой. Внизу трость оканчивалась такой же узенькой стальной лопаточкой. Подарок привел Петра Ильича в восторг. И он уже не расставался с этой тростью на прогулках. Через несколько дней Тимофей Викентьевич принес ему вторую такую же про запас. Это очень тронуло Петра Ильича.

Как-то раз Вишницкий взялся обрубить уши нашему догу Апрулю. Собака возненавидела его лютой злобой. Тимофей Викентьевич не смел появиться в доме без провожатого. Однажды он все же решился войти во двор один. Дог сидел на крыльце, к которому вело пять ступенек. Рванувшись с места, он ринулся на Тимофея Викентьевича, сшиб его с ног и, навалившись, стремился схватить его за горло. Петр Ильич в это время стоял у окна своей комнаты. Вряд ли Тимофей Викентьевич вышел бы живым из этой борьбы, если бы дядя, выскочив в окно, не стал оттаскивать собаку за ошейник. Но исход борьбы решил мой отец. Он схватил пса за задние ноги, и только тогда, общими усилиями, им удалось оторвать огромную собаку от ее жертвы.

Семью Давыдовых навещал духовник семьи Александр Тарнович, тихий, скромный, застенчивый человек красивой внешности. Он страстно любил музыку, играл на скрипке и на рояле. Жилось ему не очень сладко. Огромная семья лежала на его плечах тяжелым бременем, к тому же «пагубные страсти мирские» привели его к «страсти алкогольной», как он говорил. Под конец он стал пить часто и много. Из общего уровня священников того времени он заметно выделялся своей образованностью. Александр Тарнович непременно навещал нашу семью, когда Петр Ильич гостил в Каменке. Почти всегда он обращался с какой-либо просьбой к Петру Ильичу. Часто моргая, запинаясь и краснея, просил он его то помочь ему купить в рассрочку фисгармонию, то устроить одну из дочерей в консерваторию, то сочинить что-нибудь для церкви.

Однажды Петр Ильич подарил Тарновичу хорошую скрипку, которую он сам долго выбирал. Последний раз Тарнович просил Петра Ильича содействовать ему в по-

купке рояля в рассрочку. В те времена ничего не продавали без поручителя, если покупка совершалась с выплатой в рассрочку. Петр Ильич поручился за Тарновича.

Особенно он убеждал Петра Ильича написать обедню и всенощную. По его просьбе Петр Ильич написал музыку к великопостной молитве «Благообразный Иосиф». Это произведение так никогда и не было издано⁵⁰. Тарнович упрямился Петра Ильича разучить эту молитву с хором и дирижировать ею в каменской церкви. Церковный хор оказался очень слабым. Пришлось для его усиления привлечь моих старших сестер и кое-кого из местных знакомых. На разучивание потратили много сил и времени. Весть о предстоящем событии быстро распространилась в округе, и в назначенный день в церкви яблоку негде было упасть. Наконец наступила торжественная минута. Петр Ильич дал певцам тон и спокойно взмахнул руками. В благоговейной тишине церкви вместо стройного, дружного вступления голосов хора раздался одинокий возглас Татьяны Львовны: «С дре...» — и она замолчала. Почти одновременно с ней вступила Вера Львовна, певшая альтом, и машинально повторила тот же слог «С дре...», и тоже замолчала. Сестры начинали не с тех слов. Остальные с перепуга не могли издать ни звука. Настало напряженное безмолвие. Псаломщик, видя, что надежда на хор плохая, заголосил молитву сам. Петр Ильич швырнул камертон, бросился по лестнице с хоров, пробился сквозь толпу и, схватившись за голову, выбежал вон из церкви. Несколько часов думали, что он, как всегда, совершив длительную прогулку, возвратится успокоенный. Но время шло, а его все не было. Домашние не на шутку переполошились. Наступил вечер, а за ним и ночь, но Петр Ильич так и не появился. Послали верховых в разные стороны на поиски, но гонцы возвращались, не обнаружив и следа Петра Ильича. Лишь на другой день утром узнали, что он целую ночь бродил по лесу, переживая «ужасный скандал», и только голод и усталость привели его в хату лесника. Волнение улеглось не сразу. «Позор этого события» (как он говорил) долго мучил его.

Вскоре после этого Петр Ильич стал подумывать о создании обедни и всенощной. Тарнович усиленно уговаривал его. Увлечшись мыслью, Петр Ильич основательно изучил старославянский церковный обиход и лишь после этого принялся за осуществление мечты Александра Тарновича, который усердно снабжал Петра Ильича книгами, в особенности во время работы над «Всенощной». Помню, рассказыва-

ли, что Петр Ильич восхищался звучанием голосов а'саррел-ла⁵¹. Зависть соседних попов Тарновичу, их стремление получить его приход привели к тому, что его как «вольнодума» и пьяницу, по их доносам, в конце концов перевели из Каменки. Петр Ильич хлопотал в Киеве у духовного начальства, стремясь обелить заклеванного завистниками Тарновича. В первый раз Петру Ильичу удалось его отстоять, но потом каменского настоятеля все же перевели.

Из среды экономов имения выделялся Юрий Федорович Сабанеев, управляющий Юрчанской экономией. Происходил он из дворянской семьи. Со Львом Васильевичем его связывало еще и то, что отец Юрия Федоровича, умирая, назначил Льва Васильевича опекуном своих детей. Юрий Федорович страстно любил чтение, владел несколькими языками, хорошо знал классическую литературу и мог наизусть декламировать длинейшие монологи по латыни. Но особенно хорошо он знал творчество Шевченко и Котляревского. Обладая изумительной памятью, Юрий Федорович запоминал произведения целиком, прочитав их несколько раз. Помню, он декламировал «Энеиду» Котляревского⁵². Жил он в комнатах, стены которых оклеил чистой белой бумагой. В длинные зимние вечера он выписывал на стенах мелким почерком отрывки из любимых произведений Пушкина и Цицерона, Гомера и Котляревского, Шекспира и Шевченко.

Почти каждую неделю один из вечеров он проводил в нашей семье и всегда был источником веселья. Его остроумные изречения сыпались, как из рога изобилия. Юрий Федорович прекрасно чувствовал гениальное дарование Петра Ильича. Музыка он любил, но избегал говорить о ней с Петром Ильичем, который очень ценил в нем это проявление такта. С Юрием Федоровичем композитор не чувствовал никакой неловкости и всегда находил интересную тему для разговора. Сабанеев покинул Каменку в середине 80-х годов, но всю жизнь не порывал связи с нашей семьей.

Проводя летние месяцы в Вербовке, Петр Ильич соприкасался с семьей лебедовского эконома Ивана Петровича Калитенко. В 1888 году, когда Петр Ильич в последний раз посетил Лебедовку, отцу Калитенко исполнилось сто три года. Как и все старики, он помнил до мелочей все давно минувшее и забывал более поздние события. Старик с удовольствием рассказывал о временах царствования Екатерины Второй, Павла и Александра Первого, прекрасно помнил

нашествие Наполеона, а уже Севастопольскую кампанию сохранил в памяти значительно хуже. В юности Калитенко служил в Каменке и учил грамоте Сашеньку Потапову, будущую жену декабриста. Скончался он ста одиннадцати лет, пережив композитора.

Петр Ильич навещал старика и не мог в досталь наслушаться его рассказов о давно минувших временах. Калитенко знал и помнил Александра Сергеевича Пушкина и много рассказывал о его пребывании в Каменке.

В 1884 году дядя Петр последний раз провел лето в Каменке. Желание переселиться на север и жить отдельно все сильнее крепло в чем. Да это и понятно: Каменка становилась летом все более шумной, многолюдной, у Петра Ильича слишком много времени поглощала необходимость подчиняться укоренившемуся образу жизни обитателей Каменки. Это сильно мешало его работе. К тому же постоянные болезни его сестры, сознание полного бессилия что-либо изменить или чем-нибудь облегчить ее страдания создавали тяжелую обстановку. Петр Ильич сам чуть не заболел в эти периоды. При всей своей большой любви и привязанности к семье сестры, к старикам Давыдовым и к самой Каменке, которую он привык считать своим домом, он стал тяготиться жизнью там, поскольку она препятствовала его творчеству. Уже в эти годы он часто повторял, что ему нужно торопиться. Он боялся, что не успеет закончить начатые произведения, а в Каменке работать становилось невозможным. В первой половине 1885 года, пока вещи Петра Ильича оставались во флигеле, комнаты считались за ним: а вдруг передумает, вернется?.. Но скоро пришло письмо с просьбой переслать его вещи в Клин, где его слуга Алексей нанял дачу в селе Майданове, близь города. Помню грустное настроение, охватившее всех в доме, когда началась укладка его вещей. Все приходили, не исключая старушек-тетушек и Николая Васильевича, взглянуть на опустевшие комнаты, как приходят навсегда прощаться с близким человеком. Слезы были у всех из глаз. В октябре Петр Ильич приезжал на серебряную свадьбу моих родителей и забрал с собой все, что оставалось. Семья наша лишилась постоянного каменского жителя, души каменского веселья, дорогого дяди Пети.

Впоследствии Петр Ильич еще несколько раз приезжал в Каменку, но оставался там недолго⁵³. В 1888 и 1889 годах он был у нас в августе, так же как и в 1890 году. Новый 1891 год он приезжал встречать с нами. Это было его последнее свидание с Александрой Ильиничной, с Красным

Солнышком, как он ее называл. Она покинула этот мир 28 марта 1891 года, не выдержав очередного приступа болезни. Выполняя ее последнюю волю, ее похоронили в Петербурге, в Александро-Невской лавре, в одной могиле с ее старшей дочерью Татьяной. Петр Ильич узнал о смерти сестры случайно из газеты «Новое время» в Париже, перед отъездом в Соединенные Штаты Америки, где он должен был дирижировать во многих концертах своими произведениями. Сперва его охватило безумное отчаяние. Он решил бросить все и возвратиться в Россию. Но на похороны он все равно опоздал бы, и поэтому Петр Ильич, скрепя сердце, продолжал поездку⁵⁴. В Гавре он сел на пароход, отходивший в Соединенные Штаты. Чем дальше уносил его пароход, тем быстрее отчаяние сменялось какой-то тупой болью и чувством покорности року, — так он рассказывал о своих переживаниях. С тяжелой утратой в некоторой степени его стала примирять мысль, что смерть прекратила ужасные страдания сестры. Тем не менее сознание того, что он ее больше не увидит, когда вернется на родину, что его Красное Солнышко угасло, нестерпимо мучило его.

В последний раз Петр Ильич заезжал в Каменку и Вербовку в январе 1893 года. Несколько дней, проведенных там, как он сам рассказывал потом, произвели на него очень грустное впечатление. Новая хозяйка, вторая жена моего отца⁵⁵, и новый дом как-то омрачили его нежные воспоминания о старой Вербовке, которую он знал, любил и к которой привязался всем своим существом. Лев Васильевич, отказавшись от управления каменскими имениями, окончательно переселился сюда и жил в доме, который он выстроил по рисункам и чертежам Александры Ильиничны на месте старого. Петр Ильич жалел, что комнаты отвели ему в новом доме, а не во флигеле, где он прожил столько лет. Все старое уходило... Исчез вишневый сад, появились новые деревья, аллеи; от прежнего, дорогого по воспоминаниям, не осталось ничего. В этих местах он пробыл недолго. С тяжелым чувством покинул Петр Ильич Вербовку, провел еще несколько дней в Каменке, в своем кабинете во флигеле и, простившись с семьей Давыдовых, с которой его связывало тридцать три года сладких воспоминаний, уехал, чтобы уж никогда туда не возвращаться.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ И МОСКОВСКИЕ РОДНЫЕ
И БЛИЗКИЕ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

С середины 80-х годов центром притяжения для Петра Ильича, как музыканта-творца, стал Петербург. Не порывая связи с любимой Москвой, напротив, принимая горячее участие в ее музыкальной жизни, Петр Ильич стремится в Петербург, где Дирекция императорских театров, Русское музыкальное общество, Камерное общество уделяют все большее и большее внимание его творчеству. Его поездки в столицу делаются чаще и продолжительнее. Город его юности становится городом его зрелости. Здесь, кроме многочисленных музыкальных друзей, жили и многочисленные же родственники как со стороны отца, так и со стороны матери, и я считаю небезынтересным хоть кратко охарактеризовать наиболее близких из них. Ко многим он был горячо привязан и навещал их, если даже приезжал в Петербург всего на несколько дней.

У Петра Ильича было четыре брата: Николай, Ипполит, Модест и Анатолий. Старший брат Петра Ильича, Николай, служил инженером путей сообщения сначала в провинции, а со второй половины 80-х годов в Петербурге. Он стал одним из многих инженеров-путейцев, ничем не выделяясь из их среды. Петр Ильич очень любил брата — друга и товарища детских и школьных лет, но интересы у них были разные, поэтому дружба их не была особенно близкой. Отношения между братьями только в последние годы стали столь же нежными, как в детстве. Николай Ильич скончался в 1910 году на посту управляющего московской типографией Яковлева. В этой типографии в 1898 году были напечатаны «Музыкальные фельетоны» Петра Ильича Чайковского, подготовленные к изданию Модестом Ильичем.

Другой брат композитора, Ипполит Ильич, окончил Мор-

ской корпус и был определен в Черноморский флот. Отслужив обязательный срок, он перешел в Русское общество пароходства и торговли и вскоре получил назначение капитаном пассажирского парохода «Михаил». Колесный, с деревянным корпусом, пароход совершал рейсы, главным образом, из Одессы в Батум вдоль всего Черноморского побережья. Позже Ипполит Ильич перешел на службу в управление этой организации и в начале века вышел в отставку в чине генерал-майора от адмиралтейства. В 1869 году он женился на Софии Петровне Никоновой. Его дочь Наталья Ипполитовна Чайковская здравствует и поныне*.

Ипполит Ильич отличался тяжелым характером — он был вспыльчив и обидчив, настроение его часто менялось. Другими чертами Ипполит Ильич очень напоминал Петра Ильича. Сердечная доброта, ласковость, юмор, неисчерпаемый запас веселости, умение веселиться и веселить других, шутить и понимать шутку — вот черты, свойственные обоим братьям. Виделись они редко, так как Ипполит Ильич жил на юге и переехал в Петербург лишь в 90-х годах. Под конец жизни Ипполит Ильич поселился в Клину и работал ученым секретарем в Доме-музее своего брата. Умер он в 1927 году на восемьдесят третьем году жизни. Его похоронили на кладбище в усадьбе Демьяново, неподалеку от музея.

Младшие братья — близнецы Модест и Анатолий, родились в городе Алапаевске в 1850 году. Четырех лет они потеряли мать⁵⁶. Осиротевшие мальчики остались без любящего глаза. Их обучало грамоте бесчисленное множество кузин и сменявшихся гувернанток. Первой воспитательницей была Авдотья Яковлевна Бахирева, научившая близнецов читать и писать. Мальчики к ней очень привязались. Авдотью Яковлевну сменила Настасья Петровна Петрова — старая знакомая семьи, готовившая Петра Ильича к поступлению в Училище правоведения. Затем за близнецами следила их двоюродная сестра — Амалия Васильевна Шоберт. Естественно, что молоденькая кузина, у которой на уме были всевозможные развлечения, веселье и балы, не относилась серьезно к обучению своих воспитанников. Уроки протекали скучно, неинтересно. Мальчики в свою очередь стали относиться к учению легкомысленно, особенно Модест, увлекавшийся играми, очень рассеянный, не лишенный извест-

* Племянница композитора Н. И. Чайковская проживает в Ленинграде. Сейчас (1961 г.) ей 85 лет.

ной доли лени. Занятия не клеились. Близнецы росли, предоставленные самим себе.

Некоторое влияние на Модеста Ильича оказывала семья его дяди Петра Петровича Чайковского, с которой в течение нескольких лет они жили вместе. Петр Петрович — старый вояка, много раз раненный, преимущественно в рукопашных боях. Под оболочкой непрístupной строгости он скрывал очень доброе сердце. Он любил поучительные разговоры, а по праздникам дарил детям пятачок на сладкий пирожок. Но настоящего внимания к себе близнецы не видали, и день-деньской слонялись из угла в угол, не зная чем заняться. Старший брат Петр вскоре понял, что детям не хватает материнского внимания. С этого времени он стал их руководителем, наставником и опекуном, проводя с ними много времени, и, несомненно, во многом влиял на их воспитание и общее развитие. Девятилетними близнецов определили в Училище правоведения. Им трудно было подчиниться школьной дисциплине после полной свободы дома. Модест Ильич первое время очень страдал от резкой перемены обстановки. Все на свете переживается, скоро и он свыкся со школьной жизнью, но все же никак не мог побороть в себе желания скорее вырваться из стен училища. С нетерпением высчитывал он дни и часы, остающиеся до отпускного дня, и потом с замиранием сердца думал о возвращении обратно в училище.

Модест Ильич учился плохо и нередко оказывался в числе последних десяти учеников своего класса. Но это объяснялось не отсутствием способностей, а болезненностью и равнодушием к преподаваемым наукам. Рассказывали, что он много читал, всем интересовался и обладал хорошей памятью. В чтении направлял его Петр Ильич, который сам выбирал для него книги. Благодаря блестящему уму и глубоким знаниям, Петр Ильич всегда находил ответ на вопросы любознательных близнецов. Этим он обрел несокрушимый авторитет в их глазах, они буквально обожали своего старшего брата.

Самостоятельный жизненный путь Модест Ильич начал в должности следователя в Симбирске. Незнание жизни, стремление к удовольствиям и праздности, приятельские отношения с людьми состоятельными сворачивали его с трудового пути и вовлекали в долги.

Отец, сестра и брат Петр «спасали» его и, пожурив, оплачивали долги. По их настоянию он оставил службу в Симбирске и некоторое время служил на Украине, а затем в

Петербурге. Но казенная служба тяготила его. Любитель искусств, мечтавший о карьере артиста, Модест Ильич, поощряемый Петром Ильичем, стал испытывать себя в литературе и начал писать повесть, оставшуюся незаконченной.

Случай помог найти ему свое призвание. Через посредство жены профессора Петербургской консерватории К. Ю. Давыдова* Модест Ильич познакомился с состоятельным помещиком Г. К. Конради, который в это время подыскивал воспитателя для своего глухонемого сына Коли. Модесту Ильичу предложили эту работу. Герман Карлович имел возможность высоко оплачивать труд воспитателя.

Предварительно Модесту Ильичу дали возможность познакомиться с методами обучения глухонемых разговорной речи и пониманию ее по движению губ. Он поехал во Францию и несколько месяцев изучал это дело. Вернувшись, он горячо взялся за работу. Его ласковое и внимательное отношение к воспитаннику сказалось плодотворно. Смысленный, старательный мальчик привязался к нему и стал делать быстрые успехи. Петр Ильич восторгался не только успехами мальчюка, но и добросовестностью Модеста Ильича, его терпением и последовательностью в занятиях. Работа была тяжелой. Порой Модест Ильич хотел отказаться от начатого дела. Петру Ильичу удавалось, однако, его отговорить. Эта была школа жизни для Модеста Ильича. Он постепенно привык заставлять себя работать, приобрел навык в труде⁵⁷.

Когда воспитанник уже научился говорить и понимать говорящего, у Модеста Ильича появилась возможность часть времени уделять занятиям литературой, преимущественно драматургией, а также критическим статьям о современном ему театре. Статьи пользовались успехом у читателей и, главное, получали одобрение самого авторитетного для Модеста Ильича судьи — брата Петра Ильича. Это окрыляло его, и он уже все свое свободное время уделял литературной работе.

Большинство его произведений всегда отличалось тем, что они имели интересную завязку, развитие, но бледное, по сравнению с началом, окончание. Он сам часто сетовал на это. Писал он красивым языком, мысль излагал всегда ясно, и поэтому сочинения его читались легко. Ему принад-

* Карл Юльевич Давыдов (1838—1889) — однофамилец автора мемуаров, виолончелист, композитор и музыкальный деятель, профессор и директор (1876—1887) Петербургской консерватории.

лежит ряд пьес и комедий, долго державшихся в репертуаре московского Малого и петербургского Александринского театра. Знаменитые артисты Савина, Стрепетова, Ермолова, Давыдов, Варламов выбирали их для своих бенефисов⁵⁸.

Отношения между братьями Петром и Модестом основывались на взаимной любви и искренней дружбе. У них было много общего в характерах, взглядах, вкусах. Петр Ильич имел большое влияние на брата. Он направлял и поддерживал литературное дарование Модеста Ильича. В свою очередь, Модест Ильич, большой любитель изобразительных искусств, содействовал развитию интереса к ним у старшего брата.

Творческая жизнь братьев взаимно волновала их. Сотрудничеству Модеста Ильича с Петром Ильичем мы обязаны появлением таких произведений, как оперы «Пиковая дама»⁵⁹ и «Иоланта»⁶⁰, балет «Щелкунчик». «Пиковая дама» написана Петром Ильичем по предложению и настоянию Модеста Ильича. Сначала, как известно, композитор отверг эту тему, но настойчивые повторные предложения, подтверждаемые горячими доводами, в конце концов убедили Петра Ильича. Модест Ильич неоднократно предлагал брату сюжеты для опер и симфонических увертюр. Из них «Гамлет», подсказанный им в качестве сюжета в 70-х годах, долго вынашивался Петром Ильичем, пока наконец в 1888 году он не осуществил этот замысел и не создал симфоническую увертюру-фантазию «Гамлет»⁶¹.

Младший брат отличался чрезвычайной отзывчивостью к малейшему желанию Петра Ильича. Только очень серьезное дело или болезнь могли помешать ему исполнить желание Петра Ильича. В этом отношении характерно, что после неудачной женитьбы Петра Ильича младший брат поехал к нему на длительный срок, чтобы не оставлять его в одиночестве, с трудом получив на это согласие Г. К. Конради. Позднее он вместе с Петром Ильичем принял участие в судьбе Татьяны Львовны и, не только из жалости к ней, но и из желания помочь брату в хлопотах о племяннице, провел с ними в Париже несколько месяцев.

После смерти композитора Модест Ильич большей частью жил в Клину. Он был одним из организаторов клинского Дома-музея П. И. Чайковского. Богатейшие архивы, собранные Модестом Ильичем в этом музее, являются исторической ценностью мирового значения. Модест Ильич сохранил комнаты Петра Ильича в том виде, в каком компо-

Екатерина Васильевна Давыдова
(в замужестве Переслени)

Наталья Андреевна Плеская

Татьяна Львовна Давыдова

Вера Львовна Давыдова

зитор оставил их в день своего последнего отъезда из Кли-на⁶². Здесь у него гостили С. И. Танеев, Г. А. Ларош, артист Ю. М. Юрьев. Родные, пожалуй, все перебивали у него, оставаясь подолгу.

Скончался Модест Ильич в 1916 году, в разгар первой мировой войны, уносившей миллионы человеческих жизней. Она глубоко возмущала его своей бессмысленностью и жестокостью.

Второй брат-близнец, Анатолий Ильич, обладал очень нервным, экспансивным характером. Эти черты в соединении с мнительностью значительно осложняли ему жизнь. Окончив годом раньше Модеста Ильича Училище правоведения, он успешно служил в ведомстве Министерства юстиции и оставался там вплоть до назначения его вице-губернатором сначала в Тифлисе, а потом в Ревеле (ныне Таллин) и Нижнем Новгороде. Жизнь он окончил сенатором. По характеру это был прямой, искренний и трудолюбивый человек. Брата Петра он любил до самозабвения и, как и Модест Ильич, готов был ради него на любые жертвы. Отвечая ему взаимностью, Петр Ильич любил его, пожалуй, больше всех братьев.

Анатолий Ильич был любителем музыки, он играл на скрипке. В его доме собиралось интересное, разнообразное общество — его навещали В. В. Стасов, А. Ф. Кони и другие. Петр Ильич очень привязался к жене брата Анатолия — Прасковье Владимировне и их дочке Тате, которую задаривал подарками и очень баловал. Умер Анатолий Ильич в 1915 году и похоронен в Петербурге.

В дни первых исполнений своих произведений Петр Ильич очень нервничал. Присутствие близкого человека его несколько успокаивало. Таким человеком для него была Анна Петровна Мерклинг, дочь Петра Петровича Чайковского, дяди композитора со стороны отца⁶³.

Юные годы, проведенные совместно с Петром Ильичем, общность интересов и вкусов, искренняя взаимная симпатия наложили оттенок необычайной сердечности и нежности на их дружбу, несмотря на значительную разницу в возрасте.

Умная, разносторонне образованная, обладавшая тонким художественным чутьем, обожавшая музыку и вообще искусство, сохранявшая свежесть восприятия и интерес к жизни до глубокой старости, Анна Петровна очень импонировала горячей, впечатлительной натуре Петра Ильича. Се-

мейная жизнь Анны Петровны сложилась неудачно. Рано овдовев и потеряв малолетнюю дочь, она вторично вышла замуж. Жизнь ее была очень трудной из-за тяжелого характера мужа и материальной необеспеченности. Петр Ильич поддерживал самые близкие отношения с Анной Петровной, постоянно вел с ней переписку, приезжая в Петербург, проводил с ней много времени, часто помогал ей, так как ее семья жила на весьма скромное жалованье мужа. Посещения Петра Ильича становились настоящим праздником в доме Анны Петровны, особенно для детей — ее внуков. Они представляли Петра Ильича не иначе, как в образе «деда-мороза», нагруженного подарками, всегда ласкового и приветливого. Петр Ильич не только любил Анну Петровну, но дорожил ее мнением в музыкальных вопросах. Она сопровождала Петра Ильича на концерт, в котором он в первый и последний раз дирижировал своей Шестой симфонией. Для своего брата Анна Петровна вытеснила по коже обшивку его кресла и раму для портрета. Эти предметы хранятся в доме композитора в Клину. Анна Петровна скончалась восьмидесяти двух лет в 1911 году в селе Воскресенском Московской губернии.

Сестра Анны Петровны — Александра Петровна — вышла замуж очень молодой. Муж ее, Павел Петрович Карцов, не отличался сильным характером, и очень волевая и энергичная Александра Петровна была настоящая «мать-командирша» и командовала в семье, как на параде. Петр Ильич был к ней очень привязан, хотя и испытывал некоторую робость в ее обществе.

Александра Петровна Карцова не отличалась музыкальностью. Петр Ильич знал об этом, но все же любил показывать ей свои сочинения. Она чистосердечно высказывала свое мнение, излагая его коротко и ясно. Однажды, прослушав какое-то сочинение, она сказала: «Знаешь, хорошо, я бы сказала, — очень хорошо, да много воды».

Ее дочь рассказывала мне, что как-то дядя Петр, будучи в Петербурге, наведаясь к Александре Петровне, жившей в Царском Селе, и проиграл ей первый акт «Евгения Онегина». Когда он подходил к концу дуэта Татьяны и Ольги, в котором в то время было три куплета, Александра Петровна прервала его игру и воскликнула: «Слыхала, слыхала, будет... Говорят тебе, слыхала! Что спрашивать сто раз «Слыхали ль вы»? — Это красиво, но скучно. Смеяться будут.» Петр Ильич согласился с ней и оставил в дуэте только два куплета⁶⁴.

У Александры Петровны было много детей. Ближе других к Петру Ильичу был Георгий Павлович, или, как его называли обычно, Жорж, друг поэта А. Н. Апухтина, женатый на известной певице Александре Валериановне Панаевой

Александра Валериановна Панаева-Карцова выросла в семье, в которой все проявляли большой, глубокий интерес к искусству, в особенности к музыке. Она обладала прекрасным голосом, серьезно училась пению. Сначала она выступала только в концертах, а впоследствии пела в оперном театре в Милане и в Итальянской опере в Москве. Она же в Петербурге первый раз исполнила роль Татьяны в опере «Евгений Онегин» в частном доме, у Ю. Ф. Абаза, в начале 1879 года.

Будучи ярой поклонницей таланта Петра Ильича и пропагандисткой его музыки, Александра Валериановна отличалась большой музыкальностью. Ее исполнение очаровывало всех, в том числе Петра Ильича, своей артистичностью. Эта поразительно энергичная, тонкая артистка почти на полвека пережила своего любимого композитора. Она скончалась в Ленинграде во время блокады в 1942 году на 92 году жизни.

Из прочих родных более или менее часто Петр Ильич виделся с семьей своей двоюродной сестры, Лидии Владимировны Ольховской, дочерью Владимира Петровича Чайковского. Мать Лидии Владимировны умерла рано, и родители Петра Ильича взяли ее к себе на воспитание. Она была старше Петра Ильича и помнила его, что называется, с пеленок. Лидия Владимировна рассказывала, что в детстве он очень любил слушать музыку в исполнении «оркестрины», которая стояла у них в доме, любил играть на рояле, часто импровизировал, когда никого не было в комнате, а на людях стеснялся. Мать очень поощряла его и сперва сама учила музыке.

По ее словам, Петр Ильич в детстве отличался большой общительностью и веселым нравом, сочинял всякие игры. Да и потом, позднее, дома сидел, если было с кем веселиться, а так, — «хвоста не увидишь, все по гостям...»

Вспоминая свою встречу с Петром Ильичем в Париже в 1861 году, Лидия Владимировна говорила, что тогда он много времени уделял развлечениям. Вернувшись в Петербург через два года, она нашла в нем большую перемену. Он забросил вечера, стал много заниматься и работать. В Петре Ильиче произошел большой перелом, когда он решил окончательно посвятить себя музыке.

Муж Лидии Владимировны — Николай Иванович Ольховский — был по профессии горным инженером, но занимался также драматургией. Известны его водевили, высмеивающие нравы и обычаи современного ему общества. Писал он под псевдонимом «Оникс». Из его пьес выдающимся успехом пользовался водевиль «Знакомые незнакомцы». Особенно сильна была его дружба с Петром Ильичем в начале 70-х годов.

Другая двоюродная сестра Петра Ильича, Амалия Васильевна Шоберт также провела часть детства и юности в семье Чайковских в Алапаевске, а затем в Петербурге.

Ее мать, Елизавета Андреевна, овдовев, поселилась у своей сестры — матери Петра Ильича. Благодаря своей тете, он близко познакомился с мужем ее школьной подруги, учителем пения Луиджи Пиччиоли. Амалия Васильевна была также близка и дружна с Петром Ильичем, как и родная его сестра Александра Ильинична. Она вышла замуж за сына знаменитого мореплавателя Ф. П. Литке, который совершил два кругосветных плавания. Его именем названы открытые им острова. Федор Петрович явился одним из основателей Русского географического общества и много лет состоял президентом Академии наук.

Веселая, остроумная, с несомненным драматическим талантом, очень общительная, ласковая, добрая, Амалия Васильевна, друг детства, товарищ юных лет Петра Ильича, оставалась близким ему человеком до конца его дней. Петр Ильич постоянно навещал ее, приезжая в Петербург даже на очень короткое время. Большая умница, наблюдательная, она много рассказывала о детстве своего сверстника, о его увлечении песнями, которые распевали рабочие Воткинского завода. Рассказывала, что он подбирал эти песни на рояле, сочинял к ним аккомпанемент. Она много говорила о его импровизациях и, между прочим, рассказала, что он иногда играл их своей матушке, с нетерпением ожидая, что она скажет. Александра Андреевна хвалила его, угадывая в нем особые музыкальные способности.

Амалия Васильевна рассказывала, что родители подарили Петру Ильичу рояль, стоивший дорого по тем временам. Бывало, увлекшись Петя пересидивал свой час за роялем, а по расписанию ему надлежало делать что-то другое. Мать однако не отзывала его от инструмента, хотя она обязательно поступила бы так, если бы это был кто-нибудь другой из детей. Об отце и говорить нечего. Он всех детей любил и позволял им все, что им хотелось. Но родители осо-

бенно не превозносили способностей Пети, очевидно, не желая делать из него «вундеркинда».

По рассказам, Петр Ильич уже с детства отличался особой аккуратностью в одежде. Он приходил в отчаяние, когда непослушные чубы на голове торчали в разные стороны, но быстро забывал о них, увлекаясь игрой, тут же им сочиненной. Мир мог бы перевернуться, а он бы и не заметил, — говорила Амалия Васильевна. Он любил командовать, и подчинял себе всех без ссор за первенство. Среди сверстников, да и значительно более старших, он быстро становился вожаком. Его любили за справедливость.

В юности накануне праздников он приводил домой своих товарищей, и они устраивали танцы до глубокой ночи под его аккомпанемент. До замужества Александры Ильиничны, кроме нее, в этих вечерах неизменно участвовали еще две барышни — Маша Евреинова и Амалия Васильевна. «Три красотки» — называл их Петр Ильич. Часто вечерами собиралось много народа. Душой веселья всегда бывал Петр Ильич. Он выдумывал всякого рода игры, аккомпанировал пению Александры Ильиничны, обладавшей прекрасным голосом, да и сам пел приятным баритоном итальянские романсы. В числе любимых игр было отыскивание под музыку спрятанного предмета. Чем ближе приближался к скрытому предмету ищущий, тем музыка становилась громче и бравурнее, чем он отходил дальше — тем музыка звучала тише и медленнее. Конечно, на рояле играл всегда Петр Ильич. Начнет, бывало, с какой-нибудь очень известной песни и примется варьировать, да так увлечется, что приходилось его окликать и возвращать к участию в общей игре. Он часто и так садился за рояль и импровизировал, рассказывая длинные сказки под музыку. Иногда сказки бывали очень страшные, особенно при его выразительном сопровождении.

Амалия Васильевна говорила, что в детские годы Петра Ильича мало кто думал, что он станет серьезным музыкантом, пожалуй, только его мать, Александра Андреевна. К сожалению, Петр Ильич свои импровизации не записывал. Возможно, что он не считал их достойными этого. Но он забывал далеко не все. Спустя много лет он возвращался к темам, сочиненным в юности, и использовал их.

Второй сын Амалии Васильевны, Александр Николаевич, был любимцем Петра Ильича. Он считался хорошим актером-любителем, и его, что называется, нарасхват приглашали участвовать в домашних спектаклях. Он в совер-

шенстве владел французским языком, титул графа открывал ему все двери, и потому круг его знакомств был необычайно широк, он знал положительно всех. Вот поэтому Петр Ильич им «злостно» (как он говорил) пользовался для поручений в обществе, преимущественно для вежливых отказов от приглашений.

— Санечка, душечка, сходи к Х и наври ему, что я уже умер или еще что-нибудь в этом роде, словом, чтобы он не обиделся, что я к нему обедать не поеду. И Санечка, безгранично преданный Петру Ильичу, бежал исполнять эту не всегда приятную миссию.

Амалия Васильевна, рано овдовев, продала свой особняк и имение и, покрыв долги, поступила на службу сперва начальницей гимназии, а позднее начальницей Высших женских курсов в Петербурге.

Из старшего поколения родственников Петра Ильича необходимо сказать о Екатерине Андреевне Алексеевой, тетке композитора, сестре его матери. Она обладала прекрасным голосом и выдающейся музыкальностью. Кто из жителей северной столицы не знал контральто Екатерины Андреевны? Великолепно поставленный голос, проникновенность и тонкая выразительность пения создали ей в Петербурге широкую известность в 40-х годах прошлого столетия. Она являлась постоянным членом кружка любителей классической музыки, собиравшегося в те времена у Вьельгорских, часто выступала в концертах и камерных вечерах в Дворянском собрании. Ее выступления неизменно проходили с громадным успехом. О ней писали в «Северной пчеле» и других изданиях. Известный поэт того времени Федор Глинка посвятил ей одно из своих стихотворений. Она мечтала стать профессиональной артисткой. Но в те времена люди ее круга это считали недопустимым. Александр Степанович, ее муж, запретил ей даже думать об этом. Вдобавок ко всему, он вообще не признавал никакой другой музыки, кроме итальянской. Русская музыка для него просто не существовала.

После смерти мужа Екатерина Андреевна подолгу жила в Италии. Как-то раз она пела у себя в комнате и увидела в окно, что на улице слушать ее собралась большая толпа. Впереди всех стоял разносчик—продавец мелких статуэток и безделушек. Увидя подошедшую к окну певицу, он протянул ей свой лоток и сказал: «Возьми, возьми все, но только спой еще!» Толпа ей аплодировала. Она очень гордилась этим случаем, гораздо больше, чем успехами в концертных залах.

Общение с этой музыкально образованной, чуткой арти-

сткой, прекрасной певицей, любившей серьезную классическую музыку, конечно, не прошло бесследно для Петра Ильича. Еще в его школьные годы она познакомила его со многими образцами классической музыки, и они часто музицировали вместе. Я хорошо помню эту милую старушку с букольками, выступавшими из-под чепца. Больше всего она была склонна говорить о своем любимом искусстве.

На этом я заканчиваю рассказ о самых близких Петру Ильичу родственниках. Что же касается его друзей, и в первую очередь друзей музыкантов, то более близкими были Ларош, Направник, Глазунов, Кашкин, Танеев, Губерты (муж и жена), Альбрехт, Николай Рубинштейн, Зилоти, Брандуков и Котек.

Ларош учился с Петром Ильичем в Петербургской консерватории, и на протяжении всей его жизни оставался его близким другом. Умный, наблюдательный, широко образованный, Герман Августович сразу понял и оценил Петра Ильича и очень привязался к нему как к человеку, не говоря уже о полном признании его музыкального таланта. Помню, как однажды Петр Ильич горячо спорил с ним, кажется, о творчестве Генделя. Оба взволнованные, стоя в боевых позах, напоминали собой двух петухов, готовых налететь друг на друга. Петр Ильич очень считался с мнением Германа Августовича, часто проигрывал ему свои произведения, советовался с ним. Мне как-то пришлось видеть Лароша, полулежавшего на диване, повернувшись лицом к стене. Петр Ильич сидел в это время за роялем, ожидая его «ценки как милости повелителя. Не из очень терпеливых вообще, он на этот раз выдерживал долгое молчание Лароша, ожидая, когда «оракул молвит слово».

В отличие от Петра Ильича, Ларош не обладал умением заставлять себя работать. Иногда настроение у него брало верх над сознанием необходимости. Случалось даже, что Петр Ильич записывал статьи Лароша под его диктовку⁶⁵.

С Эдуардом Францевичем Направником Петр Ильич состоял в дружеских отношениях. Спокойный, уравновешенный, несколько суховатый, Эдуард Францевич был чудным семьянином. В его доме Петр Ильич чувствовал себя очень хорошо. В лице Эдуарда Францевича он имел серьезного критика, с которым ему приходилось настолько считаться, что по его совету он вносил изменения в свои произведения, правда не без некоторой боли в душе.

На одной из корректурных репетиций, не помню точно

какого симфонического произведения, которым дирижировал Эдуард Францевич, он остановил оркестр и, обратившись к эстраде к Петру Ильичу, сидевшему в зале, сказал: «Петр Ильич, мне кажется, что если эту тему (он тут же ее напел) передать кларнету вместо флейты, выиграет звучность». Петр Ильич, видимо несогласный с этим, нерешительно ответил: «Да, конечно, но пусть уж останется так». Направник настаивал, и Петр Ильич со вздохом согласился. Он поднялся на эстраду и сам внес необходимые изменения в партию кларнета. Склонность Эдуарда Францевича «хоть немножко да переделать», как говорил Петр Ильич, коробила композитора, но Направник был серьезнейший музыкант, и ему часто приходилось уступать. Нередко они спорили, и зачастую спор кончался капитуляцией Петра Ильича; правда, это почти всегда касалось деталей, не нарушавших общего замысла композитора.

В середине 80-х годов у Балакирева Петр Ильич познакомился с А. К. Глазуновым. Он охотно проводил время в обществе молодого композитора и, несомненно, оказывал большое влияние на него. Как-то Александр Константинович принес ему свою вторую симфонию. Они проиграли ее в четыре руки, и Петр Ильич дал ему некоторые советы. Особенно уважал Петр Ильич Глазунова за его высокую музыкальную культуру, которой, по мнению Петра Ильича, большинству музыкантов тех лет не доставало. Петр Ильич поражался музыкальной памяти Александра Константиновича. Иногда он забавы ради просил его сыграть какое-либо произведение, которое они с Александром Константиновичем слышали несколько лет назад. И не было случая, чтобы Глазунов не вспомнил и не сыграл. Предварительно он обязательно смотрел на потолок, пробегая пальцами по клавишам и припоминая тональность. Петр Ильич считал, что не имеет абсолютного слуха и в этом немного завидовал Александру Константиновичу.

Ученик Петра Ильича, Александр Ильич Зилоти был исключительно преданным и искренним другом своего учителя. Не имея большого творческого таланта, Зилоти успешно специализировался как пианист и дирижер. Играл он превосходно, и все же Петр Ильич не очень любил его манеру игры. Он называл ее мягкой, недостаточно выразительной. Тем не менее Зилоти принимал участие в зарубежных гастроллях Чайковского-дирижера. Возможно, что Александр Ильич к 90-м годам еще не достиг того блестящего мастерства, которым отличался впоследствии. Петр Ильич очень

ценил Зилоти как дирижера, предсказывал ему блестящую будущность. Музыкальные познания его Петр Ильич ставил очень высоко и иногда поручал ему делать переложения и корректуры своих сочинений.

Особо надо сказать об издателе произведений Петра Ильича, Петре Ивановиче Юргенсоне. Деловой, умный, не без честолюбия, Юргенсон стремился стать если не единственным, то самым крупным музыкальным издателем в России. Талант Чайковского он оценил сразу и всеми силами старался удержать его при своей издательской фирме. Расчетливый купец, он очень бережно расходовал свои деньги и не очень роскошествовал гонорарами. Однако для Чайковского он не был скуп и за все время их сотрудничества возникло лишь одно недоразумение на этой почве. Состав его работников был средний, и даже ниже среднего. Об этом, между прочим, говорил сам Петр Ильич. Он жаловался, что ему приходится из-за скупости Юргенсона самому править корректуры. Тем не менее их искренние дружеские отношения сохранялись до конца жизни Петра Ильича. Начиная со второй половины 70-х годов Юргенсон стал вести авторские и личные дела композитора, ревниво собирал рукописи Петра Ильича, чтобы сохранить их для потомства, надзирал за выплатой авторского гонорара за исполнение его произведений и после смерти композитора.

Говоря о музыкальном мире тех лет, нельзя не сказать несколько слов о Николае Николаевиче Фигнере. Петр Ильич не любил тембра его голоса, открытый горловой звук с форсированными верхами, однако отдавал должное его драматическому дарованию. Сочиняя «Пиковую даму», он думал о Фигнере и считался с пожеланиями артиста. В то время это был единственный из теноров России, который мог создать образ Германа. Но расчетливость и властный характер Фигнера отталкивали Петра Ильича. Кроме того, он с большим трудом выучивал партии. На это ему требовалось не менее полугода.

Если во время действия его партнеры случайно останавливались, Николай Николаевич сбивался и умолкал, пока кто-нибудь не наводил его на мелодию. Поэтому Петр Ильич перед постановкой «Пиковой дамы» поехал в деревню к Фигнеру и там разучивал с ним партию Германа и, в конце концов, написал переход к пониженной на полтона «бриндизи» (застольной) последнего акта из боязни, что Фигнер просто-напросто не вытянет ее. Близкой дружбы с ним так и не возникло⁶⁶.

Из друзей немзыкального мира назову лишь самых близких Петру Ильичу.

Николай Дмитриевич Кондратьев был типичный средний помещик, достаточно начитанный, чтобы говорить обо всем понемногу. Жена его, светская дама, знала «весь» Петербург, находилась в курсе всех великосветских сплетен. Как никто другой умела она подносить их в забавном и пикантном освещении, вызывая смех слушателей. Речь ее была пересыпана французскими словами. Это считалось тогда признаком хорошего тона. У Кондратьевых, людей очень радушных и гостеприимных, Чайковский не раз гостил в их имении «Низы». Он был очень привязан к ним и их дочке Дине. Воспитательница Дины, француженка мадемуазель Эмма Жентон, питала к Петру Ильичу самые нежные чувства, писала ему письма, когда он уезжал из Петербурга, всячески старалась привлечь его внимание, когда он бывал у них. Петр Ильич посвятил Эмме Жентон свой известный «Сентиментальный вальс».

Старая дружба Петра Ильича с Алексеем Николаевичем Апухтиным, вместе с которым он учился в Училище правоведения, поддерживалась на протяжении почти всей их жизни. По воспоминаниям Апухтина, Петр Ильич был одним из наиболее умных и способных учеников училища. Все его любили и хорошо к нему относились. Товарищи почитали его специалистом в музыке. Все же в училище, судя по рассказу Алексея Николаевича, играл он мало, а если и случалось, то преимущественно танцы. Иногда, когда в зале находились только близкие товарищи, Петр Ильич импровизировал. Однако с Алексеем Николаевичем он был более откровенен. Молодой поэт и молодой композитор вместе любили «мечтать о славе идеальной», как писал Апухтин в одном из стихотворений, посвященном Петру Ильичу.

Вплоть до 90-х годов Петр Ильич обязательно навещал Апухтина, приезжая в Петербург. В последние же годы он стал уклоняться от визитов. Чем было вызвано такое охлаждение, не берусь объяснить. Поэт тяжело переживал свои жизненные неудачи, непризнание своего таланта. Композитор в это время находился на вершине творческих достижений...

С конца 80-х годов вихрь славы подхватил Петра Ильича и понес его по Европе и Америке. Он еще при жизни стал пользоваться всемирным признанием, но продолжал оставаться скромным, всегда неудовлетворенным собой, полным желанием работать и совершенствоваться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО В МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ

Начиная с 1883 года мои родители решили проводить часть зимы в Петербурге, чтобы быть ближе к находившимся в Училище правоведения сыновьям Дмитрию и Владимиру. Эта зима была очень неудачная, мы все переболели: мать, я и моя воспитательница — мисс Иствуд. Редкие посещения дяди Петра Ильича были в доме всегда праздником. Он умел поднять общее настроение, придать бодрость, вселить уверенность, что все будет хорошо. Но приезжал он, к сожалению, редко.

В январе 1884 года состоялась свадьба моей сестры Анны. Петр Ильич приехал специально к этому событию. В этом же году, я помню, он брал меня с собой в цирк, который очень любил, на дневное представление⁶⁷. Часто мы ходили с ним на Неву и, усевшись в высокие кресла-сани, переезжали на противоположный берег и обратно. Сани толкал конькобежец.

Следующей зимой Петр Ильич как-то взял меня на репетицию симфонического концерта. Не помню, что исполнялось и кто дирижировал⁶⁸. Впервые я увидел и услышал симфонический оркестр. Дядю Петра очень забавляло, что я сидел с открытым ртом, ошеломленный впечатлением. Помню, я расспрашивал о некоторых инструментах, и он называл их и объяснял, как на них играют. Больше всех понравились мне тромбоны и контрабасы. На вопрос Петра Ильича, на каком инструменте я хотел бы научиться играть, я ответил: «Либо на длинной трубе, которую высовывают, либо на самой большой скрипке, на которой играют стоя». Ему очень понравилось мое объяснение инструментов.

По настоянию Петра Ильича меня в том же году впервые повели в оперу. Насколько помню отдельные сцены, это бы-

ла опера «Фаворитка» на итальянском языке⁶⁹. На меня этот спектакль произвел потрясающее впечатление. Мне усиленно внушали запомнить, как была спета ария «Spirito gentile», исполненная Мазини. В театре я простудился и заболел, и в бреду пел мелодии из слышанной оперы.

В балете я был несколько раз. Помню балет, действие которого происходило в Китае, кажется, он назывался «Сын мандарина»⁷⁰ (или что-то в этом роде), затем, если не ошибаюсь, «Царь Кандавл»⁷¹ и какой-то еще из жизни Египта⁷².

Главным событием этого года была первая постановка оперы «Евгений Онегин» на сцене Мариинского театра⁷³. Этот спектакль врезался в мою детскую память, отдельные сцены я помню и сейчас. Во время плясовой первого действия я захопал в ладоши и начал громко выражать свою радость. Чьи-то знакомые руки закрыли мне рот и опустили мою размахившуюся руку — мать не поняла, что, услышав знакомое слово «вайну», я не мог не придти в восторг. На время сцены дуэли меня вывели прогуляться в фойе. Пожалуй, это было разумно — я был очень впечатлительным ребенком, и выстрел и смерть произвели бы на меня ужасное впечатление. И без этой сцены я долго не мог уснуть после всего виденного и слышанного. Трудно сказать, что поразило меня больше — музыка или действие — мне было тогда всего восемь лет. Все же запечатлелась сцена бала у Лариных и первый акт.

Меня брали и в квартетные собрания, и там я впервые услышал квартет Петра Ильича. Я напрягался, чтобы вслушаться в него, но для меня, юного слушателя, он был слишком длинный, и я под конец заснул, и только шум аплодисментов разбудил меня. Я увидел дядю, кланяющегося как-то в сторону, бочком. У меня мелькнула мысль: как должно быть неловко так кланяться. Я попробовал тут же воспроизвести его поклон, за что получил шлепок от тети Анны Петровны Мерклинг, сидевшей рядом. Во мне поднялся молчаливый протест против несправедливости: дяде Пете хлопают за такой поклон, а меня за это же шлепают...

В 1887 году для меня началась новая жизнь. После длинного материнского напутствия меня с мисс Иствуд отправили в Петербург, и я под надзором Модеста Ильича держал экзамен в корпус. В этом году Петр Ильич приехал в Петербург в середине сентября для подготовки к постановке оперы «Чародейка». Я учился экстерном и возвращался домой к 4 часам. С Петром Ильичем я не мог ви-

даться часто, так как он постоянно с кем-нибудь репетировал. Помню, что он ворчал, был чем-то недоволен, особенно часто повторялось имя Павловской, которую в среде своих он поругивал не стесняясь⁷⁴.

Однажды дядя Петр взял меня с собой в воскресенье в Лавру, и мы прослушали исполнявшуюся его обедню, а после пошли на могилу сестры Тани. Над могилой в мраморной раме висела икона, и я впервые от Петра Ильича узнал, что это копия знаменитой Мурильевской Мадонны, сделанная по заказу известным в то время художником Ционглинским.

Как водится, были мы с ним в цирке и катались через Неву, одним словом отбыли все «обязательные» развлечения. Но самое большое удовольствие я получил, когда дядя повез меня и братьев на репетицию, а потом и на спектакль «Чародейки». На генеральную репетицию мы пошли пешком. Петр Ильич был очень задумчив и сильно поглощен своими мыслями, и шел все время молча, видимо, очень волновался. На бледном лице у него появлялись красные пятна. Только раз он рассмеялся, когда я, опередив всех на значительное расстояние, встал во фронт перед каким-то генералом и «ел его глазами», как это полагалось по уставу. Придя в театр, мы разделись на общей вешалке. Петр Ильич редко пользовался своей привилегией в театрах и в концертных залах раздеваться на артистической вешалке. Проводив нас в ложу бенуара, куда он собрал всех близких, дядя Петя ушел за кулисы. Долго мы бродили по коридору в ожидании начала и, наконец, услышав звук настраиваемых инструментов, заняли свои места в ложе. Меня ожидал большой сюрприз: я увидел дядю, входившего на дирижерское место. Оркестр встретил его аплодисментами, поддержанными жидкими хлопками зрительного зала. Петр Ильич все так же неловко кланялся боком, поворачивая в сторону зрителей только голову.

Началась увертюра, во время которой в зале стояла мертвая тишина, слушали со вниманием. По ее окончании не раздалось ни единого хлопка. Началось первое действие. Неудовольствие, высказанное Модестом Ильичем, очевидно, передавало и настроения других. Затем в ложу пришел Ларош. Разговор сводился к похвалам музыке и нападкам на исполнителей, особенно на Павловскую в роли Кумы. После репетиции, бесконечно затянувшейся, вернулись домой без Петра Ильича, оставшегося в театре.

Наконец, 20 октября состоялся первый публичный спек-

такль. Накануне Петр Ильич с нами не виделся — был занят делами и, кроме того, как-то особенно первничал в ожидании, как публика примет его любимое в то время детище. Он считал, что генеральная репетиция была «провалом». На спектакле его встретили тепло, долго ему аплодировали, когда он появился за дирижерским пультом. После увертюры хлопки были довольно жидкие. Петру Ильичу даже не пришлось поклониться. По окончании первого действия участники выходили на вызовы только раза два. Вспоминая все, что мне пришлось слышать о певице Павловской в роли Кумы, скажу, что она исполняла ее лучше, чем на репетиции, но судя по всему, можно было предположить, что она больна или теряет голос. Чем дальше шла опера, тем она пела хуже. Видимо, она так боялась чего-нибудь не спеть, что все ее внимание было сосредоточено на этом, в ущерб игре. В арии «Где же ты, мой желанный» она определенно пустила «петушка». Все это не могло не повлиять на публику охлаждающе. Конечно, Петра Ильича вызывали, ему аплодировали, он кланялся, но в сравнении с теми овациями, какими его встречали позднее, прием был холодный. Все это произошло, я думаю, по доброте сердечной дяди Петра. Он пришел в ужас, услышав на репетиции Павловскую, и не имел достаточно мужества снять временно оперу, пока не найдется достойная исполнительница роли Кумы.

В эту зиму мне, мальчишке, выпала честь познакомиться с целым рядом выдающихся музыкантов. В ноябре 1887 года Петр Ильич дирижировал в одном из концертов своей «Моцартианой». На репетиции концерта присутствовали мы с братом Бобом и дядей Модестом. В антракте мы пошли в артистическую, и там Петр Ильич познакомил меня со своими гостями. Лучше других я запомнил молодого Глазунова. С тех пор мы с ним часто встречались и подружались. Я виделся с ним в последний раз за три месяца до его последнего отъезда за границу. В числе других гостей Петра Ильича вспоминаю Л. С. Ауэра и А. К. Лядова.

«Моцартиана» имела большой успех. Овации на репетиции не уступали овациям на концерте. На другой день после концерта Петр Ильич угостил ближайших родных и друзей обедом в гостинице «Россия». Он был весел и все уговаривал Лароша пуститься вприсядку. Ларош с трудом присел три раза и в свою очередь потребовал, чтобы Петр Ильич протанцевал качучу. Петр Ильич, не сморгнув глазом, стал танцевать под фантастический аккомпанемент Кашкина.

Пятнадцатого декабря все собрались к отходу курьерского поезда провожать Петра Ильича, уезжавшего в первое заграничное концертное турне дирижировать своими произведениями⁷⁵. Все близкие с волнением ждали известий, хорошо представляя себе, какое колоссальное напряжение воли и нервов ему предстоит, как дорого обходится ему каждое его выступление. Письма Петра Ильича, кем бы они не получались, перечитывались всеми. Петр Иванович Юргенсон аккуратно копировал получаемые им письма о выступлениях Петра Ильича и присылал Модесту Ильичу. Последний сообщал их всем, и под конец мы привыкли постоянно слышать о триумфальном шествии Петра Ильича по Европе. Прием, оказанный Петру Ильичу в Праге, превзошел все ожидания. Это было не столько торжеством Петра Ильича, сколько демонстрацией дружеских чувств чешского народа к России. Петра Ильича как композитора и как дирижера здесь приняли и оценили по достоинству⁷⁶.

В августе 1888 года дядя Петя ездил в Каменку рассказывать сестре о своем турне по Европе. Как захватывающе интересно он рассказывал о своих выступлениях!

В эту же зиму 1887—1888 года, если не ошибаюсь, Модест Ильич привел к нам в дом пианиста Васю Сапельникова. Мы с ним очень подружились, несмотря на разницу лет. Он часто заходил к нам совсем запросто, а когда собирались гости, то охотно играл, никогда не ломаясь и не отказываясь. Это был пианист с большой техникой. Он обладал редкой физической силой и играл очень шумно. Когда он брал аккорд фортиссимо, то, как говорили в шутку, хвостовая ножка рояля подскакивала. Его игра казалась мне чересчур громкой и бездушной. Как человек он был очаровательный, и Петр Ильич его нежно полюбил и относился к нему почти как к родному сыну. Мы, мальчики, быстро привыкли к нему и сблизились с ним. Однажды Вася пришел к нам со своей преподавательницей, известной немецкой пианисткой Софией Ментер. Она была очень красива и любезна, и всем нам очень понравилась. Ментер и Сапельников играли у нас часто и в четыре руки. Дядя Петя тоже играл в четыре руки с Сапельниковым, который всегда брал себе партию «примо». К концу зимы Ментер и Сапельников стали у нас совсем своими людьми. В январе 1888 года Сапельников принял участие в концертах Петра Ильича в Германии.

В начале зимы того же года Петр Ильич приезжал в

Петербург для участия в концерте Филармонического общества. Вася Сапельников вновь зачастил к нам. Он что-то разучивал на рояле, видимо Второй концерт. Заходил и Петр Ильич. Четвертого ноября состоялась репетиция концерта, которым он дирижировал. По обыкновению он повез и нас, братьев. В программе стояла Пятая симфония, Второй концерт для фортепьяно с оркестром и мелкие пьесы, которые исполнил Сапельников. Каменская спела арию Орлеанской девы и несколько романсов. Вася был в ударе и сыграл прекрасно. Закончилась программа увертюрой Лароша, которую инструментовал Петр Ильич⁷⁷. Как всегда, я ходил с братом Бобом в артистическую. Нашего обожаемого теребили со всех сторон, и я дивился, как он успевает всем отвечать. Большая часть петербургского музыкального мира была здесь: Римский-Корсаков, Направник, Глазунов, Лядов, Менцер, Давыдов...

На другой день концерт имел большой успех. Сапельников превзошел самого себя, и Петр Ильич остался им очень доволен. Овация была шумная, и мне показалось, что дядя Петя не так уж неловок в своих поклонах. Это пребывание Петра Ильича в Петербурге ознаменовалось для меня большим событием. Ко дню моего рождения он подарил мне ружье центрального боя фирмы «Пиппер-Диана» двенадцатого калибра. Покупку совершили в моем присутствии у купца-оружейника Беженцева в Апраксином рынке. К ружью были куплены патронташ, сто патронов Беккера, порох, дробь, беркляя, пыжи, закрутка—словом, все необходимое для заправского охотника. Ружье оказалось отличное и прослужило мне тридцать лет. Петр Ильич долго разговаривал с Беженцевым, которому он очень понравился, и тут же за прилавком пил с ним чай, как со старым знакомым. Покупка обошлась Петру Ильичу около ста рублей. По моим тогдашним понятиям это была огромная сумма. Торжествующий шел я домой, таща все на себе. Петр Ильич уверял дядю Модеста, что я так сиял от счастья, что кругом стало вдвое светлее.

В декабре Петр Ильич повез нас на консерваторский спектакль, где ставили его «Опричника». Эту оперу я слышал впервые. Петра Ильича шумно приветствовали. Спектакль был бедно обставлен, зато голоса звучали свежо, молодо⁷⁸. Для ученического спектакля оперу подготовили хорошо, что неудивительно, так как ставил ее Осип Осипович Палечек. Отдельные места, особенно хоры и Вязьминский, были хороши.

Юрий Львович Давыдов (фото 1893 года)

Семейная группа Давыдовых.
Стоят (слева направо): Наталья Львовна, Владимир Львович (Боб),
Юрий Львович, Анна Львовна; сидят: Лев Васильевич, Дмитрий Львович
(фото 1891 года)

Стоят слева направо: Анатолий Ильич Чайковский, Ипполит Ильич Чайковский, В. В. Ган (двоюродная сестра композитора со стороны матери), О. С. Чайковская (жена Николая Ильича Чайковского), Людмила Владимировна Ольховская (двоюродная сестра композитора со стороны отца), Н. Ф. Литке (сын мореплавателя), Амалия Васильевна Шоберт (жена Н. Ф. Литке); сидят: Петр Ильич Чайковский, Николай Ильич Чайковский, Лев Васильевич Давыдов, Александр Ильич Давыдов (сестра композитора), Модест Ильич Чайковский

Петр Ильич Чайковский (фото 1887 года)

Накануне Петр Ильич дирижировал своей увертюрой «Буря» в Русском концерте. Эти концерты устраивал М. П. Беляев, и Петр Ильич впервые принял в них участие. Итальянская опера в этот год шла в «Аквариуме», на Каменоостровском проспекте. Там пели Баттистини, Зембрих, Маркони, Котоньи. Петру Ильичу очень нравился голос Зембрих и вообще колоратурное сопрано, но сам он для этого рода голоса ничего не написал. Однажды он решил пойти послушать Зембрих инкогнито. Но когда он брал билет, его узнали. Справа подошел один знакомый, слева другой, издали устремился третий. Это переполнило чашу терпения Петра Ильича, он обратился в бегство и бежал не только из театра, но и из сада. Все удовольствие послушать любимую певицу в одиночестве было отравлено.

Подобное случалось нередко. Однажды мы с ним шли по улице и среди разговора он вдруг исчез. В первую минуту я даже не заметил этого. Оглянувшись, я стал искать его глазами и, наконец, увидел его на другой стороне улицы. В недоумении я остановился — Петр Ильич шел в обратном направлении. Затем он остановился у витрины магазина, а через две минуты, как ни в чем не бывало, направился дальше. Я перешел улицу и догнал его. Он объяснил, что еще издали заметил, как навстречу нам шел некто, с кем ему не хотелось встречаться, поэтому он и перешел улицу.

Петр Ильич эту зиму проводил большей частью в Петербурге, но в конце января он опять уехал в концертную поездку за границу⁷⁹. Осенью 1889 года дядя приезжал в Петербург специально для участия в подготовке и проведении юбилея А. Г. Рубинштейна⁸⁰.

Просьба Петра Ильича о подготовке хоров и оркестра не была выполнена, и ему пришлось в течение трех дней готовить ораторию «Вавилонское столпотворение», в которой участвовало до тысячи человек. Чтобы поместить всех исполнителей, эстраду пришлось расширить, и она занимала почти ползалы. На репетициях Петр Ильич очень нервничал, был очень резок в своих замечаниях. На генеральной репетиции он останавливал оркестр, главным образом из-за хористов, которые часто не вступали во время. После второй или третьей остановки в битком набитом зале раздались свистки и шиканье. Петр Ильич резко повернулся и нервно крикнул: «Что это значит? Это, господа, не концерт, а репетиция. Прошу мне не мешать. Если еще раз услышу ваше неодобрение, то все брошу и уйду!» Водвори-

лась тишина. Кто-то из хора ангелов упорно продолжал вступать не во время. Тогда Петр Ильич остановил оркестр и крикнул: «Эй вы, ангелы... Черт бы вас побрал! Поете, как черти, а не как ангелы. Давайте без остального хора и вступайте во-время. Начали...» Последовало несколько тактов, и «ангелы» опять вступили рано. Петр Ильич немедленно остановил их... Добившись своего, он начал эту часть снова. Злополучное место прошло гладко. Сквозь оркестр донесся голос Петра Ильича: «Возвращаю вам ваши ангельские права».

В день концерта Оратория прошла блестяще. Дядя Петр был гораздо спокойнее, чем на репетиции, с самого начала чувствовалась уверенность в его движениях, но ко второй половине, от усталости или упадка сил, его всего начало передергивать. По окончании Оратории ему устроили грандиозную овацию. Вызовы, крики и аплодисменты публики, музыкантов, хористов превратились как бы в чествование Чайковского. Все взоры были направлены в сторону дирижера. На эстраде стоял красный, измученный Петр Ильич и, глядя на ложу юбиляра, аплодировал ему. Никогда до этого мне не приходилось слышать столь длительных, шумных и искренних аплодисментов. Антон Григорьевич ушел задолго до окончания овации⁸¹.

Накануне концерта произошел случай, характеризующий, как относился Петр Ильич к взятым на себя обязательствам. Глубокой ночью он сидел над изучением Оратории, проигрывая отдельные места на рояле. Вдруг дверь отворилась и на пороге появился с накинутым на плечи одеялом расстрепанный, заспанный слуга Модеста Ильича.

— Петр Ильич, только что снизу, от княгини Кантакузиной пришел лакей и сказал, чтобы вы сейчас же перестали играть, потому что спальня их сиятельства находится под этой комнатой. Так вы их беспокоите. — Петр Ильич вскочил, как ужаленный.

— Пойди, скажи ее... сиятельству, что у меня завтра концерт, что я к нему должен готовиться. Не прикажет ли она мне, ради ее удобства, заниматься в уборной? — Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Петр Ильич, обиженный и расстроенный, все же не прекратил игру и не лег спать.

Казалось бы, что этот концерт, в который Петр Ильич вложил столько сил, отразится на состоянии его духа, но, хорошо выспавшись после пережитых волнений и сделав большую прогулку, он уже через два дня забыл о своей

усталости и уехал во Фроловское для завершения работы над балетом «Спящая красавица», который он писал по заказу дирекции императорских театров⁸². Он нам рассказывал, что очень увлечен им и доволен этой работой.

Репетиции балета начались в конце ноября в отдельных сценах, а сводить их в единое целое Петипа стал лишь в середине декабря. К этому времени Петр Ильич опять приехал в Петербург. Он восторгался декорациями и костюмами, которые ему показывали по мере их изготовления⁸³. Но вот наступил день последней репетиции, которая состоялась второго января 1890 года. Дядя, конечно, по обыкновению, взял нас с собой. Мы много слышали от него о роскоши постановки, о красоте декораций, но то, что мы увидели, превзошло все наши ожидания. Красота музыки, изумительная постановка, выразительная, понятная и красивая, костюмы и декорации исключительно художественные — все это было так гармонично, что вполне понятен тот восторженный прием, который был оказан балету. Как на генеральной репетиции, так и на премьере автора и исполнителей вызывали бесчисленное количество раз, и восторженное настроение публики выражалось в грандиозных овациях. Трудно передать состояние зрителей. Они напоминали собрание испуганных фанатиков — красные возбужденные лица, слезы на глазах, усталые от аплодисментов руки и охрипшие голоса молодежи. Это действительно был триумф победителей во главе с Петром Ильичем, которого выводила за руку прима-балерина Брианца. Каждая картина сопровождалась взрывом аплодисментов, а панорама, в которой вся декорация двигалась, произвела ошеломляющее впечатление. Уже после первых двадцати-тридцати тактов срывались аплодисменты, а конец музыки подвижной картины потонул в громе рукоплесканий.

Это событие совпало с ученическими каникулами и мы, молодежь, были все время дома. Петр Ильич обыкновенно останавливался в гостинице, но в этот приезд, так как ему нужно было участвовать в подготовке спектакля, он остановился у нас. Веселый, спокойный, более или менее свободный, он целые дни проводил с нами. Я стал уже юношей, и Петр Ильич значительно чаще брал меня с собой в концерты, театры и даже в рестораны, правда, в дневные часы. Мы вместе совершали прогулки, отдавали визиты, ходили в цирк.

Кажется, в этот же приезд (а может быть и в предыдущий) Петр Ильич и Модест Ильич обсуждали либретто

«Пиковой дамы». Как-то вечером Модест Ильич читал его нам до сцены в казарме. Оно усиленно критиковалось на все лады, и эта критика привела к кое-каким изменениям в либретто. Видно было, как Петр Ильич все больше и больше увлекался мыслью писать на этот сюжет. Он сидел, подогнув под себя ногу (что делал всегда в минуты волнения и сильного возбуждения), внимательно слушал и в конце каждой картины довольно долго обсуждал, критиковал прочитанное и спорил с братом из-за каждой детали. По-моему, дело решил брат Владимир, сказав: «Мне нравится либретто, и если ты, — обратился он к Модесту Ильичу, — сумеешь интересно кончить, то стоит писать музыку». Петр Ильич посмотрев на него пристально, спросил: «Ты думаешь?» — а потом обратился к брату: «Ну, Модя, как ты собираешься закончить?» Модест Ильич рассказал свой план окончания либретто. Тут произошел длительный спор, должен ли Герман умереть или сойти с ума и какая судьба ожидает Лизу, и какова роль Елецкого в развязке. Большинство стало на сторону Модеста Ильича, который хотел оставить Германа в живых, но сумасшедшим. А Петр Ильич уверял, что это будет не сценично, что публика не поймет и что Германа надо «изничтожить», как он выразился. Лиза тоже, по его мнению, должна была погибнуть, между тем, как Модест Ильич предполагал вернуть ее в объятия Елецкого, который должен был все ей простить.

Решающим оказалось мнение Петра Ильича. Он тут же заявил о своем твердом намерении писать оперу на этот сюжет и стал требовать от Модеста Ильича, чтобы он торопился с окончанием либретто⁸⁴.

Четырнадцатого января 1890 года Петр Ильич уехал в Италию, взяв с собой слугу Коли Конради — Назара Литрова. Мы все поехали провожать Петра Ильича. Он был очень взволнован и на редкость весел. В вокзальном буфете Петр Ильич потребовал шампанского, и мы с бокалами в руках провожали его на перрон. Амалия Васильевна Литке и Анна Петровна Мерклинг приехали с букетами цветов, так что Петр Ильич напоминал счастливого молодого человека.

Однажды мне пришлось по поручению Модеста Ильича отнести на почту одно из последующих действий либретто для отправления Петру Ильичу. Модест Ильич ворчал, что брат слишком торопит его с окончанием либретто, и в то же время поражался быстроте, с какой Петр Ильич писал оперу. «Пиковая дама» вчерне создана за сорок четыре дня.

Потом потребовалась довольно детальная отделка, переложение, оркестровка и т. д. И хотя с этой работой Петр Ильич не торопился, все же в начале лета он закончил оперу совсем.

Из-за границы Петр Ильич вернулся успокоенный и довольный собой (что между прочим случалось редко). Он был совершенно уверен, что создал выдающуюся вещь. Он этого не говорил, конечно, но что он это прекрасно сознавал, сквозило во всем. Он многим играл отрывки из «Пиковой дамы», и охотно, чего в последние годы не делал, разве только очень близким людям, да и то редко, и в тех случаях, если считал произведение совершенно законченным. Он приехал в Каменку повидаться с нами и немножко для того, чтобы, как он говорил, похвастать своей работой и получить одобрение сестры.

В эти годы Петр Ильич достиг славы и признания в России, Западной Европе и Америке. Свойственная ему застенчивость почти исчезла, появилась уверенность в себе и, пожалуй, он стал еще более требовательным к себе. Для всех он остался тем же простым, любимым, очаровательным дядей Петей, каким он был всегда. Он уже не испытывал мучавших его нервных «удариков», но эта нервозность сменилась каким-то внутренним импульсом, «торопись, не успеешь», как бы шептал ему внутренний голос, и Петр Ильич работал над своими произведениями, не давая себе ни минуты отдыха, что являлось новым источником мучений и терзаний. Он все чаще среди своих жаловался на это.

Самым крупным событием 1890 года была, конечно, постановка «Пиковой дамы». Репетиции начались в первой половине ноября. Мы ходили на репетиции в декабре и присутствовали на обыкновенной репетиции, на генеральной и на премьере. Хотя репетиции начались еще в ноябре, Петр Ильич взял нас с собой (но и то против воли Модеста Ильича) только в первых числах декабря. Даже и первая репетиция произвела на меня сильнейшее впечатление. Несмотря на то, что Направник несколько раз останавливал оркестр, делал замечания и повторял отдельные места, отчего впечатление несколько разбивалось, да и гулкость пустого полуосвещенного зала искажала звучание — все же сцены у графини, в казарме, на канавке и в игорном доме совершенно ошеломили меня. Когда репетиция кончилась, я был как пьяный.

Генеральная репетиция состоялась пятого декабря при переполненном зале. Петр Ильич часть спектакля сидел с

нами в ложе, волновался, конечно, но остался доволен блистательным успехом оперы. Он гораздо меньше нервничал, чем на всех предыдущих премьерах, в особенности «Чародейки». Вызовам и овациям не было конца. Исполнители, окружив Петра Ильича, долго ему аплодировали во главе с Эдуардом Францевичем Направником. К нам в ложу, в которой сидел и Модест Ильич, в антрактах приходило много народа поздравить его с успехом — и как брата композитора, и как либреттиста оперы. Я не слышал ни единого порицания музыки, однако либретто критиковали довольно резко.

Любовь к Чайковскому, увлекательность музыки «Пиковой дамы», прекрасная постановка (декорации, костюмы и прочее) создали ей невероятный успех. Роль Лизы была во всех отношениях безукоризненно исполнена Медеей Ивановной Фигнер. Она была очаровательна и в драматическом и в вокальном отношении. Графиня в исполнении талантливой, величественной М. А. Славиной была бесподобна. Пожалуй, из десятков «графинь», которых я видел и слышал, более удачного исполнения я не помню. Николай Николаевич Фигнер в драматическом отношении дал все, что только можно желать, но я никогда не любил его голоса и манеры петь, а потому вокальная часть меня не удовлетворила. И. А. Мельников — Томский и Л. Г. Яковлев — Елецкий были вполне на своем месте. О хорах и оркестре с таким дирижером, как Направник, и говорить нечего — они были безукоризненны.

Весь зал находился в приподнятом настроении. Имя Чайковского у всех на устах. Даже накрахмаленная аристократия забыла «бон-тон» и участвовала в выражении всеобщего восторга. Этот спектакль стал новой победой, торжеством гения Петра Ильича. В дальнейшем спектакли «Пиковой дамы» шли при битковых сборах, и с этой поры она завоевала заслуженное, прочное положение на оперных сценах⁸⁵.

В этот приезд Петр Ильич часто посещал французский театр. Он дружил с Люсьеном Гитри, артистом этого театра. Гитри еще в сентябре 1890 года просил Петра Ильича написать музыку к его бенефису для трагедии Шекспира «Гамлет» — марш для прохождения тени отца Гамлета, антракт и еще несколько других отрывков. Воспользовавшись приездом Петра Ильича, Гитри стал «приставать» к нему со своей просьбой. Весь разговор происходил при мне. Петр Ильич всеми способами старался отказаться. Уж каких толь-

ко причин он ни выдумывал, да и действительно до бенефиса оставалось очень мало времени, учитывая, что после Петербурга Петр Ильич должен был ехать в Киев на премьеру «Пиковой дамы» и в Каменку встречать Новый год. Но Гитри был настойчив, а Петр Ильич, как известно, мягок и уступчив. В конце концов он согласился. Тогда Гитри стал перед ним на колени и положил земной поклон, сказав по-русски: «Глубокое русское спасибо». Петр Ильич рассмехался, это привело его в хорошее настроение.

Как только Гитри уехал, Петр Ильич пошел в библиотеку Николая Германовича Конради, взял томик Шекспира и перечитал «Гамлета» (в переделке А. Дюма), потом возвратился в кабинет Модеста Ильича, в котором никого не было, достал нотную бумагу, сел за стол и стал писать. Я оставался в гостиной, но хорошо видел его через открытые двери. Не прошло и часа, как в гостиной появился Сергей Иванович Танеев, который прибыл в Петербург на премьеру «Пиковой дамы». Заметив его, Петр Ильич закричал из кабинета: «Ты не мог прийти более кстати! Садись, оркеструй, а я допишу...» Сергей Иванович покорно уселся против Петра Ильича и начал тоже писать, и так они молча просидели некоторое время. Потом Танеев встал, подошел к роялю и сыграл марш. Петр Ильич слушал. Затем речь зашла о каких-то тактах... Никто не помешал им, и в одиннадцать часов вечера я нес толстый конверт на Николаевский (ныне Московский) вокзал для отправки П. И. Юргенсону в переписку на голоса.

Я знаю, что отнес тогда на вокзал не все, что написано Петром Ильичем для «Гамлета», и что остальное дописывалось позже. Брат Боб, Модест Ильич и я присутствовали на прощальном бенефисе Л. Гитри 9-го февраля 1891 года, который прошел очень удачно. Гитри заслуженно считался превосходным артистом-трагиком. Овации были шумные, но сквозь гром аплодисментов и крики отчетливо слышались вызовы Чайковского. Таким образом успех спектакля в известной доле нужно отнести и за счет композитора⁸⁶.

1891 год — год больших событий в жизни Петра Ильича. Весной он совершил поездку в «Новый свет» — в США, куда его пригласили дирижировать на открытии концертного зала в Нью-Йорке и несколькими концертами в разных городах. Эта поездка и пугала и интересовала Петра Ильича. Дав согласие, он готов был отказаться, но в конце концов переборол все страхи и решил ехать. Его выступления

в Соединенных Штатах прошли с огромным успехом⁸⁷. Это триумфальное путешествие, во время которого композитор мог убедиться в том, как широко известно его творчество, было омрачено горем, постигшим нашу семью, — смертью моей матери, Александры Ильиничны.

Петр Ильич переносил так болезненно эту утрату еще и потому, что незадолго до смерти сестры судьбе угодно было нанести ему тягчайший удар в его жизни. Я говорю о разрыве отношений с Надеждой Филаретовной фон Мекк.

По этому поводу делается много догадок, но истинная причина остается нераскрытой.

Значение Надежды Филаретовны в жизни Петра Ильича огромно. Богатая меценатка, горячо любившая музыку, поддерживала молодые дарования, содействовала созданию русской музыкальной школы. Надежда Филаретовна принадлежала к числу богато одаренных натур. Она была умна, образованна и, несмотря на непривлекательную внешность, имела свойство очаровывать всех своеобразной манерой речи и содержательностью своей беседы.

Большая оригиналка, она ко времени знакомства с Чайковским, после смерти мужа, стала нелюдима и избегала общества. Свободное от семейных дел время она отдавала литературе и музыке. Творчество Петра Ильича приводило ее в какое-то экзальтированное состояние.

Надежда Филаретовна была хорошей пианисткой и много времени уделяла игре на рояле. В молодые годы жизнь ее складывалась очень тяжело, ей были знакомы и холод, и голод. Поэтому-то она охотно помогала молодым талантам. В частности, в ее доме несколько лет жил Клод Дебюсси, в то время начинающий музыкант. Петру Ильичу она оказывала материальную помощь, сперва заказывая различные переложения, щедро оплачиваемые ею, а затем назначила ему ежегодную субсидию в размере шести тысяч рублей. Это дало Петру Ильичу возможность оставить педагогическую работу ради «хлеба насущного» и всецело посвятить себя творчеству. Петр Ильич был безгранично благодарен Надежде Филаретовне не только за то, что она дала ему независимость, но и за ее исключительную чуткость к нему и понимание творчества. Постепенно чувство благодарности и уважения переросло в глубокую привязанность, в потребность делиться с ней своими мыслями и чувствами. Особенность дружбы Петра Ильича с Н. Ф. фон Мекк заключалась в том, что они никогда друг друга вблизи не видели и никогда не разговаривали. Их взаимоотношения сво-

дились исключительно к переписке, которая продолжалась без малого четырнадцать лет.

И вот эта, казалось бы, прочнейшая дружба оборвалась. Надежда Филаретовна отказала Петру Ильичу в субсидии и одновременно прекратила переписку с ним. Причин тому, по-видимому, было несколько. Финансовые дела фон Мекк пошатнулись. Умер любимый сын Владимир Карлович, который, по мнению Надежды Филаретовны, один был способен управлять их состоянием. После его смерти дела оказались запутанными. Доходы упали с пятисот тысяч до десятков тысяч в год. Это представлялось Надежде Филаретовне как разорение. К этому прибавилась тревога за будущее любимой младшей дочери Людмилы Карловны, только что вышедшей замуж. Ее молодой супруг был настолько ветрен, что Надежда Филаретовна чуть ли не три раза выдавала дочери назначенное за ней приданое. В этих обстоятельствах Надежде Филаретовне казалось, что шесть тысяч, выплачиваемые Петру Ильичу, она отнимает от своих детей. Поскольку Петр Ильич стал хорошо зарабатывать как автор и дирижер и, кроме того, получал пенсию от правительства, она решила, что в ее деньгах он более не нуждается; а их дружба и взаимное уважение столь прочны, что уж кто-кто, а Петр Ильич не осудит ее за прекращение субсидии, тем более, что это не лишит его возможности продолжать свою работу, свое творчество. Ко всем семейным невзгодам Надежды Филаретовны прибавилось еще большое горе — отход от нее старшей дочери Юлии Карловны, вышедшей замуж в 1889 году за В. А. Пахульского. Надежда Филаретовна понимала, что несмотря на то, что Пахульские остались жить вместе с ней, Юлия Карловна не сможет отдавать себя всецело матери, как было до того. Надежда Филаретовна оставалась совершенно одинокой в своей собственной семье. Петр Ильич понимал, что Надежде Филаретовне далеко до разорения, что это только временное падение ее доходов. Он считал, что денежные дела ее не настолько плохи, чтобы она могла нарушить данное ему обещание, и стало быть здесь скрыта другая причина разрыва. Не потеря материальной поддержки угнетала его, а полный разрыв отношений, последовавший за отказом в субсидии. Только неизменность отношения Надежды Филаретовны оправдывала в глазах композитора то, что он в течение стольких лет брал у нее деньги. Она представлялась ему добрым гением, ее поддержка — чем-то бесконечно прочным, неизменным, вечным... Теперь же Петр Иль-

ич испытывал чувство унижения, оскорбленного самолюбия. Отношение Надежды Филаретовны к нему он стал воспринимать как прихоть богатой меценатки. Так, по крайней мере, могли судить о его переживаниях близкие ему лица по его очень редким, отрывочным высказываниям.

Но помимо этой, так сказать «официальной причины» (разорения), существовали и другие основания для этого поступка Надежды Филаретовны. Еще в 1888 году состояние ее здоровья заметно ухудшилось. Зимой 1889/1890 года она тяжело хворала и была близка к смерти. Ревматизм, которым она болела уже много лет, настолько обострился, что руки ее почти не могли двигаться, и она не была в состоянии написать даже несколько слов. Последние годы Петр Ильич получал хоть изредка письма от Надежды Филаретовны и поэтому не мог поверить в ее полную инвалидность. Между тем моя сестра Анна Львовна Мекк подтверждала, что последние письма ее свекровь писала буквально со слезами на глазах, а столь интимную переписку она не могла доверить никому. По этому поводу у нее был разговор с Анной Львовной, и она просила передать его содержание Петру Ильичу.

Анна Львовна не могла вспомнить, исполнила она эту просьбу или нет, но предполагала, что вследствие болезни своих детей в то время, она забыла ее выполнить. Позже, в 1940 году, она утверждала, что передала Петру Ильичу во время краткого свидания с ним в октябре 1893 года если не весь свой разговор, то основную мысль, что Надежда Филаретовна никогда не изменяла к нему своего отношения, но считала, что ее поддержка больше ему не нужна, что для нее самой грешно продолжать их отношения. Дело в том, что, по словам сестры, Надежда Филаретовна к старости все больше и больше увлекалась религией и религиозной философией. Она пришла к убеждению, что вела слишком широкую жизнь, уделяя себе слишком много времени, тратя громадные суммы денег на себя. Это «самобичевание», как говорила сестра, приняло очень острую форму. К числу своих грехов она относила увлечение музыкой, в частности музыкой Чайковского.

Но Петр Ильич всего этого не знал. Почти год он пытался поддерживать связь с Надеждой Филаретовной через В. А. Пахульского, ее зятя и личного секретаря. Но редкие ответные приветы, передаваемые Пахульским, не могли удовлетворить его. Летом 1891 года он не выдержал и написал Пахульскому письмо, в котором излил все свои

переживания. Он просил не говорить ничего Надежде Филаретовне, но нужно полагать, что в душе Петр Ильич надеялся, что Пахульский все же передаст ей содержание письма. Последний не только не сделал этого, но вернул письмо композитору, дабы оно случайно не попало в руки Надежды Филаретовны через его жену, Юлию Карловну Мекк.

Это событие в жизни Петра Ильича не прошло бесследно. Потеря друга, которому он привык верить свои радости и горести, была для него жестоким ударом. Ему не доставало той души, которой он верил и которую глубоко уважал. Он тосковал и до самой смерти помнил о своем «лучшем друге».

Я лично смотрю на этот разрыв, как на роковое недоразумение. Я дерзаю высказать мысль, что окончательный разрыв произошел не без участия Пахульского. Он завидовал Петру Ильичу, его таланту и материальной обеспеченности, давшей ему в последние годы полную независимость⁸⁸.

Весну и лето 1892 года Петр Ильич был поглощен выполнением заказа дирекции императорских театров на одноактную оперу «Иоланта» и балет «Щелкунчик». Он заканчивал партитуру балета, а затем правил корректуры. Либретто оперы написал Модест Ильич⁸⁹. Мы в этот год до осени почти не виделись с ним, так как в короткие наезды его в Петербург он бывал очень занят различными делами, в Каменку он не навещался, а я заезжал к нему в Клин всего на один-два дня.

В конце октября Петр Ильич приехал в Петербург, чтобы присутствовать на репетициях оперы и балета. Мы все еще жили в квартире Конради на Фонтанке, а Петр Ильич остановился в гостинице «Гранд-отель» на Малой Морской, но большую часть времени проводил у нас или брал нас куда-нибудь с собой. Так я в первый раз был в зоологическом саду. Тут сказался весь Петр Ильич. Он и жалел узников, особенно львов и тигров, и хохотал до слез над играющими медвежатами.

Я был в шестом классе корпуса интерном, и Петр Ильич несколько раз заходил ко мне, когда около пяти часов (приемные часы для свидания с родными) освобождался в Мариинском театре от репетиций. Корпус же находился наискосок против театра. Я всегда уводил его в большую залу, и мы гуляли там под пальмами. Но долго Петр Ильич никогда не оставался, так как бывал очень занят. Для нас, учащихся, устраивались маленькие «кутежи» в канун празд-

ников. Это были самые желанные вечера. Мы всегда страшно веселились вместе с Петром Ильичем.

Наступил декабрь. Пятого числа состоялась генеральная репетиция оперы «Иоланта» и балета «Щелкунчик». Трудно передать чарующее впечатление, какое они произвели на всех присутствовавших. Не говоря о поэтичности сюжетов совершенно разнородных произведений, красоте музыки, бесподобной постановке, публика была согрета любовью к автору, и это выразилось в бесконечных овациях. А что происходило на премьере шестого декабря, я даже не берусь описать. Все исполнители были в ударе, вложили много старания, ансамбль создан замечательный: Иоланта — М. И. Фигнер, Король — К. Т. Серебряков, Водемон — Н. Н. Фигнер, Роберт — Л. Г. Яковлев, Эби-Хаккия — А. Я. Чернов, Марта — М. Д. Каменская, Лаура — М. И. Долина, Бригита — М. А. Михайлова, Бертран — Я. А. Фрей, лучшие силы петербургской оперы. Восторгам слушателей не было конца. Помню, я считал количество вызовов Петра Ильича, но досчитавши до восемнадцати, прекратил счет. А что происходило в момент падения занавеса после первого акта «Щелкунчика» (Вальс снежинок)! Рев и стои стояли в зале, люди топали ногами, стучали чем могли, а многие падали в изнеможении от крика и аплодисментов в кресла и вытирали слезы восторга. Подношений в этот вечер Петру Ильичу было множество.

После торжества первой постановки Петр Ильич недолго оставался с нами и вскоре уехал за границу для свидания со своей старой воспитательницей Фаши Дюрбах⁹⁰.

Наступил 1893 год, роковой год. Ранней весной Петр Ильич побывал в Каменке по просьбе Льва Васильевича для того, чтобы повидать «трех ангелов» — старушек Давыдовых. Посещение Вербовки было очень тяжело Петру Ильичу. Все там изменилось; появились новый дом, новый сад, а главное — новая хозяйка, вторая жена моего отца. Петр Ильич уезжал из Каменки с тяжелым сердцем, точно предчувствуя, что видит всех Давыдовых в последний раз. Возвращаясь в корпус в конце августа, я три дня провел у Петра Ильича в Клину, в том доме, который ныне стал домом-музеем великого композитора. Петр Ильич в это время только что закончил Шестую симфонию и лишь кое-что проверял, подчищал и выставлял знаки. Зная хорошо его привычки, я старался держать себя так, чтобы ни в коем случае не быть ему в тягость. Он в это время занимался не в спальне, где он обычно писал, а в кабинете. Я, взяв

книжку, сядя в передней в большое низкое кресло у круглого стола, и мне был виден Петр Ильич. Он работал за столом, стоящим у среднего окна. Сидел он лицом к камину. Через открытую дверь я мог прекрасно наблюдать за его работой.

Я редко видел Петра Ильича таким бодрым, в хорошем настроении и веселым, как в эти дни. Кроме меня, у него тогда никого не было, и он радовался моему приезду, совпавшему с окончанием работы над симфонией, радовался возможности поболтать со своим близким. Мы совершали с ним большие прогулки по лесу и собирали грибы — любимое занятие Петра Ильича. Когда смеркалось, ходили смотреть, как проезжает курьерский поезд или проводили время за пикетом. Он много проигрывал из Шестой симфонии. Во второй части меня поразила размер, я никак не мог уловить и определить его, и удивлялся, когда он мне сказал, что эта часть идет на пять четвертей. Я спросил, зачем это, и кому нужна эта «ненормальность». Он ответил: «Но зато красиво звучит». Слышал я и последнюю часть и высказал Петру Ильичу свое мнение, что в ней звучит много горя. «Так и надо, — ответил он, — в горе и страданиях умирает человек».

Конечно, цельного впечатления от симфонии я не получил, но и те отрывки, которые пришлось слышать, поразили меня, запечатлелись в моей памяти, и я по сей день слышу их так, как Петр Ильич проигрывал их при мне.

Я спросил дядю, за что он думает теперь взяться. Он ответил: «Не знаю, думаю опять об опере, но нет сюжета, который увлек бы меня». Мы стали перебирать ряд сюжетов, но ни на чем не остановились. Больше других ему улыбался сюжет «Барышни-крестьянки», он говорил, что ему нужно обязательно написать на русскую тему.

Мне уже пришло время возвращаться в корпус, а Петр Ильич должен был ехать в Гамбург на постановку «Иоланты». Мы отправились вместе. В Петербурге мы расстались, но ненадолго. Петр Ильич собирался вернуться в начале октября для подготовки к концерту, в котором должна была исполняться его новая симфония.

Наступил октябрь. Петр Ильич приехал и остановился у моего брата Владимира на углу Малой Морской и Гороховой улицы. Был я у него за несколько дней до начала репетиций. Он усиленно штудировал «Детскую сюиту» Колюса, которую собирался исполнить в одном из следующих концертов. Она ему очень нравилась. На одной из репети-

ций Петр Ильич продирижировал сюзитой, чтобы прослушать, как она звучит в оркестре, и остался доволен ею. Оркестр выразил свое одобрение, горячо аплодируя присутствовавшему автору.

Начались репетиции концерта, которые я, с разрешения чудного, чуткого директора корпуса Я. А. Дружинина, посетил все, за исключением одной, утренней. Насколько помню, их было четыре, включая первую, корректурную и генеральную. Ни одно произведение за всю мою жизнь не производило на меня такого сильного впечатления, как Шестая симфония. Забившись за колонну, я слушал, затаив дыхание, а слезы неудержимо текли ручьем, и я, совестясь, прятался. Кажется, после второй или третьей репетиции я пришел в артистическую и мои глаза были еще красны от слез. Петр Ильич, посмотрев на меня, спросил: «Ты что, ревел, что ли? Что у тебя глаза красные?» От этого вопроса слезы опять брызнули у меня из глаз, и я бросился к нему на шею и стал его целовать, не обращая внимания на присутствующих. Мое возбужденное состояние передалось Петру Ильичу, и он тоже заплакал... Получилась довольно комичная, но трогательная картина: здоровый, на восемнадцатом году, парень висит на шее у седенького дяди, и оба режут. Модест Ильич стал меня оттягивать и совестить, но я убежден, что Петр Ильич без слов понял мое душевное состояние.

На генеральной репетиции присутствовали, кажется, все музыканты и критики: Римский-Корсаков, Лядов, Арещский, братья Конюсы, артисты оперы и Александринского театра. Петра Ильича дергали во все стороны. Всем хотелось пожать ему руку и выразить волновавшие их чувства. Пожалуй, ни одно произведение Петра Ильича не было так единодушно принято, как Патетическая симфония. Шестнадцатого октября состоялся концерт. Прошел он блестяще. Характер приема был более серьезным, чем прием «Иоланты» и «Щелкунчика». Когда замолк последний звук контрабасов и Петр Ильич давно уже опустил руки, публика продолжала сидеть в каком-то оцепенении, и только поклонь Петра Ильича, обращенные к оркестру, вывели зал из этого состояния. Бесчисленное количество лавровых венков ярко выражали настроение публики. Овация затянулась далеко за полночь. Ушел оркестр, часть люстр погасили, но почти весь партер продолжал стоять и вызывать Петра Ильича. Никто из аудитории не думал, что в этот вечер он навсегда прощается с Петром Ильичем.

После концерта состоялся немногочисленный ужин. Были все близкие, но без дам, которых Петр Ильич сам довез до дому. Анна Петровна Мерклинг потом рассказывала, что когда он провожал ее, то спросил, поняла ли она, что выражает его новая симфония. Она ответила, что ей кажется, что он описал в ней всю свою жизнь⁹¹. «Да, ты угадала,— ответил Петр Ильич, и добавил — я чувствую в себе столько энергии, столько творческой силы, я знаю, что создам еще много, много хорошего и лучшего, чем теперь и до сих пор».

Довольный и веселый приехал Петр Ильич к нам, ожидавшим его в Гранд-отеле. Кроме нас, были Ларош, Глазунов и, насколько помню, — Конюс. За ужином Модест Ильич пригласил всех на премьеру его пьесы «Предрассудки», которую назначили на 25 октября, и тут же взял слово с Петра Ильича, что он не уедет до первого представления. Ужин прошел очень оживленно и весело. Разъехались после двух часов ночи. Проводив дядей и брата до подъезда их дома, я пошел ночевать к сестре, так как дядя Петр занимал единственный свободный в квартире диван.

В Александринском театре усиленно репетировалась пьеса «Предрассудки». Через два-три дня Модест Ильич взял нас с собой на репетицию. Помню, что пьеса не особенно понравилась. Петр Ильич, чтобы подбодрить брата, расхваливал ее, но без особенной, свойственной ему горячности.

Двадцатого октября Петр Ильич, большой любитель творчества Островского, взял ложу в Александринском театре на спектакль «Горячее сердце». Как водилось, он повел нас всех с собой. Кроме меня, брата Боба и дяди Модеста, были племянники Петра Ильича два брата Литке, товарищ Боба — Буксгевден и мой двоюродный брат Григорий Давыдов. Во время спектакля Петр Ильич был очень весел, шутил и смеялся над бесподобной игрой своего любимца К. А. Варламова. По окончании комедии мы гурьбой вышли на Невский и направились на Малую Морскую. Модест Ильич задержался в театре, а к нам примкнули находившиеся в театре А. К. Глазунов и И. Ф. Горбунов. Узнав, что дома нет ужина, Петр Ильич предложил зайти в ресторан Лейнера. Конечно, все охотно согласилось. В ресторане к нашей компании присоединился Ф. Ф. Мюльбах, который за последние годы очень сдружился с Петром Ильичем и Модестом Ильичем⁹².

В те годы в Петербурге свирепствовала холера и население предупреждалось о необходимости остерегаться заразы, не употреблять сырой воды не только для питья, но и для умывания.

Придя в ресторан, Петр Ильич велел подать ему стакан воды. Через несколько минут слуга вернулся и сказал, что переваренной воды нет. Тогда Петр Ильич даже выкрикнул: «Ну, давайте сырой из-под крана, я не верю в холеру!» Слуга исчез, а вошедший в этот момент Модест Ильич стал укорять и бранить его за беспечность. В эту минуту слуга внес стакан сырой воды. Мы все хором закричали: «Да не пей воду...» Но Петр Ильич пошел навстречу слуге. Модест Ильич бросился вперед, желая отнять стакан, но опоздал... Петр Ильич, отстранив его локтем, успел залпом выпить всю воду. Модест Ильич в сердцах выругал Петра Ильича, а веселье продолжалось. Компания увеличилась, вместе с Модестом Ильичем пришел артист Ю. М. Юрьев. Вечер прошел очень оживленно, пили шампанское за успех пьесы Модеста Ильича, и разошлись поздно, около двух часов ночи. Я вернулся в корпус с большим опозданием.

Через день меня вызвали в приемную в неурочное время. Я увидел повара, работавшего у брата Владимира. Он мне сказал, что Петр Ильич сильно заболел, что уже с утра 21 числа он почувствовал себя плохо. Я страшно взволновался, жуткое слово «холера» мелькнуло у меня в мыслях. Пройдя прямо к директору, я рассказал о случившемся, и получил разрешение после занятий пойти в город.

Прибежав на Малую Морскую, я взбежал по лестнице с сильно бьющимся сердцем и позвонил. Открыл дверь Владимир Львович со словами: «Тебе нельзя, тебе нельзя. У дяди холера, и Базя запретил кого бы то ни было впускать». Я стал расспрашивать подробности. Оказалось, что на другой день после злополучного ужина у Лейнера, Петр Ильич почувствовал боли в животе. Сначала он не обратил особого внимания, так как всю жизнь страдал кишечником. Написав несколько писем, он собрался к Направнику, но вынужден был возвратиться, настолько плохо себя чувствовал. Модест Ильич, придя домой с репетиции своей пьесы, застал брата уже в очень плохом состоянии, и тотчас же послал за доктором Василием Бернардовичем Бертенсоном, нашим общим любимцем. Минут через двадцать Базя, как мы его называли, приехал. Дело было уже к вечеру. Не очень твердо, но все же он произнес страшное слово холера. Тут же он вызвал своего брата, Льва Бернардовича,

Модест Ильич Чайковский (фото 1915 года)

Похороны Петра Ильича Чайковского

знаменитого врача, подтвердившего диагноз. Итак, факт холеры не подлежал никакому сомнению.

Я спросил Боба, чем могу быть полезен. Он просил объездить родных и привезти простынь, так как их постоянно приходилось менять, и в доме их не хватало. Я бросился собирать простыни и через два часа привез их целый ворох. Узнав, для кого и зачем они нужны, все охотно отдавали столько простынь, сколько имели. На другой день я опять отпросился из корпуса, и опять разговаривал с братом Владимиром, но вести были неутешительные. Когда же сведения о болезни Петра Ильича проникли в печать и стало известно, что он болен холерой, начальство перестало пускать меня в город, боясь заразы. Поэтому сведения я получал через братьев Литке.

Весть о смерти Петра Ильича, как громом, поразила меня. Я упросил, чтобы меня все же отпустили. Видя мое отчаяние, мне разрешили идти, взяв с меня слово, что в квартиру, в которой еще лежал Петр Ильич, я не войду. Я дал слово, как это ни было тяжело для меня, и побежал прямо туда... Но в квартиру никого не впускали, кроме причта, который служил панихиду. Брат Владимир вышел на лестницу и мы, усевшись на ступеньках, долго говорили с ним. Выходил раза два дядя Модест. Боб рассказал во всех подробностях весь ход болезни и поражался терпению дяди Пети. Он часто впадал в забытие, а в бреду вспоминал всех наших — мать и отца, своих родителей и других близких родных. Очень часто у него на устах было имя Надежды Филаретовны фон Мекк и имена коллег по искусству. Когда же он приходил в себя, то больше благодарил за уход и внимание и особенно жалел всех, кто не отходил от его постели; благодарил Бертенсона, говоря, что ему страшно жить хочется, что он теперь наметил большую программу ближайших работ. У Петра Ильича началось осложнение в почках и его очень слабое сердце, переутомленное борьбой с холерой, не вынесло новой тяжелой болезни. В последнюю минуту он несколько раз поминал «проклятую курноску» (так он называл смерть), гнал ее от себя и слал ей проклятья. С этими словами он скончался.

Мы с братом долго сидели, как в каком-то бреду, угнетенные и подавленные⁹³.

Почтить память Петра Ильича собралась немалая толпа. Придя на вынос тела за час до назначенного срока, я с

большим трудом пробрался по улице, а потом и по лестнице. Всевозможным депутациям не было конца. Так в квартиру я и не попал, а меня, как потом оказалось, ждали, правда, недолго. Затертый толпой на лестнице, я там дождался гроба, и на площадке третьего этажа подставил свое плечо вместо Модеста Ильича, шедшего в паре с братом Бобом. Перед выходом на улицу неведомый мне почтенный, с сильной проседью человек со слезами на глазах стал умолять меня уступить ему место. Он молил так слезно, столько страдания излучалось всем его существом, что я уступил.

Потом мне сказали, что это был один из оркестрантов. Кто еще нес гроб — не помню, не до них было мне...

Поставив гроб на катафалк, запряженный шестеркой, сопровождаемый учениками Училища правоведения, мы еще долго стояли, пока депутации не вытянулись впереди духовенства. Непосредственно перед духовенством шествовала часть оперного хора, хор учеников консерватории, и еще два или три хора. Траурный кортеж прошел по Малой Морской до Исакиевского собора, где была отслужена панихида, а потом по Большой Морской двинулся к Мариинскому театру. Там мы долго простояли из-за произносимых речей, литии духовенства. Затем кортеж опять направился по Большой Морской на Невский, в Казанский собор, где состоялось отпевание. Пели два хора — оперы и Придворной капеллы, служил архиепископ и знаменитый в те времена протодиакон Исакиевского собора Малинин. Служба длилась бесконечно долго, и в соборе стало душно и жарко. Я сделал попытку выйти, но это оказалось совершенно невозможно из-за толпы, не вмещавшейся в соборе и окружавшей его плотной стеной. Гроб утопал в венках, цветах и букетах. Один венок громадных размеров весь сплошь из незабудок невольно бросался всем в глаза. Оказалось, что венок прислан женой Петра Ильича, с которой он уже 16 лет не имел общения. Конечно, певчие исполнили обедню Чайковского. Дивно пели соединенные хоры оперного театра и капеллы. Когда стали выносить гроб на Казанскую улицу, публика опрокинула легкие деревянные решетки, отделявшие их от групп официальных депутаций, и хлынула к выходу. Народ тесно стоял вдоль улиц, и по мере продвижения печальной колесницы следовал за ней. Это представляло грандиозную картину. Когда катафалк поравнялся со зданием Публичной библиотеки, вдруг раздался голос: «Вот незабвенного везут». Голос звучал сверху — в амбразуре углового окна

стояли на подоконнике несколько рабочих. Толпа неуклонно росла, а стоявшие по сторонам зрители наполняли панели до такой степени, что не было возможности по ним продвигаться. В четвертом часу кортеж достиг Александроневской лавры, и катафалк остановился перед воротами монастыря, торжественно встреченный митрополитом и всем монастырским духовенством. Гроб на руках артистов оперы и оркестра был перенесен на место последнего упокоения. Эта скорбная минута до сих пор остается в моей памяти во всей своей остроте. В этот момент мир расставался с величайшим композитором, мы же, близкие ему и родные, теряли обожаемого дядю Петю, так страшившегося смерти, и до последней минуты гнавшего ее от себя, дядю Петю, такого чуткого и скромного, при всем блеске окружавшей его славы.

В первую годовщину смерти Петра Ильича Модест Ильич и брат Владимир Львович устроили концерт в память Петра Ильича, в который была включена Шестая симфония. Долго обсуждали, кого пригласить дирижировать. Долго колебались между Направником и Василием Ильичем Сафоновым, но в конечном результате, чтобы не обидеть ни одного из этих маститых музыкантов и друзей Петра Ильича, талантливейших дирижеров, решили пригласить гремевшего громкой славой в Европе дирижера Лейпцигского оркестра Артура Никиша. Он изумительно провел концерт 25 октября 1894 года. В его исполнении Шестая симфония обрела новое толкование, воскресившее в моей памяти последний концерт под управлением Петра Ильича.

Скончался гениальный композитор, но творчество его живет и будет жить в веках. Популярность произведений Чайковского не меркнет, а все ширится, и сегодня они проникли в самые глухие уголки всего земного шара. Но мне хочется, чтобы и память об этом изумительном человеке сохранилась так же ярко, как и его творчество. Безграничная любовь к родине, доброта, отзывчивость, жизнерадостность и любовь к труду были основными чертами его характера. Он говорил, что счастье можно обрести на земле только в упорном труде, и он всей жизнью доказал это.

Чайковский при жизни познал свою славу и, несмотря на это, оставался до последних дней взыскательным к самому себе, простым и скромным.

Мечта Петра Ильича ясно выражена им в словах: «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору». И мы можем твердо, убежденно ответить ему: «Твоя мечта сбылась. Твоя музыка стала широко популярной и любимой не только в нашем великом Советском Союзе, но и во всем мире».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1792 году Н. Н. Раевский в чине полковника участвовал в бою, в котором у деревни Городище на Украине был разбит польский отряд под командованием Ю. Понятовского, польского политического и военного деятеля (1762—1813). В этом бою Раевский заслужил свою первую боевую награду — орден св. Георгия 4-й степени.

В 1796 году Россией был предпринят так называемый Персидский поход. 10 мая * русские войска заняли крепость Дербент, 15 июня — крепости Кубу и Баку, 21 вышли к слиянию Куры и Аракса. В этом походе Раевский командовал Нижегородским драгунским полком и участвовал во взятии Дербента.

18 ноября 1806 года Александр I объявил войну Франции. Военные действия происходили на территории Восточной Пруссии. Раевский, с конца 1801 года находившийся в отставке, вновь возвратился в армию в апреле 1807 года и в чине генерал-майора командовал егерской бригадой в сражениях под Гутштадтом, Деппеном, Гейльсбергом, Фридландом.

В русско-шведской войне (1808—1809) Раевский командовал корпусом, и за отличие его произвели в чин генерал-лейтенанта. В русско-турецкой войне он участвовал в 1810 году, также командуя корпусом. За взятие крепости Силистрия (30 мая 1810 г.) Раевский был награжден золотой шпагой с бриллиантами.

В «битве двенадцати языков» — сражении под Бородиным Раевский командовал 7-м корпусом и прославился геройской защитой центрального редута. Его наградили за это орденом Александра Невского с алмазными знаками.

² Дашковка — местечко бывшего Старобыховского уезда Могилевской губернии. 11 июля 1812 года корпус под командованием Н. Н. Раевского сражался здесь с французскими войсками во главе с маршалами Даву и Мортье. Героический поступок Раевского, взявшего в бой своих сыновей, получил широкую известность. Он отражен в мемуарной литературе, воспет поэтами. Так например, В. А. Жуковский в стихах «Певец во стане русских воинов», написанных им «после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине, находясь в Московском ополчении», посвящает герою следующие строки:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

(В. А. Жуковский. Сочинения. М., 1954, стр. 42.)

* Даты всюду приведены по старому стилю.

Довольно популярный в те годы писатель Н. Д. Иванчин-Писарев отметил этот поступок в «Надписи к портрету генерала Раевского»:

О тень Пожарского! тень Минина святая!
Возрадуйтесь! се ваш потомок, наш Герой!
Детей не заложил, Отечество спасая;
Нет, — он на верну смерть повел их за собой.
(„Вестник Европы“. 1818, ч. 100, № 14, стр. 94.)

Можно было бы привести еще целый ряд стихотворений, прославляющих героизм Раевского. Самыми замечательными строками мы обязаны А. С. Пушкину:

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, как верный свет надежд.

Пушк и н. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1937,
стр. 92. Посвящение к „Кавказскому пленнику“.

³ Русские войска вели бои под стенами Парижа 30 марта 1814 года. На следующий день они вступили в столицу Франции.

⁴ Штаалмейстер — начальник конюшни (нем.) — один из придворных чинов.

⁵ Письмо Н. Н. Раевского к графу А. И. Самойлову от 5 июля 1812 года из Бобруйска (Архив Раевских, т. I, СПб, 1908, стр. 154).

⁶ Очаков был взят русскими войсками 6 декабря 1788 года, Измаил — 11 декабря 1790 года.

⁷ Имеется в виду Тильзитский мирный договор и союзный договор между Францией и Россией, ратифицированный 9 июля 1807 года. Манифест о прекращении войны России с Францией был выпущен 9 августа того же года.

⁸ Сражение под Бородиным происходило 26 августа 1812 года. Об участии Д. В. Давыдова и А. П. Ермолова в Отечественной войне можно прочесть в их мемуарах (Денис Давыдов. Военные записки. ГИХЛ, М., 1940; «Записки Алексея Петровича Ермолова». М., 1863).

⁹ Русские войска вели бои под Люценом 2 мая, под Бауценом 20 мая, под Кульмом 18 августа 1813 года. За бои под Кульмом Преображенский и Семеновский полки получили Георгиевские знамена. Сражение под Дрезденом произошло 27 августа того же года.

¹⁰ Под Лейпцигом союзная армия вела бои с армией Наполеона с 16 по 20 октября 1813 года. С обеих сторон участвовало около 400 тысяч человек. Решающая битва произошла 18 октября. Французская армия была полностью разгромлена; ее отступление превратилось в беспорядочное бегство.

¹¹ Союзные войска вели бои под Сезаном 10 февраля, под Вошаном 14 февраля 1814 года.

¹² Первое тайное общество было организовано в Петербурге в 1816 году (так называемый «Союз спасения»). Основателем его явился полковник Генерального штаба Александр Муравьев, членами были Сергей Трубецкой, Сергей Муравьев-Апостол, его брат Матвей,

Никита Муравьев и другие — всего около 30 человек. Видную роль в деятельности общества играл П. И. Пестель. Через два года организовалось второе общество — «Союз благоденствия» — насчитывавшее около 200 членов. В. Л. Давыдов вступил в этот Союз в 1819 году.

В январе 1821 года в Москве на съезде Коренной управы «Союза благоденствия» было объявлено о роспуске Союза. Это обеспечило отсев ненадежных членов. Здесь же общество подверглось реорганизации. Намечалось создание четырех отделений: в Петербурге, Москве, Тульчине и Смоленске. П. И. Пестель, возглавлявший Тульчинскую управу «Союза благоденствия», не принял самороспуска организации, считая съезд непредставительным, и совместно с другими членами Тульчинской управы приступил к созданию Южного общества. По словам Пестеля, «Тульчинская управа решила продолжать Союз благоденствия» (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. Изд. АН СССР. М., 1955, стр. 335).

¹³ «Перводоноитель», по делу декабристов И. В. Шервуд был сыном механика англичанина, приглашенного по повелению Павла I на Александровскую мануфактуру в 1800 году. В 1819 году Шервуд поступил рядовым в 3-й Украинский уланский полк, и в том же году его произвели в унтер-офицеры. Общась с членами Южного общества, он собрал сведения об этой тайной организации и летом 1825 года обратился к лейб-медику Виллье с анонимным письмом, которое просил передать Александру I. Он сообщал, что ему известна тайна государственной важности и предлагал вызвать его на доклад в Петербург. В июне месяце «вездесущий» Аракчеев вызвал Шервуда на личный доклад к императору. Тогда же Шервуд предложил уволиться из полка в годичный отпуск под каким-нибудь предлогом, чтобы иметь возможность свободно, ничем не отвлекаясь, следить за участниками заговора. В последующие месяцы Шервуд собирал письменные документы о деятельности общества и отправлял свои донесения в Петербург к Аракчееву.

Кроме Шервуда, орудовали другие доносчики. По заданию начальника военных поселений И. О. Витта в Каменскую управу проник шпион А. К. Бошняк (см. «Красный архив», т. II [девятый], 1925, стр. 195—225). Помимо него, действовал капитан А. Майборода (см. «Восстание декабристов». Материалы, т. IV. М.—Л., 1927, стр. 8—28).

О Шервуде пишет в своих мемуарах декабрист С. Г. Волконский (Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб, 1902, стр. 425—427). «Шервуд был также агент Витта, и вот что я знаю о личности его и действиях. В чужих краях была напечатана книжонка, под заглавием «Шервуд» *...

Все, что он высказывал о сборе в Каменке у Василия Давыдова, о случайности, доставившей ему возможность подслушать тайные совещания присутствующих в съезде членов ... есть чистый вымысел...

Его присутствие в Каменке объясняется просто тем, что Александр Львович Давыдов употреблял его, как большого обжору, на посылки в Крым для привоза устриц, так как он был рекомендован полковым своим командиром, полковником Гревсом, командующим 3-м Украинским полком, в соседстве Каменки расположенным. В этих поездках Шервуд зарабатывал себе копейку. Как сметливая особа, он кое-что угадывал, может быть, и от Витта имел поручение кое за

* Возможно, речь идет о книжке «Шервуд» (из записок генерал-майора Б. П.). Берлин, 1860. на русском языке (Прим. ред.).

чем следить, и с этими догадками, употребляемый как сыщик по разным предметам ловким Виттом, был послан в Харьков, чтоб кое-что узнать о распространенном слухе о каких-то замыслах в пользу Греческой империи, т. е. о тайном сообществе в пользу греческого восстания, в замыслах которого участвовал некий граф Булгари. Не знаю, открыл ли он что по этому делу, но поездка его в Харьков дала ему случай познакомиться и сблизиться с Федором Федоровичем Вадковским, членом нашего общества, молодым человеком, пылким, умным, но слишком доверчивым. Вадковский был переведен из кавалергардского полка в армейский, Нежинский, сколько упомяну, драгунский полк за смелые разговоры и, кажется, за распространение стихотворений, имеющих целью осуждение правительства и государя, и этим переводом был ожесточен.

Шервуд сумел вкратце в его доверие, как тонкий лазутчик; имея некоторые догадки о происходящих довольно редко, не более раза в год, на именины старухи Давыдовой, в Екатеринин день, съездах членов тайного общества в Каменке, он объявил Вадковскому, что он член общества, а тот, по доверчивости, поверил ему и вошел с ним в короткое знакомство; от него Шервуд узнал подробности о тайном обществе; Вадковский сообщил даже ему, что устав общества и список членов хранятся у него в потаенном ящичке, в футляре его скрипки; и со всеми этими изменнически добытыми данными Шервуд возвратился к Витту. Вот совестливый отчет о Шервуде, так ловко искаженный в печатных записках о нем, в чем не виню автора, писавшего со слов Шервуда и не имевшего ни случая, ни средств проверить его рассказ.

Я здесь так подробно все высказал о Шервуде и Вадковском потому, что вследствие доноса Шервуда, Вадковский был, до смерти еще императора Александра, арестован и препровожден в Шлиссельбургскую крепость по распоряжению Аракчеева, и, таким образом, еще ранее доноса Майбороды уже было много подробных данных для раскрытия тайного общества и всех действий его».

¹⁴ На съезде Южного общества в январе 1823 года были созданы Васильковская и Каменская управы. Василий Львович Давыдов (совместно с С. Г. Волконским) возглавил Каменскую управу (см. «Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова». Неизданные письма с комментариями Н. К. Пиксанова. «Историк марксист», т. I, 1926, стр. 175).

¹⁵ До ссылки в Сибирь у В. Л. Давыдова и А. И. Потаповой родились: Михаил (8 ноября 1820), Екатерина (20 декабря 1822), Елизавета (5 октября 1823), Петр (27 июня 1825), Николай (6 января 1826). В. Л. Давыдов венчался с А. И. Потаповой 3 мая 1825 года (Хронологическая канва рода Давыдовых. Рукописный отдел Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Фонд Давыдовых, № 88, п. II, № 25, № 44).

В. Л. Давыдов был обвинен в том, что «имел умысел на царевубийство и истребление императорской фамилии, о чем совещания происходили в его доме, участвовал в управлении тайного общества и старался распространять оное принятием членов и поручений, участвовал сочинением в предложениях об отторжении областей от империи и приготавливал к мятежу предложением одной артиллерийской роте быть готовой к действию». Приговор был объявлен 13 июня 1826 года. В. Л. Давыдова ожидала «смертная казнь отсечением головы». Она была заменена 20 годами каторжных работ. Давыдова отправили в Сибирь закованным в кандалы. Всего верховному уголовному

суду, учрежденному манифестом Николая I, было предано 121 человек. Пятерых казнили через повешение (П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский 13 июля 1826 года были казнены в кронверке Петропавловской крепости), 31 человека приговорили к бессрочной каторге, остальных — к различным срокам каторги, заключению в крепости и т. д.

¹⁶ Чита в то время представляла собой небольшое селение, в котором с XVIII века существовал казачий острог с двумя десятками жилых домов, с тремястами душ населения. В 1827 году на месте здания этапа силами ссыльных построили тюрьму, в которую В. Л. Давыдов был переведен из Благодатского рудника, находившегося в 12 верстах от Черчинского железодобывающего завода. В 1828 году, после того как декабрист И. И. Суханов пытался поднять восстание каторжан на Зерентуйском руднике, Николай I, опасаясь волнений, приказал собрать в одном месте всех сосланных в Сибирь декабристов. Для этого был выбран Петровский железодобывающий завод, построенный в 1789 году в шестистах верстах от Читы (Петровский завод в 1926 году переименован в город Петровск-Забайкальский). Тюрьму для декабристов начали строить в 1830 году, и осенью того же года их перевели из Читы «пешим ходом» в новое место заключения. Переход продолжался 48 дней.

¹⁷ В ссылке у Давыдовых родились: Александра (1828)*, Василий («Сибирский первенец», 1829) — в Чите; Александра (1831), Иван (1834), Лев (будущий муж Александры Ильиничны Чайковской — сестры композитора, 1837) — в Петровском заводе; Софья (1840), Вера (1843), Алексей (1847) — в Красноярске (Хронологическая канва рода Давыдовых. Рукописный отдел Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Фонд Давыдовых, № 88, п. II, № 25, № 44).

Не лишен интереса эпизод из воспоминаний жены декабриста Ивана Александровича Анненкова — Полины Анненковой. «16 марта 1829 года у меня родилась дочь, которую назвали в честь бабушки Анною, у Александры Григорьевны Муравьевой родилась Нонушка, у Давыдовой сын — Вака. Нас очень забавляло, как старик наш комендант был смущен, когда узнал, что мы беременны, а узнал он это из наших писем, так как был обязан читать их. Мы писали своим родным, что просим прислать белья для ожидаемых нами детей. Старик возвратил нам письма и потом пришел с объяснениями. «*Mais, mesdames, permettre moi de vous dire, —* говорил он запинаясь и в большом смущении, — *vous n'avez pas le droit d'être enceintes*», — потом прибавлял, желая успокоить нас: «*Quand vous serez accouchées, c'est autre chose*» («Но позвольте вам сказать, сударыни, что вы не имеете права быть беременными. Когда у вас начнутся роды, ну, тогда другое дело» [фр.]). (Воспоминания Полины Анненковой, второе издание. М., 1932, стр. 161).

¹⁸ В «Записках Сергея Григорьевича Волконского» (СПб, 1902, стр. 483—484) мы читаем: «В начале 1841 года, по почину графа Бенкендорфа, по случаю предстоявшего бракосочетания наследника цесаревича Александра Николаевича, последовала высочайшая воля о рассмотрении, в видах монаршего милосердия, вопроса «о детях, рожденных в Сибири от сосланных туда государственных преступников, вступивших в брак в дворянском состоянии до постановления о них приговора ... 1) Детей мужского пола, достигших возраста, в кото-

* Умерла во младенчестве.

рый они могут поступить в военно-учебные заведения, отдать, буде того пожелают родители, в кадетский корпус, с тем, что они утверждены будут в правах дворянства токмо по выпуске из корпуса, если заслужат сей милости нравственным поведением, хорошими правилами и успехами в науках. 2) Детей женского пола, равным образом, по желанию родителей и по достижении установленного возраста, отдать в учебные заведения, состоящие под надзором правительства и 3) Детям обоюго пола не позволять носить фамилии, коей невозвратно лишились их отцы, но именоваться по отчеству, т. е. Сергеевыми, Никитиными и Васильевыми...»

...одно из условий произвело не только на них (декабристов. — *Ред.*) и родственников, но и на всех лиц, узнавших о том в Сибири, удручающее впечатление, а именно: требование от детей их перемены фамилии.

В нем они видели желание уничтожить в последующих поколениях даже и эту связь с отцами и предками ... Решился принять сделанное предложение только поселенный в г. Красноярске В. Л. Давыдов, имевший, кроме четырех детей, оставленных в Петербурге, еще пятых, воспитание которых в Сибири встречало большие затруднения...»

¹⁹ В. Л. Давыдов скончался 25 октября 1855 года. Амнистия декабристам была объявлена 26 августа 1856 года. К этому времени в живых осталось только 10 участников декабристского движения. Более ста человек уже умерло.

²⁰ Петр Ильич Чайковский жил в Петербурге с августа месяца 1850 года, когда его мать Александра Андреевна привезла его из Алапаевска и определила в Училище правоведения.

²¹ Фастовская железная дорога была построена в 1876 году частными предпринимателями на правах концессии. Она проходила от Фастова (через Белую церковь, Корсунь, Смелу, Каменку) до Знаменки, соединяя магистрали Киев—Одесса и Харьков—Николаев. В 1896 году слилась с Юго-Западной железной дорогой.

²² Записные книжки 70-х годов, видимо, не сохранились. В архиве Государственного Дома-музея П. И. Чайковского в Клину находятся 18 записных книжек композитора. Самая ранняя из них относится к 1880 году. Наряду с набросками произведений, в этих книжках встречаются записи для памяти, адреса, денежные расчеты, пометки о движении поездов, дневниковые наброски и т. д.

²³ Вот что рассказывает П. И. Чайковский об Александре Ивановне Давыдовой в письме к Н. Ф. фон Мекк: «Память ее необыкновенно свежа, и рассказы о старине так и льются, а в молодости своей она здесь видела много интересных исторических людей. Не далее как сегодня она мне подробно рассказывала про жизнь Пушкина в Каменке. Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим, великолепным барским имением, с усадьбой на большую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д. Никаких следов от всего этого не осталось. Тем не менее, если что скрашивает безотрадно скучную и лишенную всяких прелестей Каменку, так это именно исторический интерес ее прошлого.» (Письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 19 апреля 1884 г.; П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, Academia, 1936, т. III, стр. 272.)

Историческое прошлое Каменки, жизненный уклад ее обитателей не раз воскрешали авторы мемуаров. В записках декабриста И. Д. Якушкина мы найдем яркое описание посещения им этого дома более чем за полвека до П. И. Чайковского: «Приехав в Каменку,

я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие. Василий Львович Давыдов, ревностный член Тайного общества, узнавши, что я от Орлова, принял меня более чем радушно. Он представил меня своей матери и своему брату генералу Раевскому как давнишнего короткого своего приятеля. С генералом был сын его, полковник Александр Раевский. Через полчаса я был тут как дома. Орлов, Охотников и я — мы пробыли у Давыдова целую неделю. Пушкин, приехавший из Кишинева, где в это время он был в изгнании, и полковник Раевский прогостили тут столько же. Мы всякий день обедали внизу у старушки-матери. После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать» (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 322).

²⁴ А. И. Давыдова достигла 82 лет в 1884 году. В этот год Чайковский приехал в Каменку 12 апреля и оставался там до 8 июня.

²⁵ Судьба архива, сохранявшегося А. В. Давыдовой, неизвестна. Дела декабристов, сосредоточенные в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве и Центральном военно-историческом архиве, состоят в подавляющей своей части из показаний декабристов на следствии. Это объясняется тем, что многие бумаги были уничтожены ими до ареста. Сообщение Ю. Л. Давыдова об архиве, хранившемся у потомков декабриста, представляет тем больший интерес, что в опубликованной литературе о декабристах не встречается сведений об их переписке на клочках белья и на кирпичках.

²⁶ М. И. Чайковский. Автобиография (Машинопись. Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. ДМ, инд. дм⁶, № 15, стр. 49—51).

²⁷ В 1866 году П. И. Чайковский вместе с братом Модестом по приглашению А. И. Давыдовой гостил на даче под Петергофом (ныне Петродворец) с конца мая до середины августа. В 1867 году с первых чисел июня до середины августа Чайковский с братом Анатолием проживал в семье Давыдовых в Гапсале (ныне Хаапсалу, Эст. ССР). Здесь он работал над созданием своей первой оперы «Воевода» (либретто А. Н. Островского и П. И. Чайковского по пьесе «Сон на Волге» А. Н. Островского). В начале августа 1868 года композитор вместе с братьями-близнецами провел с этой семьей около двух недель в Силламяэги (Эст. ССР).

²⁸ С 14 февраля 1885 года Чайковский обосновался в селе Майданове, неподалеку от г. Клина Московской губернии. В Каменке он бывал наездами.

²⁹ «Юдифь» — опера А. Н. Серова (1820—1871). Впервые поставлена на сцене Мариинского театра в Петербурге 16 мая 1863 года. Кантата «К радости» (музыка к гимну Ф. Шиллера в переводе К. С. Аксакова и др.) для солистов, хора и симфонического оркестра — дипломная работа П. И. Чайковского. Кантата сочинена в сентябре-декабре 1865 года к выпускному экзамену по заданию А. Г. Рубинштейна. Впервые она прозвучала на публичном экзамене в Петербургской консерватории 29 декабря 1865 года.

³⁰ Письмо от 29 января 1866 года. Автограф в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 836. Отрывок из письма публикуется впервые.

³¹ Письмо от 30 августа 1866 года. Автограф в Государственном

доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 838. Отрывок из письма публикуется впервые.

³² Рукопись хора пока не обнаружена. Этот эпизод описан также в воспоминаниях А. Л. Давыдовой (Мекк). (Стенограмма беседы родственников и знакомых Чайковского с сотрудниками Дома-музея и музыковедами, работающими над изучением жизни и творчества П. И. Чайковского 18 мая 1940 года. Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. ДМ, инд. дм², № 109, стр. 3).

³³ В литературе, посвященной истории создания творческого наследия П. И. Чайковского, сведения об одноактном балете, предшествовавшем известному нам «Лебединому озеру», чрезвычайно скудны. Помню воспоминаний Ю. Л. Давыдова, данные об одноактном балете на сюжет «Лебединого озера» содержатся в книге «Чайковский и балетный театр его времени». Автор ее Ю. Слонимский приводит воспоминания старшей сестры Ю. Л. Давыдова — А. Л. Давыдовой (Мекк). По ее словам, П. И. Чайковский очень любил устраивать домашние спектакли. «Первая постановка, — пишет она, — которая была даже почти на моей памяти, это было «Лебединое озеро». Моя сестра* участвовала, ей было лет шесть, дядюшка мой Модест Ильич исполнял роль принца. Я же изображала Купидона... Потом довольно долго оставались великолепные деревянные лебеди, на которых мы качались. Декорации были написаны дядей Давыдовым В. В. Это было очень давно, вероятно в 1867 году» (Ю. Слонимский. П. И. Чайковский и балетный театр его времени. М., 1956, стр. 89; Воспоминания А. Л. Давыдовой (Мекк). Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки. Общий фонд, № 1074).

Сходные сведения можно найти в стенограмме беседы сотрудников Калининского дома-музея с А. Л. Давыдовой (Мекк), состоявшейся в связи со столетием со дня рождения П. И. Чайковского в 1940 году. Анна Львовна рассказывала тогда: «Я помню дядю Петю очень давно. Когда он появился в нашей жизни, мне было три года**. Дядя Петя ставил «Лебединое озеро». Я исполняла роль Купидона. Я запомнила это потому, что мне неудобно было висеть. После этого долго оставались лебеди, сделанные нашим столяром и выкрашенные в чудный белый цвет, с которыми мы играли. Музыки я не помню» (Стенограмма беседы родственников и знакомых Чайковского с сотрудниками Дома-музея и музыковедами, работающими над изучением жизни и творчества П. И. Чайковского. Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. ДМ, инд. дм², № 109).

Ю. Л. Давыдов в своих воспоминаниях относит постановку в Каменке не к 1867, а к 1871 году. Несоответствие дат, приводимых Ю. Л. Давыдовым и А. Л. Давыдовой (Мекк), не привлекло внимания исследователей, хотя обе даты и попали в печать (см. упомянутую книгу Ю. Слонимского, а также «Дни и годы П. И. Чайковского». М., 1940, стр. 75). Между тем обе даты вызывают сомнение: вряд ли до создания известного нам балета могла существовать детская одноактная редакция этого сочинения. Отметим, что в 1867 году А. Л. Давыдовой (Мекк) было всего лишь три года, воспоминания же были написаны ею более чем через 70 лет, а Ю. Л. Давыдов о каменском спектакле повествует со слов старших (он родился в 1876 году).

* Татьяна Львовна Давыдова (род. в 1861 г.).

** А. Л. Давыдова (Мекк) родилась в 1864 году.

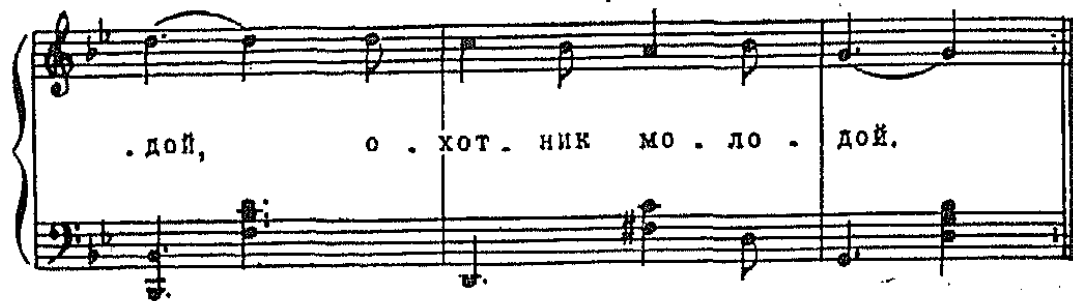
Скорее всего можно было бы предположить, что постановка одноактного спектакля на музыку «Лебединого озера» была осуществлена в Каменке во время или после создания Чайковским балета, до сих пор идущего на сценах многих театров*. Впервые сам композитор упоминает об этом балете в 1875 году, сообщая С. И. Танееву о том, что уже сочинил два акта (см. письмо П. И. Чайковского к С. И. Танееву от 14 августа 1875 г.; П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. Госкультпросветиздат. М., 1951, стр. 5—6).

О каменских постановках во второй половине 70-х годов можно почерпнуть интересные сведения в книге А. Н. Глумова. «Ради ощущения истинного существа театра, реалистических основ исполнительства он (Чайковский.—Ред.) охотно принимал участие в домашних спектаклях, из года в год ставившихся молодежью семейства Давыдовых в Каменке, причем Петр Ильич участвовал уже не в качестве актера, а довольствовался ролью суфлера и попутно режиссера, увлекаясь этими своими занятиями до утомления. Так, в 1878 году была поставлена «Женитьба» Гоголя и сцены из мольеровского «Мизантропа», в 1879 году — водевиль «Беда от нежного сердца» и комедия Октава Фелье «Фея», для которой композитор (Чайковский.—Ред.) написал миниатюрную мелодичную «Колыбельную песню»**, сохранившуюся в Доме-музее П. И. Чайковского в копии, по-видимому, В. А. Давыдова:

* Известный нам балет «Лебединое озеро» сочинен и инструментован с начала августа 1875 по 10 апреля 1876 года. Композитор принялся за работу по заказу дирекции московского Большого театра. Точных документальных данных об авторе либретто пока не обнаружено. Предположительно ими были В. П. Бегичев или В. Ф. Гельцер, или и тот и другой в соавторстве (см. Ю. Слонимский. П. И. Чайковский и балетный театр его времени. М., 1956, стр. 85—95; «Музыкальное наследие Чайковского». Из истории его произведений. Изд. АН СССР, 1958, стр. 156—163).

** Октав Фелье в комедии «Фея», в примечании к своей «Балладе» («Колыбельной»), пишет о том, что в ее аккомпанементе первый голос должен вести гобой, имитирующий бретонский народный инструмент «бинну». К одному из изданий пьесы (*Oeuvres complètes d'Octave Feuillet. Paris, 1862*) автором приложена нотная запись народного напева, по-видимому, неизвестная Чайковскому. В стихах «Колыбельной» можно обнаружить поэтические образы, предвосхищающие темы «Лебединого озера» и «Манфреда». Сохранившаяся запись музыки Чайковского «Колыбельной» не подтекстована. Пьеса в Каменке исполнялась на французском языке (Прим. А. Глумова)

Он видит фею во сне.
 На юг летят журавли;
 Спит лес в закатном огне;
 Журчит фонтан вдали.

Мелькает в сне золотом
 Прозрачный, призрачный стан.
 Спи, крепким, юноша, сном.
 Журчи, журчи, фонтан.

В 1880 году молодежью исполнялись также комедии Мольера «Хоть тресни, а женись» и «Лакомый кусочек» (А. Глумов. Музыка в русском драматическом театре. М., 1955, стр. 257—258).

Не исключено, что среди этих постановок были и фрагменты из нового тогда балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». Такую постановку могли иметь в виду А. Л. Давыдова (Мекк) и Ю. Л. Давыдов, говоря о детском одноактном спектакле на этот сюжет.

Примечательно, однако, что некоторые старшие родственники автора мемуаров не помнили этого спектакля. Например Модест Ильич, якобы исполнявший, по утверждению А. Л. Давыдовой (Мекк), роль принца в одноактном балете, почему-то забыл отметить это событие в трехтомной биографии композитора.

³⁴ Вторая симфония c-moll op. 17 сочинена в июне-августе 1872 года в Каменке и Усове. Инструментовка ее была окончена в начале ноября того же года в Москве. Первое исполнение симфонии состоялось в Москве 26 января 1873 года под управлением Н. Г. Рубинштейна. 13 февраля композитор писал брату Модесту Ильичу: «О моей симфонии ты, вероятно, знаешь из газет; прибавлю от себя, что она имела большой успех, и в особенности «Журавель» заслужил самые лестные отзывы. Честь этого успеха я приписываю не себе, а настоящему композитору означенного произведения — Петру Герасимовичу, который, в то время как я сочинял и наигрывал «Журавля», постоянно подходил и подпевал мне...» (П. И. Чайковский. Письма к близким. Избранное. М., 1955, стр. 80—81).

³⁵ Композитор был вторым сыном от второго брака Ильи Петровича Чайковского.

³⁶ М. И. Чайковский сообщает композитору, жившему в то время во Флоренции, что послал ему на выбор два текста: аллегоррию Г. Р. Державина и пастораль П. М. Карбанова в собственной (М. И. Чайковского) переделке (письмо от 29 января 1890 г. Автограф в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 5507. Отрывок из письма опубликован. См. «Музыкальное наследие Чайковского». Изд. АН СССР, 1958, стр. 92*.

То же пишет он в биографии своего брата: «Для интермедии я послал П. И. на выбор две вещи: 1) Представление на празднование дня рождения князя Вяземского Г. Державина и 2) Пастораль Карбанова «Искренность пастушки» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 350). На это письмо композитор ответил брату: «Выбрал я пастораль... Вышло, мне кажется, очень в стиле того времени и очень коротко и интересно» (13 февраля 1890 г. П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, стр. 433). Об этой же пасторали композитор писал К. К. Романову 3 августа 1890 года: «Текст этого хора принадлежит перу мало известного писателя прошлого века, Карбанова, специальность коего была сочинять тексты приветственных и всяческих кантат на празднествах вельмож Екатерины. Исполнение этой кантаты у меня в опере весьма реально, ибо стихи были сочинены, положены на музыку и спеты певчими на домашнем празднестве у Нарышкина» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 384).

³⁷ Письмо А. И. Давыдовой к П. И. Чайковскому от 3 января 1872 года (Автограф в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 845).

³⁸ Партию балета переключивали для фортепьяно независимо друг от друга С. И. Танеев и Э. Л. Лангер. П. И. Чайковский сообщал Танееву: «Представь себе, что я разом делаю: 1) все три корректуры оркестровой партитуры оперы [«Иоланта»] и балета; 2) поправляю и корректирую скверное лангеровское двухручное переложение; 3) делаю облегченное переложение балета; 4) корректирую твоё балетное переложение» (Письмо П. И. Чайковского к С. И. Танееву от 11 августа 1892 г. П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. М., 1951, стр. 187). О своей работе композитор писал и племяннику Владимиру Львовичу Давыдову: «...делаю переложение облегченное балета для фортепьяно. Эта последняя работа просто изводила бы меня, если бы я постоянно не воображал, что ты будешь ее играть, и я стараюсь, чтобы тебе полегче было» (Письмо П. И. Чайковского к В. Л. Давыдову от 12 августа 1892 года. «Дни и годы П. И. Чайковского». М.—Л., 1940, стр. 556).

³⁹ В. Л. Давыдов застрелился в 1906 году.

⁴⁰ 6 июля 1877 года П. И. Чайковский женился на Антонине Ивановне Милюковой, дочери мелкопоместного дворянина Клинского уезда Московской губернии. Некоторое время она училась в консерватории по классу фортепьяно. Бракосочетание состоялось в церкви св. Георгия на Малой Никитской в Москве. В тот же день молодые уехали в Петербург. 20 июля композитор писал сестре: «Я провел

* В приведенном издании номер хранения автографа указан ошибочно 5512 вместо 5507.

теперь три дня в деревне у ее матери и убедился, что все то, что мне в жене не совсем нравится, происходит от того, что она принадлежит к очень странному семейству, где мать всегда враждовала с отцом, и теперь, после его смерти, не стыдится всячески поносить его, где эта же мать ненавидит!!! некоторых из своих детей, где сестры друг с другом пикируются, где единственный сын в ссоре с матерью и со всеми сестрами и т. д. и т. д. Ух, какое несимпатичное семейство! Но я имею все данные надеяться, что жена моя скоро сбросит с себя все, что вкоренилось в нее вследствие дурной семейной обстановки...» (Письмо П. И. Чайковского к А. И. Давыдовой от 20 июля 1877 года. Автограф в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Отдел рукописей, фонд № 834, № 17, л. 28—28 об.).

К сожалению, надежды Петра Ильича не оправдались. Не прошло и двух месяцев, как его охватывает полнейшее отчаяние. «Смерть есть действительно величайшее из благ, и я призываю ее всеми силами души. Чтобы дать Вам понять, что я испытываю, достаточно сказать, что единственная мысль моя — найти возможность убежать куда-нибудь. А как и куда? Это невозможно, невозможно, невозможно!» (Письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 12 сентября 1877 г. П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. I. Academia, 1934, стр. 45—46).

Совместная жизнь П. И. Чайковского с А. И. Милюковой оказалась совершенно невозможной, и они разъехались. В письме от 25 октября 1877 года, адресованном из Клара (Швейцария) к Надежде Филаретовне фон Мекк, он подробно описал свои взаимоотношения с женой, ее внешность, ее внутренний мир. «...Приступая к изображению ее нравственной и умственной стороны, я встречаю непреодолимое затруднение... Она ни единого раза не обнаружила ни малейшего желания узнать, что я делаю, в чем состоят мои занятия, какие мои планы, что я читаю, что люблю в умственной и художественной сфере... очень порядочная музыкантша... она не знала ни единой ноты из моих сочинений...» (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. I, стр. 56).

Вторая половина 1877 года, пожалуй, самая тяжелая полоса в жизни П. И. Чайковского. Тогда он на время потерял драгоценнейшее для него условие творчества — спокойствие духа. «Без работы жизнь для меня не имеет смысла. А работать, имея рядом с собой человека, столь близкого по внешности и столь чуждого по внутренним отношениям, было невозможно», — пишет он Н. Ф. фон Мекк 20 октября 1877 года (там же, стр. 54). Характернейшее для Чайковского признание: жизнь без работы не имеет для него смысла! Именно эта мысль находит свое завершенное выражение в письме к одному из самых близких ему людей, пожалуй, даже самому близкому человеку, которому он с юных лет привык раскрывать свое сердце до конца, в письме к сестре А. И. Давыдовой. «Я чувствую в себе большую художественную силу. Я еще не сделал и десятой доли того, что могу сделать. И я хочу всеми силами души все это сделать. Между тем я не могу теперь работать. Взгляни, пожалуйста, на мою историю с А[нтониной] И[вановной] с этой стороны... Нужно дать мне возможность сделать все то, на что я призван» (Письмо П. И. Чайковского к А. И. Давыдовой от 12 ноября 1877 г. П. И. Чайковский. Полное собрание сочинений, т. VI, Музгиз, М., 1961, стр. 234).

⁴¹ П. И. Чайковский пробыл за границей с начала октября 1877 года до 11 апреля 1878 года (Берлин, Женева, Клара, Париж, Фло-

ренция, Рим, Венеция, Вена, Милан, Генуя, Сан-Ремо, Ницца, Монако, Пиза, Лозанна). Весной он вновь приехал в Каменку и прожил в этих местах все лето до конца августа.

⁴² В 1877 году П. И. Чайковский дважды посетил Браилов и жил там с 17 по 30 мая и с 11 по 17 (?) августа.

⁴³ В письме из Браилова от 17 мая 1878 года к М. И. Чайковскому композитор подробно рассказывает о своем пребывании в имении фон Мекк (см. П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, стр. 164—166).

⁴⁴ Каноны, сочиненные П. И. Чайковским, не сохранились.

⁴⁵ Хор крестьян из первого действия оперы «Евгений Онегин».

Текст этого хора — народный. Многократно повторяющееся слово «вайну» — типа распространенных в русской народной песенности лишенных определенного смысла «припевок» — «люли-люли», «ай, дид-ладо» и т. п.

⁴⁶ Имеется в виду, очевидно, Русско-турецкая война 1877—1878 годов.

⁴⁷ Пятнадцать писем П. И. Чайковского к Н. А. Плеской за 1879—1893 годы изданы (см. П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. М., 1951, стр. 361—370).

⁴⁸ Сведения об этом сочинении П. И. Чайковского, кроме приводимых автором, пока не обнаружены. О нем ничего не сказано также и в справочных изданиях о наследии Чайковского.

⁴⁹ Обезболивающие средства при хирургических операциях стали применяться с середины 80-х годов прошлого века.

⁵⁰ В письме из Берлина П. И. Чайковский просил П. И. Юргенсона: «1). Потрудись отправить в Каменку... на имя священника Александра Тарновича мои: а) три скрипичные пьесы, б) Анданте Первого квартета, аранжированного Лаубом, и в) шесть легких пьес, преимущественно оперных фантазий, для скрипки... Цену нот запиши в мой счет...» (П. И. Чайковский. Переписка с П. И. Юргенсоном, т. II, М.—Л., 1952, стр. 3).

Местонахождение рукописи «Благообразный Иосиф» пока неизвестно. Об этом сочинении нет сведений и в наиболее полных справочных изданиях по творчеству Чайковского (см. «Дни и годы П. И. Чайковского». М., 1940; Г. Домбаев. Творчество Петра Ильича Чайковского в материалах и документах. М., 1958; «Музыкальное наследие Чайковского». Из истории его сочинений. Изд. АН СССР, 1958).

⁵¹ П. И. Чайковским написаны следующие произведения на духовные тексты: «Литургия св. Иоанна Златоуста», для хора без сопровождения (15 номеров, сочинены в Каменке и Браилове в мае-июле 1878 года); «Всенощное бдение» — опыт гармонизации богослужебных песнопений для смешанного хора без сопровождения (Каменка, май-июнь 1881 г.); «Девять духовно-музыкальных сочинений на посланный хор» (Берлин, Давос, Париж, ноябрь-декабрь 1884 г. и Майданово — апрель 1885 г.); «Ангел вопиаше», духовный хор для пения без сопровождения (Майданово, 1887 г.).

«...Мне хотелось бы хоть немножко содействовать к отрезвлению нашей церковной музыки, искаженной бездарными и пошлыми изданиями Капеллы», — писал П. И. Чайковский Э. Ф. Направнику 3 июля 1881 года. (Чайковский. Воспоминания и письма. Государственная Академическая филармония. Л., 1924, стр. 136). Но первые же попытки Чайковского «отрезвить» церковную музыку вызвали сильнейшее противодействие со стороны придворной капеллы,

пользовавшейся монопольным правом «поставлять» духовную музыку церкви. 30 апреля 1878 года композитор писал из Каменки Н. Ф. фон Мекк: «Известно ли Вам, что музыкально-церковное композиторство составляет монополию придворной певческой капеллы, что запрещено печатать и петь в церквях все, что не принадлежит к числу сочинений, напечатанных в изданиях капеллы, которая ревниво оберегает эту монополию и решительно не хочет допустить новых попыток писать на священные тексты?» (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. I, 1934, стр. 314).

Появление в печати духовных сочинений П. И. Чайковского вызвало протест со стороны директора придворной капеллы Н. И. Бахметьева. Против издателя П. И. Юргенсона было возбуждено судебное дело, и весь тираж литургии конфисковали. Издатель предъявил встречный иск к Бахметьеву и ведение процесса поручил Дмитрию Васильевичу Стасову — брату музыкального и художественного критика В. В. Стасова, — известному законоведу, одному из основателей Русского музыкального общества. Дело удалось выиграть, Д. В. Стасов добился решения суда в пользу издателя, но окончательная развязка конфликта наступила только в 1880 году. Кроме изданной П. И. Юргенсоном в 1879 году «Литургии Иоанна Златоуста», им были выпущены в свет «Всенощное бдение» (1882), «Девять духовно-музыкальных сочинений» (1885) и «Духовный хор» (1906).

Не только издание, но и исполнение духовных сочинений П. И. Чайковского вызывало резкий протест «князей» церкви. Об этом красноречиво говорит письмо преосвященного Амвросия, vicария московского, по поводу концерта 18 декабря 1880 года, в котором исполнялась обедня П. И. Чайковского (см. газету «Русь» от 3 января 1881 г., стр. 13—14). Особенно возмутило vicария то, что «священные песнопения переносят в публичную залу, и перед любителями музыки за деньги исполняют их».

⁵² «Энеида Виргилия, переложившая на малорусскую мову» И. П. Котляревского (1769—1838). Первые три песни напечатаны в 1798 году. Полное издание «Энеиды...» предпринято Волохиновым в 1842 году в Харькове.

⁵³ П. И. Чайковский жил в Каменке с 12 апреля по 8 июня 1884 года; с 29 октября по 10 ноября 1885 года; с 25 по 31 августа 1888 года; с 22 августа по 4 сентября 1889 года; с 15 по 30 августа 1890 года; с 23 декабря 1890 по 1 января 1891 года; с 20 по 27 августа и с 24 по 26 декабря 1891 года; с 26 по 30 января 1893 года (см. «Дни и годы П. И. Чайковского». М.—Л., 1940).

⁵⁴ Александра Ильинична Давыдова скончалась в Каменке 28 марта 1891 года. М. И. Чайковский, находившийся в то время в Париже, получил телеграмму о кончине сестры и поспешил к Петру Ильичу в Руан сообщить ему скорбную весть. Встретившись с братом, он, однако, передумал, не желая расстраивать его перед поездкой в США. Но П. И. Чайковский узнал о смерти сестры еще в Париже. «По дороге... я зашел в знакомый мне Cabinet de lecture в Passage de l'Orèga. Там, взявши «Новое время», я из последней страницы узнал, что Саша скончалась. Выбежал оттуда, как ужаленный», — писал композитор М. И. Чайковскому 5 апреля 1891 года, не предполагая, что Модесту Ильичу это уже было известно во время их встречи в Руане (П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, стр. 480). Только возвратившись в Петербург, М. И. Чайковский решил написать композитору: «Я приезжал в Руан, чтобы сообщить тебе грустную новость о кончине Саши, но, увидя твое на-

строение, мне так было жаль расстроить тебя, когда и без того ты такой нерадостный, одинокий, что после размышления во время моей прогулки по городу я решил дать тебе совершить путешествие туда (в США.— *Ред.*) в неведение нашего несчастья» (Письмо от 6 и 8 апреля 1891 г. П. И. Чайковский. Письма к близким, М., 1955, стр. 621).

⁵⁵ Екатерина Николаевна Ольховская (см. стр. 19 «Записок...» Ю. Л. Давыдова).

⁵⁶ Мать П. И. Чайковского скончалась в Петербурге от холеры 13 июня 1854 года.

⁵⁷ «...Я удивлен умом, тактом, добросовестностью и умелостью, которые он (Модест Ильич.— *Ред.*) прилагает к делу. Если я Модеста всегда очень любил, то теперь я, кроме того глубоко его уважаю. Привязанность, соединяющая учителя с учеником, необыкновенно трогательна...» — писал композитор Анатолию Ильичу из Виши 3 июля 1876 г. (П. Чайковский. Письма к близким, М., 1955, стр. 109).

⁵⁸ М. И. Чайковский с юношеских лет испытывал влечение к литературе. В биографии композитора он пишет, что когда узнал о работе своего брата над увертюрой «Ромео и Джульетта» (октябрь-ноябрь 1869 г.), то предложил ему свою программу. (См. М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. I, стр. 335.) П. И. Чайковский очень сочувственно относился к литературным влечениям своего младшего брата. Ничто не вдохновляло так Модеста Ильича, как поощрение композитора. «Серьезно, в тебе есть литературная жилка, и я был бы рад, если бы она забилась так сильно, что ты стал бы сочинителем. Авось либретто когда-нибудь порядочное будет, а то ищешь, ищешь — и ничего порядочного не добьешься» (письмо от 29 апреля 1874 г. Автограф в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Фонд Ч., № 41). М. И. Чайковский пробует свои силы в качестве рецензента музыкального отдела газеты «Голос» (Петербург). В последующие годы он написал для П. И. Чайковского программу симфонической картины «Гамлет» (1876) и сценарии для опер «Инесс де лас Сиеррас» (на сюжет Ш. Нодье, 1877 г.) и «Констанция»*.

Однако композитор отклонил замыслы М. П. Чайковского. К 80-м годам М. И. Чайковский окончательно уверился в своем призвании драматурга. На протяжении последующих 20 лет он создал десять пьес, семь из которых были поставлены на сценах театров и пользовались успехом, особенно «Симфония» и «Борцы». Интересен отзыв о первой из них А. П. Чехова. «Читал я «Симфонию» М. Чайковского. Мне понравилась. Получается по прочтении впечатление очень определенное. Пьеса должна иметь успех» (Письмо А. П. Чехова А. К. Плещееву от 15 февраля 1890 г.; А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. XV. М., 1949, стр. 17). Антон Павлович не замедлил обратиться с письмом и к автору пьесы, весьма положительно отзываясь о ней. «Дорогой Модест Ильич, Ваша «Симфония» мне очень понравилась, о сценических красотах пьесы я умею судить, только вернувшись из театра, а потому позвольте мне не говорить о них. Литературные же достоинства не подлежат ни малейшему сомнению. Это умная, интеллигентная пьеса, написанная отличным языком и дающая очень определенное впечатление. Несмотря на

* Этот замысел не нашел отражения в существующих печатных источниках.

то, что половина действующих лиц не кажется типичною, что фигуры вроде Милочки затронуты только чуть-чуть, быт рисуется ясно, и я, благодаря Вашей пьесе, имею теперь представление о среде, которой раньше не знал. Это полезная пьеса. Жалею, что я не критик, иначе бы я написал Вам длинное письмо и доказал бы, что Ваша пьеса хороша.

Вы, кажется, говорили, что Вашей пьесы не поймет публика, ибо пьеса рисует среду специальную. Читая пьесу, я, признаться, ожидал пересола, но, кроме «симфония», «опера», «мотивчик», ничего специального не обрел и посему позволю себе не разделять Ваших опасений...

Воображаю, как хорошо бы сошла Ваша «Симфония» у нас в Малом театре. У нас умеют разговаривать на сцене — это важно. Второй акт поставили бы чудно.

Простите, что пишу черт знает как, пятое через десятое. Не умею выражать свои мнения, хоть и называюсь литератором.

На Сахалин я еду в апреле. Если до этого времени будете в Москве, то убедительно прошу Вас пожаловать ко мне. Будьте здоровы и не забывайте Вашего почитателя...» (А. Чехов Там же. Стр. 17—18).

В пьесе «Борцы» в Александринском театре (Петербург) в главной роли выступала М. Г. Савина, в Малом театре в Москве ту же роль исполняла М. Н. Ермолова. П. А. Стрепетова включила заглавную роль в пьесе «Елизавета Николаевна» в число своих коронных ролей. (См. П. А. Стрепетова. Воспоминания и письма. Academia, 1934, стр. 50).

⁵⁹ М. И. Чайковский принялся за составление либретто оперы «Пиковая дама» в сентябре месяце 1887 года по предложению дирекции императорских театров для композитора Н. С. Кленовского. В середине ноября либретто было готово. (Письмо М. И. Чайковского к П. И. Чайковскому от 18 ноября 1887 г. Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, инд. а⁴, № 5437. «Музыкальное наследие Чайковского». Изд. АН СССР, 1958, стр. 89). В биографии композитора М. И. Чайковский пишет об этом: «Кленовский, очень талантливый композитор нескольких балетов московского Большого театра (ныне директор отд. муз. общ. в Тифлисе), обратился ко мне по рекомендации И. А. Всеволожского, с просьбой написать либретто на сюжет пушкинской «Пиковой дамы». Я написал две первые картины либретто для Кленовского и в письме к П. И. (Чайковскому.—Ред.) выражал сожаление, что пишу не для него...» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 238). В конце ноября 1887 года директор императорских театров И. А. Всеволожский обратился уже к Петру Ильичу с предложением взяться за создание оперы на сюжет «Пиковой дамы». Об этом мы узнаем из его письма композитору. «Не торопясь, напишете новую оперу, и я уверен, что в Ваших руках будет хорошая игра в козыри. Ваша Пиковая дама побьет «валетов», которые вредят Вам теперь» (Письмо от 26 ноября 1887 г. в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 476. Автограф на русском языке, но приведенная фраза написана по-французски и не без задней мысли: слово «валет» по-французски означает также «лакей». Отрывок из этого письма приведен в книге: «Музыкальное наследие Чайковского», изд. АН СССР, 1958, стр. 89—90, где, однако, ошибочно указано, что по-французски написано все это письмо).

Но Петр Ильич за оперу не принимался, ссылаясь на то, что

сюжет «Пиковой дамы» его не затрагивает. Он поверял либреттисту: «Извини, Модя, но я нисколько не сожалею, что не буду писать «Пиковой дамы». После неудачи «Чародейки» я хотел реванша и готов был броситься на всякий сюжет, и тогда мне завидно было, что не я пишу. Теперь же все это прошло, и, во-первых, летом я непременно буду писать симфонию, а оперу стану писать только, если случится сюжет, способный глубоко разогреть меня. Такой сюжет, как «Пиковая дама», меня не затрагивает...» (письмо от 28 марта 1888 г. П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, стр. 400).

После такого определенного отказа М. И. Чайковский решил не прерывать свою работу с Н. С. Кленовским, стремившимся закончить создание оперы в течение лета 1889 года. Однако, по невыясненным пока причинам, переписка Кленовского с либреттистом внезапно прервалась. Последнее сохранившееся письмо Кленовского к М. И. Чайковскому датировано 20 марта 1889 года. В нем композитор выражает твердое намерение «во что бы то ни стало за лето довести... до конца» всю работу над оперой. (Письмо Н. С. Кленовского М. И. Чайковскому от 20 марта 1889 г. в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. Б 10, № 2665; «Музыкальное наследие Чайковского». Изд. АН СССР, 1958, стр. 90—91). В ноябре месяце того же года дирекция императорских театров вновь обратилась к П. И. Чайковскому с предложением написать оперу на уже готовое либретто. Об этом мы можем прочесть в несколько более позднем письме композитора. «... И. А. Всеволожский усиленно стал просить меня заняться сочинением оперы на сюжет «Пиковой дамы». Либретто было уже прежде того сделано не кем иным, как моим братом Модестом, для некоего г. Кленовского, (который, однако ж, ничего не написал)» (письмо П. И. Чайковского к Ю. П. Шпажинской от 26 января 1890 г.; П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. 1951, стр. 355). Несомненно, композитора, как и прежде, живейшим образом уговаривал приняться за оперу и его брат-либреттист. Как видно, на этот раз сюжет произвел впечатление на Петра Ильича, и он приступил к работе со всей свойственной ему страстностью. «...Больше сил нет, я решил отказаться от всех зарубежных и здешних приглашений и уехать месяца на четыре куда-нибудь в Италию отдыхать и работать над будущей моей оперой», — писал он 17 декабря 1889 года Н. Ф. фон Мекк (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. III, 1936, стр. 589). Через два с половиной месяца опера была закончена в черновых эскизах. «Благодарю бога! Кончил сочинение оперы, начав 19 янв[аря] утром в 6^{1/2} часов, 3 марта» — читаем мы в одном из эскизных набросков оперы. Таким образом «Пиковая дама» — один из шедевров мировой оперной классики, — была создана за 44 дня (черновые наброски «Пиковой дамы» хранятся в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского) — отд. II, инд. а¹, № 30).

⁶⁰ Во втором номере журнала «Петербургская жизнь» 12 ноября 1892 года (стр. 16) было опубликовано интервью П. И. Чайковского. Он говорил, что мысль сочинить оперу «Юланта» возникла у него еще в 1883 году при чтении одноактной драмы датского писателя Генриха Герца в переводе Ф. Миллера «Дочь короля Рене». Вследствие различных причин ему тогда пришлось отложить осуществление этого замысла до 1891 года. (П. И. Чайковский. Музыкально-критические статьи. М., 1953, стр. 368). М. И. Чайковский в биографии композитора сообщает, что сюжет оперы Петр Ильич выбрал

сам, не имея еще либретто и не зная, удовлетворит ли оно его. (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 427). Но либретто, созданное М. И. Чайковским, нравилось композитору все больше. «...Скажи Модесту, что чем больше я углубляюсь в сочинение музыки к «Иоланте», тем более восхищаюсь качеством его либретто», — писал он В. Л. Давыдову из Клина 22 июля 1891 года. (П. И. Чайковский. Письма к близким. Избранное. М., 1955, стр. 497).

⁶¹ Первое упоминание о возможности использования «Гамлета» Шекспира в качестве сюжета можно найти в письме М. И. Чайковского, адресованном композитору в июле 1876 года. «Не хочешь ли Гамлета? Мне кажется, его прелестно можно было бы устроить в трех частях» (Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а 4, № 5088; «Музыкальное наследие Чайковского». Изд. АН СССР, 1958, стр. 301). П. И. Чайковский отверг этот сюжет, но на протяжении почти двенадцати последующих лет неоднократно возвращался к нему. В январе 1888 года композитор получил от своего друга, артиста французской драмы в Петербурге Л. Гитри, письмо с просьбой сочинить «если уж не увертюру, то хотя бы антракт к сцене из Гамлета» (письмо Л. Гитри к П. И. Чайковскому от 25 января 1888 г. Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 606. Автограф на французском языке. «Музыкальное наследие Чайковского». Изд. АН СССР, 1958, стр. 302). На этот раз сюжет «Гамлета» привлек композитора и, несмотря на то, что спектакль был отменен, Чайковский погрузился в работу. Первоначальные наброски увертюры сохранились в записной книжке, относящейся к началу 1888 года (Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 4). Черновую рукопись он закончил между 17 и 22 июня во Фроловском, инструментовку — там же 7 октября. Первые исполнения состоялись: в Петербурге — 12 ноября 1888 года, в Москве — 14 февраля 1893 года. В обоих случаях дирижировал автор (см. прим. 84).

⁶² Решающую роль в сохранении клинской квартиры композитора сыграл слуга П. И. Чайковского — Алексей Иванович Софронов. Уже через неделю после кончины композитора он, будучи в Клину, посетил владельца дома Сахарова и начал с ним переговоры о приобретении или, на худой конец, о долгосрочной аренде дома (письмо А. И. Софронова к М. И. Чайковскому от 31 октября 1893 г. в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. Б 10, № 5550). Переговоры велись два месяца. О всех подробностях этого дела слуга сообщал брату композитора в Петербург. Наконец, 3 января 1894 года, поздравляя М. И. Чайковского с Новым годом, он уведомил его о том, что ему (Софронову) удалось приобрести дом «со всем имуществом, кроме некоторых вещей» за 8500 рублей (Государственный Дом-музей П. И. Чайковского. Отд. II, гр. Б 10, № 5556). Новый владелец дома продолжал сдавать его в аренду уже М. И. Чайковскому, беря с него 50 рублей в месяц (письмо А. И. Софронова к М. И. Чайковскому от 12 января 1895 г. в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. Б 10, № 5560). Обстановка дома (движимое имущество) досталась А. И. Софронову по завещанию композитора, так что в его руках сосредоточилось почти все, относящееся к последним годам жизни П. И. Чайковского.

В 1897 году В. Л. Давыдов, унаследовавший от композитора его право на авторский гонорар, приобрел дом со всей обстановкой у

А. И. Софронова и тогда же начал возводить пристройку к дому, в которой и поселился в 1898 году со своим дядей Модестом Ильичем Чайковским.

С этого времени дом утратил свой первоначальный вид, хотя комнаты композитора и оставались без существенных изменений, в основном, сохраняя свой облик до наших дней. Интересны воспоминания Н. Д. Кашкина о посещении им квартиры П. И. Чайковского в 1895 году. «Взволнованный и с тяжелым, трепетным чувством вошел я в опустевшее жилище, но как-то сразу успокоился, увидев кругом себя знакомые вещи, знакомую обстановку. Мне стало казаться, что я бывал тут много раз, все знаю и даже чувствую как будто присутствие хозяина; я боялся горьких воспоминаний и вместо того ощутил какое-то чувство особенного удовольствия, точно после долгой разлуки увиделся с кем-то близким, дорогим...

Все в комнатах оставалось в том порядке, как было при покойном; шкафы с книгами, нотами, портреты на стенах, всякие мелкие вещи на письменном столе, не исключая и карт для пасьянса, все было на своих местах, недоставало только хозяина, но казалось, что он просто ушел на прогулку и вот-вот вернется...» (Н. Д. Кашкин. Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1954, стр. 185—186).

Приступая к созданию биографии своего брата, Модест Ильич Чайковский собрал множество документальных материалов, писем и т. д. Все это послужило фундаментом его монументального труда «Жизнь Петра Ильича Чайковского» (изданного П. И. Юргенсоном в 1900—1902 гг. в трех томах) и явилось основой будущего Архива музея. В настоящее время Государственный Дом-музей П. И. Чайковского сосредоточивает в своих фондах значительное количество рукописей композитора и фотокопий его автографов, хранящихся в других архивах. Здесь собраны также большие коллекции иконографических материалов, книжных и нотных изданий, фонограмм произведений Чайковского, материалов об исполнении его музыки и т. д.

⁶³ Письма П. И. Чайковского к А. П. Мерклинг опубликованы в книге П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. М., 1951, стр. 205—256. Автографы писем находятся в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского.

⁶⁴ Дуэт и следующий за ним квартет составляют первый номер в опере «Евгений Онегин». Автограф партитуры хранится в Государственном Центральном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки в Москве. В дуэте два куплета. О существовании первоначального варианта дуэта с тремя куплетами сведений, кроме приводимых автором, не обнаружено.

⁶⁵ Под диктовку Г. А. Лароша Чайковский записал его статью о Моцарте (см. письмо П. И. Чайковского к С. И. Танееву от 23 июля 1884 г. П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма. М., 1951, стр. 111). В дневнике № 6 П. И. Чайковского в заметках между 15 и 21 сентября 1887 года упоминается, что под его диктовку были записаны несколько статей, в частности, 20 сентября — статья «про Бородина» (Государственный Дом-музей П. И. Чайковского, отд. II, гр. А, инд. а², № 24; Дневники П. И. Чайковского. Москва — Петроград, 1923, стр. 179—180).

⁶⁶ П. И. Чайковский псежал в Лабынское, имение Н. Н. Фигнера в Тульской губернии, 6 июля 1890 года. Композитора сопровождал Н. Д. Кашкин, отметивший в своих мемуарах: «Мы провели там дня два (7 и 8 июля.—Ред.), немного рассматривали «Пиковую даму» (Н. Д. Кашкин. Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1954,

стр. 168). Уже в процессе создания оперы П. И. Чайковского волновала трудность исполнения партии Германа. Он просил либреттиста не забывать об этом. «Что бы выдумать, чтобы бедному Фигнеру дать роль не слишком непосильную? Семь картин, и он все время должен действовать! Подумай об этом... Боюсь, что просто не хватит сил у бедняги. Да не только Фигнер, но всякий артист будет приведен в страх и трепет, узнавши, что почти постоянно нужно быть на сцене и петь!» (Письмо П. И. Чайковского к М. И. Чайковскому от 6 февраля 1890 г.; П. Чайковский. Письма к близким, М., 1955, стр. 432—433).

Мысль о сочинении *brindisi* («Что наша жизнь...») была подана Н. Н. Фигнером. «Фигнер ... просит вставить после второй картины — бриндизи перед появлением Пиковой дамы. Мысль эта мне нравится», — сообщал композитору его брат-либреттист (Письмо М. И. Чайковского к П. И. Чайковскому от 8 февраля 1890 г. П. И. Чайковский. Письма к близким, М., 1955, стр. 615). В январе-феврале 1890 года М. И. Чайковский, создавая новый вариант того же либретто, часто советовался с будущим исполнителем роли Германа. «Относительно монолога Германа Фигнер просил сделать его так, чтобы ему можно было сосредоточить все внимание на игре, а не на пении; ему хотелось бы, чтобы все это было бы вроде *raglando* под аккомпанемент одного пения хора за сценой. При этом условии он говорит, что никакие дуэты и бриндизи потом ему не будут страшны», — передает он композитору в другом письме (15 февраля 1890 г. Там же, стр. 616).

Возвратившись во Фроловское из поездки в Лабынское, П. И. Чайковский писал о Фигнере: «Он в восторге от партии; говорит о ней со слезами на глазах, — хороший признак!.. Все его намерения вполне соответствуют моим желаниям (Разрядка наша. — *Ред.*). Одно меня огорчает: он требует транспонировки на целый тон *brindisi*, говоря совершенно основательно, что не может, не терзаясь страхом квакнуть, петь эту действительно слишком трудную на моей высоте вещь, в конце оперы. Нечего делать» (Письмо П. И. Чайковского к М. И. Чайковскому от 10 июля 1890 г. Там же, стр. 466). Композитор действительно транспонировал эту арию, понизив тональность на один тон, из *H-dur* в *A-dur*. Для этого он специально приезжал в Петербург, чтобы внести соответствующие изменения в партитуру (см. письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 30 июля 1890 г. П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. III, 1936, стр. 600). О транспонировке этой арии композитор сообщает также в нескольких письмах к Э. Ф. Направнику на протяжении августа-октября 1890 г. (Э. Ф. Направник. Автобиографические, творческие материалы, документы, письма. Л., 1959, стр. 158, 162, 170). 11 октября Направник ответил композитору, что Фигнер нашел возможным ограничиться транспонировкой арии только на полтона вниз, чем очень обрадовал Чайковского (Там же, стр. 170).

Не лишена интереса дальнейшая история поправок, внесенных в партию Германа самим Чайковским. Спустя двадцать с лишним лет после смерти композитора его брат-либреттист высказал мысль о том, что необязательно придерживаться этих изменений. Вот что писал он оперному режиссеру И. М. Лапичкому: «В партитуре («Пиковой дамы». — *Ред.*) есть многое, что Петр Ильич исправил в тексте только ради Фигнера, сообразуясь с особенностями его пения, и что для других певцов совсем не необходимо, а между тем вошло в канон всех

постановок «Пиковой дамы» (С. Ю. Левик. Записки оперного певца. Изд. «Искусство», 1955, стр. 372). В ошибочности утверждения М. И. Чайковского не трудно убедиться, если вспомнить, что именно писал композитор Э. Ф. Направнику об изменениях, которые он сделал для Фигнера. В частности, он сообщал дирижеру о своей поездке в Лабынское 5 августа 1890 года: «Был я у Фигнера и прошел с ним и с Медеей их партии. В некоторых местах (не помню каких) я сделал для него маленькие (разрядка наша.—Ред.) изменения. Одно из этих изменений — в дуэте, и нужно, чтобы Мравина знала его» (Э. Ф. Направник. Автобиографические материалы. Л., 1959, стр. 158). Стремясь к возможно большему удобству вокальных партий для исполнения, композитор вносил изменения в оперу не только сам, но в процессе разучивания «Пиковой дамы» в Мариинском театре предоставлял делать это Э. Ф. Направнику, безусловно доверяя его авторитету. Однако Чайковский, тем не менее, с величайшей щепетильностью относился даже к небольшим поправкам. «Прошу Вас переделывать неудобные тесситуры как в партии Германа, так и в других, сколько угодно» (письмо П. И. Чайковского к Э. Ф. Направнику от 19 октября 1890 г. Там же, стр. 170). Весьма характерно продолжение письма: «Очень интересуюсь знать, что нужно изменить в сцене смерти. Если дело в какой-нибудь маленькой купюре,—то опять-таки вполне полагаюсь на Вас, хотя признаюсь Вам, это не особенно меня радует. Впрочем, поговорим при свидании» (Там же). Вопрос был задан композитором со всегда свойственной ему чрезвычайной деликатностью, но адресат уловил нотку тревоги, т. к. в последнем случае речь могла идти об изменениях, важных в драматургическом замысле композитора.

Зная, как относится композитор к подобного рода предложениям, Направник поспешил успокоить автора оперы: «Кто и что Вам написал про сцену смерти? Не пугайтесь, ничего серьезного с Вас не спросят» (Письмо Э. Ф. Направника к П. И. Чайковскому от 29 октября 1890 г. Там же, стр. 171).

Таким образом, изменения в партии Германа не шли вразрез с намерениями композитора, и поэтому вряд ли резонно отказываться от них, пытаясь восстановить некий «первоначальный вариант» партии Германа, как предлагал это сделать Модест Ильич,— вариант, якобы «искаженный» в первой постановке и утвердившийся во всех последующих.

Не совсем точно утверждение Ю. Л. Давыдова о том, что в России, кроме Н. Н. Фигнера, в то время не было исполнителей, которые могли бы «создать образ» Германа. Хотя композитор и ставил его выше других певцов того времени, тем не менее считал, например, что «Медведев (Герман), за исключением Фигнера, да еще может быть тифлисского Кошица, есть единственный тенор в России, коему партия Германа по силам» (Письмо П. И. Чайковского к В. П. Погожеву от 24 декабря 1890 г. Чайковский. Воспоминания и письма. Изд. Гос. академической филармонии. Л., 1924, стр. 72). Оперный мемуарист утверждает даже, что «уже через несколько недель (после петербургской премьеры.—Ред.) П. И. Чайковский говорит М. Е. Медведеву, что его Герман лучше (фигнеровского.—Ред.)». (С. Ю. Левик. Записки оперного певца. Изд. «Искусство», 1955, стр. 171—172.) Не исключено, однако, что композитор, отличавшийся необыкновенной деликатностью, счел необходимым поощрить Медведева, сочувственно отозвавшись об его исполнении. Известно, что, сравнивая Фигнера и Медведева, он так оценивал их да-

рования и возможности: «Голос у него, пожалуй, по тембру и лучше Фигнеровского, но исполнение в общем бесконечно менее тонкое и изящное. Играет он очень старательно и с увлечением, но до Фигнера ему, как до звезды небесной, далеко. Ни по наружности, ни по умению петь, ни по общей талантливости он не может и помышлять соперничать с Фигнером» (письмо Чайковского к В. П. Погожеву от 24 декабря 1890 г. Чайковский. Воспоминания и письма. Изд. Гос. академической филармонии, Л., 1924, стр. 72). Это письмо было написано П. И. Чайковским именно через две недели, разделявшие обе премьеры — Петербургскую и Киевскую.

⁶⁷ П. И. Чайковского привлекал не только цирк; он любил бывать на гуляниях, любил посещать массовые зрелища и даже не забывал отметить это в своем дневнике. Например, 30 апреля 1887 года он вносит запись о том, как «попал» в балаган на Цветном бульваре в Москве. «...Очень занятно (куплетист, исполнитель русских песен «Ах Ванюша, да не дуря»), представление кукол (купец в ад отправляется, курьезный оркестр, ну, одним словом, забавно.)» (Дневники П. И. Чайковского. Москва — Петроград, 1932) М. М. Ипполитов-Иванов, вспоминая о пребывании П. И. Чайковского в Тифлисе в 1890 году, писал: «...Мы старались его всячески развлекать: возили в Ботанический сад, где он любил гулять, затем показывали ему великана в одном из балаганов и в заключение даже катали на каруселях, что его очень развлекало...» (М. М. Ипполитов-Иванов. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934, стр. 55).

⁶⁸ Вполне вероятно, что речь идет о репетиции, состоявшейся утром 12 января 1885 года, на которой присутствовал Чайковский. Исполнялась его Третья сюита (см. «Дни и годы П. И. Чайковского». М.—Л., 1940, стр. 335).

⁶⁹ Опера «Фаворитка» Дж. Доницетти была сочинена в 1840 году по драме в 4 действиях А. Ройе и Ж. Веза для Парижского оперного театра.

⁷⁰ Очевидно, речь идет о ранней опере Ц. Кюи «Сын мандарина». Балета под этим названием мы не знаем. Автор воспоминаний мог видеть оперу в одном из частных театров, так как на сцене Мариинского театра она не шла (см. Н. Финдейзен. Ц. Кюи. Очерк его музыкальной деятельности. «Русская музыкальная газета», 1894, № 2, стр. 32; Историческая справка об операх Ц. А. Кюи, поставленных на сценах императорских театров. «Ежегодник императорских театров». Сезон 1892—1893 гг., СПб, 1894, стр. 559; Список балетов, пантомим, дивертисментов и других театральных представлений, данных в С.-Петербурге с 1727 по 1918 г. Материалы по истории русского балета, Л., изд. Ленинградского государственного хореографического училища, 1939).

⁷¹ «Царь Канлава» (большой балет в 4 действиях, 6 картинах) был сочинен Сен-Жоржем и Мариусом Петипа на музыку Ц. Пуни. Первая постановка была осуществлена на сцене Мариинского театра 17 октября 1868 года. Отметим, что этот балет автор воспоминаний мог видеть не ранее 1891 года, т. к. балет продержался в репертуаре только до 1875 года (последняя постановка в 1875 году состоялась 28 декабря, т. е. до рождения автора настоящих мемуаров) и был возобновлен 24 ноября 1891 года (см. Материалы по истории русского балета. Изд. Ленинградского хореографического училища, 1939, стр. 293).

⁷² Очевидно, речь идет о балете «Дочь фараона» Ц. Пуни (на

либретто Сен-Жоржа и М. Петипа по роману Теофиля Готье «Le roman de la momie»). Впервые этот балет был поставлен на сцене Мариинского театра в 1861 году. Впоследствии постановку его неоднократно возобновляли (см. Материалы по истории русского балета. Изд. Ленинградского Государственного хореографического училища, Л., 1939, стр. 271).

⁷³ Первая постановка оперы «Евгений Онегин» в Мариинском театре в Петербурге состоялась 19 октября 1884 года под управлением Э. Ф. Направника. Роли исполняли: И. П. Пояншиников (Онегин), М. И. Михайлов (Ленский), М. М. Корякин (Гремни), А. Е. Муратов (Трике), В. Ф. Соболев (Ротный), Н. И. Дементьев (Зарецкий), Е. О. Конча (Ларина), Э. К. Павловская (Татьяна), А. А. Бичурина (Филиппевна). Исполнительница роли Татьяны оставила воспоминания, в которых воссоздаются некоторые подробности этой постановки. «Первая новая опера, которую ставили, была «Евгений Онегин». Я с Чайковским виделась ежедневно, он бывал у меня и на репетициях. Волновался он ужасно, но я всеми силами старалась успокоить и развлечь его; он был мне очень дорог и очень близок. «Евгений Онегин» прошел с громадным успехом. Весь музыкальный артистический Петербург заволновался, и даже критики, которые всегда находили какую-нибудь «ахиллесову пята» в музыке Чайковского, смолкли и пели ему хвалебные гимны, но в бочке меда оказалась ложка дегтя, — критики говорили, что Чайковский все-таки не оперный композитор, а симфонический.

Вообще современная критика была к нему совершенно несправедлива, и он чрезвычайно ценил всякое искреннее восхищение его творчеством. А творчество его, в особенности в любимой мною его опере «Евгений Онегин», отличалось особенным блеском, и в нем особенно ярко выражалось его горячее и страстное душевное волнение, которым он был охвачен при создании этой оперы от первой до последней ноты» (Э. П. Павловская. Воспоминания оперной артистки. Рукопись в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. ДМ, инд. дм², № 56).

⁷⁴ Опера «Чародейка» написана П. И. Чайковским на либретто И. В. Шпагинского по его трагедии «Чародейка» (Нижегородское предание). Композитор создавал ее с сентября 1885 по май 1887 года. С самого начала работы П. И. Чайковский делился своими замыслами с Э. К. Павловской, будущей первой исполнительницей роли кумы Настасьи в этой опере. Павловская отговаривала композитора от создания этой оперы. «Вам не может нравиться тип Чародейки. Вы слишком идеальный, слишком поэт, слишком чистые понятия у Вас о женщине, особенно героине Ваших произведений. Вам не может нравиться Чародейка» (Письмо Э. К. Павловской к П. И. Чайковскому от 9 апреля 1885 г. «П. И. Чайковский на московской сцене». М.—Л., изд. «Искусство», 1940, стр. 330). Петр Ильич отвергал все доводы певицы. «Я совершенно не так воображаю и понимаю Настасью, как Вы... Она сильная женская натура, умеющая полюбить только раз навсегда и в жертву этой любви отдать все» (письмо П. И. Чайковского к Э. К. Павловской от 12 апреля 1885 г. в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина. фонд Павловских [Э. К. и С. Е.] № 165749). Композитору удалось убедить певицу в глубокой правдивости образа героини этой оперы. Премьера «Чародейки» состоялась на сцене Мариинского театра 20 октября 1887 года. Первыми спектаклями дирижировал автор (20, 23, 30 октября и 2 ноября). Павловская из-за болезни пела неудач-

но и успеха не имела. Опере не повезло и в Москве. Вот что писал рецензент «Русских ведомостей» о московской премьере: «Опера, очевидно, была разучена на скорую руку, кое-как, что и сказалось на первом представлении, прошедшем в общем весьма неудовлетворительно. Артистов винить в этом мы ни в каком случае не станем: они сделали все, что могли, и некоторые из них были даже хороши, как например гг. Корсов, Михайлов и др., но ансамбля, за недостаточной срепетовкой, не было, — все шло более или менее врознь. Оркестр аккомпанировал грубо, без оттенков, медные играли все время forte и покрывали своей однообразной звучностью все и всех» (газета «Русские ведомости», 4 февраля 1890 г., стр. 4. Рецензия Н. Д. Кашкина).

⁷⁵ Первое заграничное турне П. И. Чайковского продолжалось с 15 декабря 1887 года по 20 марта 1888 года. Он дирижировал своими сочинениями в Лейпциге (оркестром Гевандхауза — 24 декабря), Гамбурге (8 января), Берлине (27 января), Праге (7 и 9 февраля), Париже (21 и 23 февраля), Лондоне (10 марта).

⁷⁶ П. И. Чайковский прибыл в Прагу из Лейпцига 31 января и выехал в Париж 10 февраля 1888 года. Десять дней, проведенные им в столице Чехии, превратились в подлинный триумф русской музыки. Чехи на каждом шагу выражали свои симпатии Чайковскому — русскому композитору. Петр Ильич внес в свой пражский дневник: «Я очень полюбил этих добрых чехов. Да и есть за что!!! Господи! Сколько было восторгу, и все это совсем не мне, а голубушке России». (Дневники П. И. Чайковского. Москва — Петроград, 1923, стр. 197—198).

⁷⁷ П. И. Чайковский оркестровал увертюру Г. А. Лароша между 15 августа и 15 сентября 1888 года, занимаясь одновременно корректурой Пятой симфонии, сочиняя романсы ор. 65. «Увертюра эта стоила мне большого усидчивого труда», — сообщал он Н. Ф. фон Мекк в письме от 14 сентября 1888 года (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, ч. III, 1936, стр. 552; см. также прим. 10).

⁷⁸ Опера «Опричник» была поставлена в Петербургской консерватории 18 декабря 1888 года. В клинкой квартире П. И. Чайковского (ныне Дом-музей) на стене в кабинете-гостиной можно и сейчас видеть групповую фотографию участников этой постановки, поднесенную исполнителями композитору с надписью: «Славному деятелю в области музыки Петру Ильичу Чайковскому от учениц и учеников СПб консерватории, испытавших свои силы в «Опричнике» и черпавших в нем энергию и любовь к работе, 18 декабря 1888 г. О. Томарс, А. Стремоухова, М. Тушмалов, Ст. Габель, О. Палечек, И. Давыдов, Фриде, М. Франковский, Н. Забелла, В. Авдеев, В. Павленкова, В. Анненков».

⁷⁹ Вторая поездка П. И. Чайковского с концертами по странам Западной Европы продолжалась с 24 января по 31 марта 1889 года. Композитор дирижировал своими сочинениями в Кельне (31 января), Франкфурте (3 февраля), Гамбурге (3 марта), Париже (19 марта), Лондоне (30 марта).

⁸⁰ Юбилейные торжества по случаю пятидесятилетия артистической деятельности А. Г. Рубинштейна состоялись в ноябре: 18 — Торжественный акт в Дворянском собрании, 19 — Симфоническое собрание Русского музыкального общества, 20 — вокально-инструментальный концерт. Репетиции происходили между 12 и 18 ноября.

⁸¹ Участнице этого концерта, известной певице А. В. Панаевой-

Карцовой, принадлежат воспоминания о юбилее А. Г. Рубинштейна.

«Я получила предложение участвовать в концерте, устраиваемом в честь юбиляра. Я, конечно, охотно приняла лестное предложение, и мы с мужем покинули деревню раньше, чем предполагали, чтобы быть на месте вовремя, т. е. накануне чествований. Я не попала на акт, состоявшийся в первый день днем в Дворянском собрании, а поехала на банкет в тот же день вечером. Обед состоялся, если не ошибаюсь, в ресторане Демута, в громадной, низкой зале, в которой накрыты были столы человек, должно быть, на 200, если не больше. Мне пришлось сидеть рядом с Антоном Григорьевичем, по другую сторону которого сидела милейшая и чуднейшая певица Елизавета Андреевна Лавровская, тоже принимавшая участие в предстоящем концерте. Тут я узнала, что Петр Ильич уже дня три как приехал в Петербург из Москвы, выразив желание выступить дирижером концерта: второе отделение концерта состояло из «Столпотворения Вавилонского» — громадной оратории Рубинштейна. Петр Ильич, как мне рассказали, просил подготовить усиленный оркестр и хор, состоящий из хористов обеих опер, капеллы и всех ферейнов, так что пришлось выдвинуть эстраду, пожертвовав несколькими рядами кресел, но... никто не позаботился поработать с оркестром и хорами, так что Петру Ильичу пришлось с ними усиленно репетировать чуть ли не по два раза в день, кончая поздно ночью. Все это мне ясно стало из поздравительных речей, обращенных к Антону Григорьевичу, и почти все выражали сожаление, что Петр Ильич не мог присутствовать на банкете, где все веселились, а он, бедный, в это время работает в поте лица до изнеможения... Обед протекал весело и оживленно, и Елизавета Андреевна уехала с сожалением задолго до конца (в одиннадцать часов), торопясь на репетицию (она что-то должна была петь с оркестром; кажется «Агарь в пустыне», если память мне не изменила). На другой день, приехав в концерт, я увидела увеличенную эстраду и устроенную, разукрашенную ложу Антона Григорьевича с левой стороны за колоннами. До моего номера я не видела Петра Ильича, дирижирующего танцами из «Фераморса» и еще не помню какими произведениями. Я пела несколько «Сербских песен» с виолончелью (с кем не помню) и «Ночь», один из любимых романсов Антона Григорьевича, в котором он вставил в конце высокое «до» и для голоса. Спев свой номер, я, успокоенная, вошла в артистическую, моим номером заканчивалось первое отделение, и увидела Петра Ильича, сидящего на диванчике, склонивши голову на обе руки, протянутые на столе... Во втором отделении «он появился под гром аплодисментов всего зала, оркестра и хоров. Между последними весть о нездоровье Петра Ильича распространилась уже, и они овацией как будто хотели ободрить общего любимца. За эти три дня совместной работы все участвующие в «Столпотворении Вавилонском» успели его полюбить. Мне показалось, что он не совсем уверенными шагами направлялся к своему месту. Я страшно волновалась за него и мысленно все приговаривала: «Голубчик, дорогой, воспряньте духом». Он начал вяло, как-то неохотно, но все взгляды сотен людей (оркестра и хора), любовно устремленные на него, живительно подействовали и, очевидно, возбуждали в нем энергию. Постепенно он воодушевлялся, выпрямлялся. Я очень любила и всегда любовалась его манерой вести оркестр. В этом скромном человеке появлялась какая-то уверенность в себе, властность, даже во всей его фигуре, как только он брал в руки дирижерскую

палочку. Мне кажется, что этот прием инстинктивно действовал воодушевляюще на оркестрантов. Один из музыкантов как-то мне говорил, что когда они играли под управлением Петра Ильича, то каждому казалось, что он дирижирует исключительно для него, и это придавало им стремление сделать максимум того, что могут они и что от них требуется. Петр Ильич же рассказывал мне, что когда он в первый раз взялся за палочку (в Филармоническом концерте, состоявшем из его произведений, в котором я участвовала), он так растерялся, что не помнит даже, как провел вещь. — Но «милые, добрые, славные музыканты меня вывели, и я закончила благополучно». Верно ли это, не по излишней ли скромности Петр Ильич преувеличивал?» (Воспоминания А. В. Панаевой-Карцовой. Рукопись в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. ДМ, инд. дм², № 57. Отрывок из воспоминаний опубликован. См. П. И. Чайковский, С. И. Танеев. М., 1951, стр. 354).

⁸² Балет «Спящая красавица» сочинен П. И. Чайковским между октябрём 1888 и маем 1889 годов. Сюжет балета был предложен композитору директором императорских театров И. А. Всеволожским (см. письмо И. А. Всеволожского к П. И. Чайковскому от 13 мая 1888 г. в Государственном Доме-музее П. И. Чайковского. Отд. II, гр. А, инд. а⁴, № 478; Ю. Слонимский. П. И. Чайковский и балетный театр его времени. М., 1956, стр. 169). Премьера балета состоялась в Мариинском театре 3 января 1890 года. Постановку осуществил М. Петипа. Дирижировал Р. Дриго.

⁸³ 17 декабря в письме к Н. Ф. фон Мекк композитор сетует на то, что премьера балета, ради которой он остается в Петербурге, откладывается со дня на день, т. к. декорации все еще не готовы. На следующий день Петр Ильич уезжает в Москву (см. прим. 84).

⁸⁴ Осенью-зимой 1889/90 года Петр Ильич Чайковский неоднократно приезжал в Петербург. В столице он пробыл с 20 по 30 сентября (репетиции «Спящей красавицы» и заседания юбилейного комитета по чествованию А. Г. Рубинштейна), с 1 по 10 ноября (репетиции юбилейных концертов), с 13 по 21 ноября (репетиции и юбилейные концерты; см. прим. 81), с конца ноября до 18 декабря (репетиции «Спящей красавицы»), с 28 декабря по 4 января (генеральная репетиция и премьера «Спящей красавицы»), с 11 по 14 января (перед поездкой за границу). Чтение либретто могло состояться в один из этих дней, во всяком случае не позднее первых чисел декабря, так как к этому времени у композитора уже окончательно сложилась мысль приступить к созданию оперы, и позднее его не пришлось бы уговаривать взяться за эту работу*.

* Об этом можно узнать, например, из письма к Н. Ф. фон Мекк, начатого Петром Ильичем в Петербурге в первых числах декабря, но отправленного только через неделю уже из Москвы. «Итак, либретто для «Пиковой дамы» сделано братом Модестом Ильичем для г. Кленовского, но сей последний от сочинения музыки в конце концов отказался, почему-то не сладив со своей задачей. Между тем, директор театров Всеволожский увлекся мыслью, чтобы я написал на этот самый сюжет оперу, и притом непременно к будущему сезону. Он высказал мне это желание, и так как это совпало с моим решением бежать из России в январе и заняться сочинением, то я согласился» (разрядка наша. — Ред.).

Ю. Л. Давыдов пишет о том, что трагическая судьба героини была решена на квартире М. И. Чайковского, при обсуждении, состоявшемся в конце декабря или несколько ранее. Однако сам Модест Ильич двумя месяцами позднее писал композитору: «Посылаю тебе шестую картину, причем предоставляю тебе убить Лизу (т. е. заставить ее броситься в Неву) или оставить как у меня. Мне жестокосердие Всеволожского в этом случае ужасно не по нутру, а впрочем, как ты хочешь...» (Письмо М. И. Чайковского к П. И. Чайковскому от 17 февраля 1890 г.; П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, стр. 616).

⁸⁵ Премьера «Пиковой дамы» состоялась 7 декабря 1890 года в Мариинском театре.

⁸⁶ Работа над музыкой к пьесе Шекспира «Гамлет» была завершена П. И. Чайковским 22 января 1891 год (см. письмо П. И. Чайковского к А. И. Чайковскому от 22 января 1891 г. П. И. Чайковский. Письма к близким. М., 1955, стр. 474). Это произведение составляют увертюра, переделанная из симфонической фантазии «Гамлет», и 16 номеров, три из которых заимствованы композитором из ранее созданных им сочинений. Дата начала работы Чайковского над музыкой к «Гамлету» точно не установлена. Обыкновенно полагали, что он приступил к созданию этой музыки только в январе 1891 г. во Фроловском (Домбаев в своем справочнике «Творчество Петра Ильича Чайковского» в качестве даты начала работы композитора над музыкой к «Гамлету» называет 1 января 1891 г.; в справочнике «Музыкальное наследие Чайковского», вышедшем в издательстве АН СССР, указаны [7—8] января 1891 г.). Модест Ильич в биографии композитора сообщает, что «Петру Ильичу было нужно Фроловское уединение для того, чтобы исполнить давнишнее обещание, данное приятелю его Люсьену Гитри, написать музыку к «Гамлету», который в феврале должен был быть представлен в Михайловском театре, в бенефис этого превосходного артиста» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 418). Однако не исключено, что что-то из музыки к «Гамлету» возникло несколько ранее — в дни репетиций и постановки «Пиковой дамы» в Петербурге.

Встреча Танеева с Чайковским могла состояться в начале

Далее Петр Ильич сообщает весьма интересные сведения об обсуждении либретто в дирекции императорских театров. Оно состоялось в первой половине декабря. «Было назначено заседание целой импровизированной комиссии, на которой брат мой прочел свое либретто, причем были обстоятельно обсуждены сценические достоинства и недостатки его произведения (т. е. либретто, сочиненного для оперы Н. С. Кленовского. — Ред.), проектированы декорации, даже распределены роли и т. д. Таким образом уже теперь в дирекции театров идут толки о постановке оперы, ни одной ноты из которой еще не написано...» (Письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 17—26 декабря 1889 г.; П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. III, стр. 589—590).

Более подробно об изменениях в либретто, о которых шла речь на этом совещании, пишет в биографии брата Модест Ильич. «В середине декабря, — рассказывает он, — состоялось совещание в кабинете директора императорских театров в присутствии декораторов, начальников конторы, В. Погожева и монтировочной части, Домерщикова, где я прочел мой сценарий, и здесь было решено перене-

декабря. О желании присутствовать на исполнении новой оперы Танеев сообщил Петру Ильичу из Москвы: «Собирался я завтра выехать в Петербург, имея намерение услышать репетицию «Пиковой дамы», но отложил отъезд до среды, услышав от Зилоти о невозможности попасть на репетицию. В день приезда к тебе зайду...» (Письмо С. И. Танеева к П. И. Чайковскому от 2 декабря 1890 г.; П. И. Чайковский, С. И. Танеев. Письма, М., 1951, стр. 166).

Впервые музыка к «Гамлету» прозвучала в Михайловском театре в бенефис Л. Гитри 9 февраля 1891 года. В конце января Петр Ильич прибыл в Петербург и присутствовал на спектакле. Вновь возвратившись во Фроловское, он сообщил своему брату Анатолию Ильичу: «Музыка моя к «Гамлету», шедшему в бенефис Гитри, всем очень понравилась. Гитри был бесподобен» (письмо П. И. Чайковского к А. И. Чайковскому от 12 февраля 1891 г. П. И. Чайковский. Письма к близким, М., 1955, стр. 476). Более подробно мы можем прочесть об этом спектакле в биографии композитора. «Мало оваций выпало на долю Петра Ильича 9-го февраля, в день представления французской труппой в Михайловском театре «Гамлета». Впрочем, он и не ждал их, не придавая серьезного значения своей музыке к этой трагедии. Тем не менее из отдельных отзывов о ней он был удивлен услышать похвалы и переменил свое пренебрежительное мнение об этой вещи к лучшему» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 426). Вскоре композитор сообщал П. И. Юргенсону: «Я не прочь, чтобы ты ее издал, ибо она многим понравилась, а от марша все в восторге» (письмо П. И. Чайковского к П. И. Юргенсону от 16 февраля 1891 г. П. И. Чайковский. Переписка с П. И. Юргенсоном, т. II, М., 1952, стр. 205).

⁸⁷ П. И. Чайковский посетил США в 1891 году. Он выехал из Гавра 5 апреля утром и прибыл в Нью-Йорк 14 числа того же месяца. 23 апреля он дирижировал на открытии концертного зала Карнеги-холл «Торжественным маршем», 25-го в том же зале Третьей сиюнтой, 27-го под управлением Чайковского исполнялся Первый концерт для фортепьяно с оркестром (солистка Адель Аус-дер Оэ). Затем следовали выступления в Балтиморе (3 мая днем исполнялись Струнная серенада, Первый концерт для фортепьяно с оркестром) и Филадельфии (6 мая исполнялся Первый концерт для фортепьяно с оркестром). 8 мая Чайковский присутствовал на музыкальном вечере, организованном в его честь Composer's Club-ом в помещении Метрополитен-Опера в Нью-Йорке. Он отметил в дневнике: «Я сидел в первом ряду. Играли квартет *es-moll*, трио, пели романсы, из коих некоторые исполнены прекрасно (*Mist-s Alwes*) и т. д. ...В середине вечера M. Smith читал мне адрес; я отвечал

сти эпоху действия из времен царствования Александра I, как у меня было сделано для Кленовского, в конце царствования Екатерины II. Соответственно с этим, совершенно изменен сценарий третьей картины — бала, и добавлена сцена на Зимней Канавке, ко- ей у меня не было совсем. Таким образом, из всего либретто сценарий этих двух сцен постольку же мой, сколько всех присутствовавших на этом заседании» (М. И. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. III, стр. 388).

кратко по-французски; разумеется, овации» (Дневники П. И. Чайковского. Москва — Петроград, 1923, стр. 290). Утром 9 мая Чайковский выехал в Европу. О грандиозном успехе выступлений Петра Ильича в США свидетельствуют рецензии американских газет того времени. «Американ арт джорнел» 16 мая 1891 года выступила со статьей, в которой, в частности, писала: «Какой бы огромный стимул был сообщен музыкальному искусству в нашей стране, если бы мы могли испытывать благотворное и вдохновляющее влияние Чайковского-дирижера и композитора!.. Его пример в качестве композитора трудно переоценить; когда слышишь его произведения, то вновь проникаешься верой, во-первых, в то, что источники мелодии не иссякли, во-вторых, что можно писать музыку, исполненную свежести и оригинальности». Журнал «Мюзик энд драма» в тот же день поместил статью о выступлении Чайковского в Карнеги-холл: «Он немедленно завоевал симпатии... Не прошло и недели, как закрепился его триумф. Каждое его появление вызывало бурю аплодисментов...»

⁸⁸ Начало переписки П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк относится к 1876 году. В письме от 18 декабря Надежда Филаретовна благодарила композитора за быстрое исполнение ее просьбы. По ее заказу Чайковский сделал переложения пьес для домашнего музицирования. Последнее письмо послано им из Тифлиса 22 сентября 1890 года. В продолжение последующих восьми месяцев композитор справлялся о здоровье Надежды Филаретовны, о ее семье через Владислава Альбертовича Пахульского. Но сама фон Мекк хранила полное молчание, хотя и передавала иногда привет.

Шестого июня 1891 года композитор послал Пахульскому письмо, полное отчаяния. «Мне хотелось, мне нужно было, чтобы мои отношения с Н. Ф. несколько не изменились вследствие того, что я перестал получать от нее деньги,— писал он.— К сожалению, это оказалось невозможным вследствие совершенно очевидного охлаждения Н. Ф. ко мне. В результате вышло то, что я.. прекратил почти всякие с нею сношения после того, как лишился ее денег. Такое положение унижает меня в собственных глазах, делает для меня невыносимым воспоминание о том, что я принимал ее денежные выдачи, постоянно терзает и тяготит меня свыше меры. Осенью в деревне я перечел прежние письма Н. Ф. Ни ее болезнь, ни горести, ни ее материальные затруднения не могли, казалось бы, изменить тех чувств, которые высказывались в этих письмах. Однако ж они изменились. Быть может, именно оттого, что я лично никогда не знал Н. Ф., она представлялась мне идеалом человека; я не мог себе представить изменчивости в такой полубогине; мне казалось, что скорее земной шар может рассыпаться в мелкие кусочки, чем Н. Ф. сделаться в отношении меня другой. Но последнее случилось, и это перевертывает вверх дном мои воззрения на людей, мою веру в лучших из них; это смущает мое спокойствие, отравляет ту долю счастья, которая уделается мне судьбой. Конечно, не желая этого, Н. Ф. поступила со мной очень жестоко. Никогда я не чувствовал себя столь приниженным, столь уязвленным в своей гордости, как теперь. И тяжелее всего то, что ввиду столь сильно расстроенного здоровья Н. Ф., я не могу, боясь огорчить и расстроить ее, высказать ей все то, что меня терзает. Мне невозможно высказаться,— а это одно облегчило бы меня...» (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. III, стр. 612). Именно это письмо Пахульский возвратил П. И. Чайковскому. Из стенограм-

мы беседы А. Л. Давыдовой-Мекк с сотрудниками Дома-музея П. И. Чайковского (см. прим. 32) мы узнаём, что композитор даже обращался к Пахульскому с просьбой не показывать его письма Надежде Филаретовне, и что она об этом письме действительно так и не узнала.

Рассказ Анны Львовны Давыдовой (Мекк) о причинах прекращения переписки композитора с Надеждой Филаретовной в основном совпадает с воспоминаниями Ю. Л. Давыдова. «Спустя три года после прекращения переписки, когда я уезжала за границу, он (Петр Ильич.—*Ред.*) мне сказал: «Поговори с Надеждой Филаретовной, скажи ей, как мне больно, что она выкинула меня из своей жизни». Я говорила с ней. Помню обстановку во время моего разговора. Она в это время была очень больна. У нее была чахотка, кроме сильного нервного заболевания и безумных головных болей, которые ей совершенно не давали жить. Еще у нее была сухотка правой руки. Писала она только Петру Ильичу, держа левой рукой правую, от чего у нее таким кривым почерком были написаны письма. Всем остальным она диктовала письма. Потом у нее был туберкулез горла, и она была почти без голоса. Ведь она была глухая. Это было для нее тоже большим горем, так как она не могла посещать концерты, слушать музыку. Когда я ей сказала о Петре Ильиче, она ответила, что она прекратила переписку, хотя она чувствовала, что переписка сама собой прекращается, что она (Н. Ф. Мекк.—*Ред.*)—ему больше не нужна ни материально, ни морально, что, кроме того, ей было трудно в материальном отношении. Она знала, что он материально обеспечен. Кроме того, у нее было такое чувство, что она долго жила только для себя, своими интересами, что она в семье что-то проглядела, что, может быть, и болезнь сына не была бы такой ужасной. Вообще ее настроение в то время было аскетическим. Она стала богу молиться, заказывала молебны, чего раньше не было. Говорила она в это время шепотом. У нее были замечательные глаза. Я сидела у ее ног на кушетке, были уже сумерки, а глаза у нее горели огнем. Когда она говорила о Петре Ильиче, ей самой, по-видимому, так горько делалось и тяжело было, что я не знаю, кто из них больше страдал. После того, что она ему отказала в денежном пособии, она не могла больше писать... Передать этот разговор Петру Ильичу я по-настоящему не успела, так как вернувшись из-за границы, я видела его очень мало. Это было перед тем, как он окончил VI симфонию, потом уехал в Петербург и заезжал в Москву только на несколько часов. Так, по крайней мере он мне сказал. Он был у нас проездом ненадолго, но я ему сказала то, что она (Н. Ф. фон Мекк.—*Ред.*) просила передать, что она никогда к нему не меняла отношения, что она ему больше не нужна, и что для нее самой как бы грех продолжать эти отношения. Я не знаю, как он это воспринял, но все говорят, что он был очень хорошо настроен, когда приехал в Петербург, что у него было приподнятое и радостное настроение. Я думаю, что то немногое, что я успела ему сказать, тоже сыграло какую-то роль» (Там же). Весьма интересно, что в своей последней части рассказ А. Л. Давыдовой (Мекк) представляет собой как бы зеркальное отражение воспоминаний Ю. Л. Давыдова. В данном случае, все же следует отдать предпочтение стенограмме, так как А. Л. Давыдова (Мекк) была лицом, непосредственно соприкасавшимся с Надеждой Филаретовной, между тем как автор воспоминаний повествует о ней со слов той же

А. Л. Давыдовой (Мекк). (О В. А. Пахульском см. журнал «Советская музыка», 1959, № 12).

⁸⁹ Балет «Щелкунчик» создавался П. И. Чайковским на протяжении февраля-июня 1891 года, опера «Юланта» — с июля по сентябрь того же года. Премьеры обеих произведений состоялись 6 декабря. Оперой дирижировал Э. Ф. Направник, балетом — Р. Е. Дриго.

⁹⁰ 8 декабря 1891 года П. И. Чайковский уехал из Петербурга в Майданово, через неделю отбыл оттуда в Киев и еще через несколько дней направился в Варшаву, где 2 января 1892 года дирижировал своими сочинениями. Отсюда через Берлин Чайковский отбыл в Гамбург на премьеру «Евгения Онегина». Оперой дирижировал Густав Малер.

Поездка к Фанни Дюрбах состоялась в декабре 1892 года. Композитор считал своим долгом навестить престарелую воспитательницу, служившую в их семье в Воткинске с 1844 по 1848 год. Прошло более сорока лет с тех пор, как они расстались, но Петр Ильич сохранил к Фанни Дюрбах сердечную привязанность. Он гостил у нее 20 и 21 декабря 1892 года. (см. «Дни и годы П. И. Чайковского». М.—Л., 1940, стр. 541 и 567).

⁹¹ Шестая «Патетическая» симфония была сочинена и инструментована в Клину в 1893 году. Работа прерывалась поездками в Харьков (в марте) и в Кембридж (Англия, в мае).

16 октября П. И. Чайковский беседовал с Н. А. Римским-Корсаковым. Вот что пишет последний в своей «Летописи»: «Помню, как в антракте после исполнения симфонии я спросил его — нет ли у него какой-либо программы к этому произведению? Он ответил, мне, что есть, конечно, но объявлять ее он не желает» (Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955, стр. 193).

⁹² 20 октября П. И. Чайковский ужинал в ресторане Лейнера вместе с графами Литке, бароном Буксгевденом, И. Ф. Горбуновым, А. К. Глазуновым, Ф. Ф. Мюльбахом и М. И. Чайковским (см. «Дни и годы П. И. Чайковского». М.—Л., 1940, стр. 596). Интересно, что в своих воспоминаниях о П. И. Чайковском А. К. Глазунов вообще ничего не пишет об этом ужине, хотя этот вечер и последовавшие затем события вряд ли могли бы изгладиться в памяти человека, знавшего Петра Ильича так близко, как Глазунов (Чайковский. Воспоминания и письма. Изд. Государственной академической филармонии. Петроград, 1924, стр. 9).

⁹³ П. И. Чайковский скончался в 3 часа утра 25 октября 1893 года.

